

de visu

№ 92
ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 0'92

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

- ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ
- 3 От редакции
- 5 И.Г.Эренбург. Статьи 1919 г.
Подготовил Д.М.Фельдман
- 12 Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
Подготовил А.Ю.Галушкин
- 24 Сборник контрреволюционных
произведений
*Подготовили А.Г.Герасимова
и И.С.Мальский*
- 35 Спецсправка о настроениях
среди писателей
- СТАТЬИ
- 39 *А.Е.Парнис*
Вячеслав Иванов и Хлебников
- 46 *Н.А.Богомолов*
Оккультные мотивы в творчестве
Гумилева
- 52 *К.М.Поливанов*
Марина Цветаева в романе Бориса
Пастернака «Доктор Живаго»
- БИБЛИОГРАФИЯ
- 59 *А.Т.Никитаев*
Ничевоки: материалы к истории
и библиографии
- ОБЗОРЫ
- 65 Книги. Журналы. Газеты.
Корректуры и рукописи. «Alma mater»
- ХРОНИКА
- 83 Международная научная конференция
«Поэт и Время»: К столетию со дня
рождения Марины Цветаевой

ББК 84Р5
Л 255

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над нулевым номером работали:
Юрий Бин, Юлия Дронова,
Татьяна Чернова, Анастасия Шамаро

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

Нулевой номер «De Visu» выходит как историко-литературный сборник.
С января 1993 г. «De Visu» будет выходить как ежемесячный журнал.

4702010000
ISBN 5-87910-021-9

ББК 84Р6

Писать по адресу: Россия, 117437, Москва,
ул.Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 166-75-27, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Galina Zlotnikova: 55E 208 Str. #6G BRONX
N.-Y. 10467 USA. Phone: 212-7980092.

ЛР № 070205 от 22.10.91.
Формат 60×84/8 Печать офс. Бум. оф. № 1.
Заказ 5014. Тираж 3000. Усл. печ. л. 11,0.
Отпечатано на Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ, 140010, Московская обл.,
г. Люберцы, Октябрьский проспект, 403.

© Богомолов Н.А., 1992.
© Герасимова А.Г., Мальский И.С., 1992.
© Галушкин А.Ю., 1992.
© Никитаев А.Т., 1992.
© Парнис А.Е., 1992.
© Поливанов К.М., 1992.
© Рогачевский А.Б., 1992.
© Фельдман Д.М., 1992.
© Агентство «Алфавит», «De Visu», 1992.

От редакции

Мысль об издании историко-литературного и библиографического журнала, посвященного русской литературе конца XIX — 30-х годов XX века, родилась лет пять тому назад, и была высказана в одном из многочисленных телефонных разговоров, которые вели в те годы между собой теперешние редакторы «De Visu». За эти годы многое изменилось, но необходимость такого издания и сегодня кажется нам очевидной. Хронологические рамки ориентации журнала объясняются двумя причинами. Этот период (от зарождения символизма до эпохи социалистического реализма) является совершенно законченным и определенным. Не будем говорить о его исключительном многообразии и богатстве и т.д. Вторая причина — симпатии и привязанности как редакторов, так и авторов журнала, его друзей и единомышленников.

Нам кажется, что несмотря на большое количество книг, статей и публикаций, посвященных литературе этого периода, она изучена еще недостаточно. Огромный массив документов остается неопубликованным; многие «секретные» архивные фонды стали доступны лишь в последний год. Мы отдаем большую часть нашего журнала историко-литературным публикациям и статьям. Не разделяя архивистского снобизма и ясно представляя себе, какие богатства таятся на старых газетных страницах, мы допускаем в журнале и републикации, в исключительных случаях — и из современной прессы (снабженные, конечно, научным аппаратом). Так, в нулевом номере мы перепечатываем материалы поэтов-обэристов из их следственного дела, впервые опубликованные в №32 малотиражной газеты «Санкт-Петербургский университет» от 1 ноября 1991 г. Этот номер уже сегодня является библиографической редкостью. Мы перепечатываем также и другой документ, появившийся в №29 газеты «Российские вести» за 1992 г., по новому освещающий писательские настроения 30-х годов.

Библиография — второе по значению направление деятельности нашего журнала. Уже в первые годы книжно-журнально-газетной лихорадки, возникла потребность в некоем путеводителе по книгам, журналам, газетам — в тематической аннотированной библиографии, которая, по возможности, описывала бы все публикации, связанные с литературой 1890-1930-х гг. Мы предполагаем взять на себя ведение этой библиографии и, начиная со второго полугодия сего года, систематически информировать о публикациях, посвященных литературе этого периода. «De Visu» — и название, и принцип нашего журнала. (На основе этих данных, дополненных ретроспективной росписью за 1985 — первое полугодие 1992 г., мы предполагаем сформировать базу данных, которая охватила бы «перестроечные» и первые «постперестроечные» годы).

Замысел нашего издания, воплощается только сейчас, — благодаря агентству «Алфавит», рискнувшему взять на себя издание «De Visu». За эти годы многое изменилось. Литературоведческая наука переживает не лучшие времена, и вызвано это не только материальными причинами. Не выходят научные издания — журналы и книги. Оскудевает поток научных конференций и симпозиумов. Утратив материальную независимость, некоторые ученые вынуждены заниматься журнально-газетной поденщиной. Осложняет ситуацию и ощутимое отсутствие в текущем научном процессе крупных (и не очень крупных) ученых, покинувших страну или вынужденных работать за границей. Упал читательский интерес к «возвращенной литературе» и ничем его не вернуть.

И в это время мы начинаем издавать журнал. Когда вот-вот перестанут выходить хорошие книги. Когда уже начинают забываться такие издания как «Литературное наследство», «Литературные памятники», «Библиотека поэта» и т.д. Когда грозят погибнуть тонкие и толстые журналы, а от иных осталась одна подписка. Когда с души воротит от любых сортов «печатной водки», целые легионы которой вымостили мостовые, усеяли лотки и прилавки.

Мы начинаем издавать журнал, когда умирают книжные магазины («сопутствующие товары» распространяются в них со скоростью плесени). а издательства все больше и больше напоминают кладбища, где похоронены наилучшие намерения.

Мы начинаем издавать журнал, потому что рассчитываем на читателя, не потерявшего интерес к литературе «серебряного» и последовавшего за ним «медного» веков. Мы надеемся на своего читателя и без страха отдаем наш журнал на его суд.

Кончено — и даже с пафосом.

И.Г.Эренбург Статьи 1919 года

Публицистика И.Г.Эренбурга 1917-1919 гг. даже специалистам известна недостаточно. Многочисленные статьи в московских, харьковских, киевских и др. газетах не собраны и не переизданы. Однако с точки зрения эволюции писателя их нельзя назвать мало-значительными.

Вернувшись из эмиграции после Февральской революции, бывший большевик Эренбург отнесся к политике РСДРП(б) резко отрицательно, октябрьский же переворот воспринял как катастрофу. Московские фельетоны Эренбурга в изданиях кадетской, меньшевистской и эсеровской ориентации («Возрождение», «Жизнь», «Новости дня», «Понедельник власти народа», «Труд») остро и зло высмеивали В.И.Ленина, А.В.Луначарского и других большевистских лидеров, которых автор знал лично по эмиграции. В сентябре 1918 г. Эренбург уехал из Москвы. На то было, как минимум, две причины.

27 октября (9 ноября) 1917 г. Совет Народных Комиссаров знаменитым «Декретом о печати» подтвердил принятую Военно-революционным комитетом резолюцию, предусматривавшую «закрытие всех буржуазных газет». Все сразу, конечно, не закрыли — опасались еще общественного мнения, но к осени 1918 г. было ликвидировано около пятисот газет, считая иного рода периодических изданий. 28 января (10 февраля) 1918 г. ВЦИК принял решение о создании Революционного трибунала печати, функции которого 18 мая перешли к обычным трибуналам, которым разрешалось и предписывалось неограниченное применение любых репрессий, в том числе и расстрела. Но главной бедой было даже не это. Национализируя целлюлозно-бумажные фабрики и типографии, правительство последовательно и неуклонно душило частные издательства и издания, лишая их сырья и полиграфической базы. Таким образом, литераторов ставили перед альтернативой: советская служба или голод. Самой профессии литератора — как свободной профессии — надлежало исчезнуть.

Вероятно, Эренбург смирился бы с утратой профессиональной независимости (ведь позже — смирился), если б не постоянная угроза ареста и расстрела: в соответствии с «Постановлением о красном терроре», принятым Совнаркомом 5 сентября 1918 г., он мог быть признан «классовым врагом», что влекло «изоляция в концентрационных лагерях» — как минимум. Вскоре нарком внутренних дел разослал циркулярное письмо, требовавшее в обязательном порядке взятия «значительного количества заложников», а их «безоговорочный массовый расстрел» предписывался при «малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде». По сути это решило судьбу Эрен-

бурга: попадись он под горячую руку — и дружба юности Н.И.Бухарин не спас бы.

В письме к М.А.Волошину от 30 октября 1918 г. Эренбург сообщал: «В сентябре мне пришлось бежать из Москвы, ибо большевики брали меня заложником»¹. Ему удалось добраться до Украины. Много позже он вспоминал: «Я прожил в Киеве с осени 1918 года по ноябрь 1919 — один год. Менялись правительства, порядки, флаги, даже вывески. Город был полем гражданской войны: громили, убивали, расстреливали»². Надолго скрыться от советской власти Эренбург не сумел: шесть месяцев — с февраля до август 1919 г. — в Киеве были красные, с которыми так или иначе пришлось сосуществовать. Приход белых он воспринял как освобождение. Даже еврейские погромы, ознаменовавшие взятие города, не поколебали отношение Эренбурга к «комиссаро-державию»: в погромах он видел эксцессы, которые власть может, должна и желает предотвращать, а в «красном терроре» — основополагающую государственную политику, проводимую с полным презрением к законности и праву³. Его антибольшевистские статьи постоянно публикуются в газете «Киевская жизнь», и позицию свою Эренбург формулирует четко: «От большевизма мы ушли, мы из него вышли и никакая сила не заставит нас жить от декрета до декрета. Мы бежали не от голода, даже не от палачей из чека, а от прошлого ада, отработанного оброка»⁴. Красные, однако, возвращались и от большевизма нужно было уходить все дальше, причем с переменным успехом: «Харьков, потом Ростов, потом Мариуполь, Керчь, Феодосия»⁵ — до Коктебеля, где жил Волошин — путь по тому времени далекий...

Возможно, именно из Коктебеля Эренбург передавал свои статьи в Ростов-на-Дону, хотя не исключено, что привозил их и сам. Три фельетона Эренбурга были напечатаны газетой «Донская речь», издававшейся С.П.Черевковым в ноябре-декабре 1919 г. Закрылась она перед взятием города красными.

А.М.Дроздов — эмигрант, а потом «возвращенец» и благополучный советский писатель — вспоминал о ней в Берлине: «Возникшая накануне катастрофы «Донская речь» старалась походить на серьезную передовую газету. Но газете этой не доставало перцу, той изюминки, которая отличает живую и взволнованную мысль...»⁶. Вероятно, автор имел в виду не вполне определенную — на его взгляд — позицию «Донской речи», хотя в целом газета адекватно отражала настроения значительной части русской интеллигенции, которая, по словам того же Дроздова, «пришла к ген. Деникину растерянной, оплеванной, потрясенной, поруганной, неся в руках разбитые скрижали и все десять заповедей, стертых губкой

комиссара Луначарского и замусоленных окровавленными пальцами комиссара Ленина. Все это хорошо знал ген. Деникин, и принял интеллигенцию на службу, и повел ее, учительницу долгой и кромешной русской жизни, столь же непринужденно и столь же уверенно, как взвод солдат⁷. Именно тех, кто, при всей своей антипатии к большевизму, были еще не готовы сотрудничать «повзводно», и привлекала «Донская речь». Кроме Эренбурга там постоянно сотрудничали Г.В.Вернадский, Ф.И.Крюков, Н.Литвин и П.Я.Рысс. Публикации в такой газете свидетельствовали о решимости автора «уходить от большевизма» все дальше и дальше.

В конце 1950-х Эренбург писал: «Я не могу сказать, что я всегда чуждался политики, точнее — действия: я начал с подпольной работы, потом, в зрелом возрасте не раз оказывался участником событий: в дальнейших частях моих воспоминаний политические события будут не раз заслонять книги или холсты. Но в 1917 году я оказался наблюдателем, и мне понадобилось два года для того, чтобы осознать значение Октябрьской революции⁸. Трудно объяснить, что он имел в виду, говоря «осознать». Смириться? Но судя по статьям в «Донской речи» и

бегству в Грузию, на это понадобилось не два, а четыре года.

Статьи Эренбурга печатаются по изданию: Элегия палачей//Донская речь. 1919. 27 ноября (10 декабря); На пути в Дамаск//Там же. 1919. 1(14) декабря; Тридцать серебрянников//Там же. 1919. 6(19) декабря.

¹ Цит. по кн.: Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т.1.М., 1990. С.599 (комментарий Б.Я.Фрезинского).

² Там же. С.286.

³ См.: Эренбург И. Еврейская кровь//Киевская жизнь. 1919. 14(27) сентября; О чем думает «жид»//Там же. 1919. 19 сентября (2 октября).

⁴ Эренбург И. Исход//Киевская жизнь. 1919. 6(19) октября.

⁵ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. С.298.

⁶ Дроздов А. Интеллигенция на Дону / Архив русской революции. Т.2. Берлин, 1921. С.46. С августа 1919 г. Дроздов был сотрудником ОСВАГа — Осведомительного агентства Отдела пропаганды при Особом совещании, подчинявшемся Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России.

⁷ Дроздов А. Интеллигенция на Дону. С.56.

⁸ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. С.249.

Элегия палачей

Одна из рукописей 15 века рассказывает о человеке столь нежном и чувствительном, что он просил прощения у травы, на которую нечаянно ступила его нога. Вы полагаете, это был один из «младших братьев», ученик Франциска Ассизского? О нет, покровитель былинки Жан Мэн состоял «мэтром Шатле», главным палачом Парижа.

В альманахах времен Великой Революции часто попадаются стихи, достойные шестнадцатилетней девицы, посвященные увядшему ландышу:

«Рука жестокая и злая
Сразила цвет любви, играя...»

Эти строки принадлежат прокурору революционного трибунала Терси, и были, верно, написаны на полях одного из бесчисленных смертных приговоров.

Лет пять тому назад хроникер «Matin» сообщил о сердобольном мужчине, который при переезде в автомобиле, раздавив собачку на шоссе, подобрал ее, перевязал и завез к ветеринару. Заметка кончалась призывом — «будьте добры к животным!» Трогательный скотолоб, достойный наследник Мэна — это известный палач м-г Дейблер. Ехал он в Нант по делам службы, и, перевязав собачку, отрезал голову какого-то неудобного гражданина. Я видел фотографию м-г Дейблера. Это отнюдь не Иван Непомнящий¹ или Ванька Каин². Изящный, выхолненный мужчина с мечтательными глазами. Из бульварных листков я узнал, что он очень любит оперу, особенно «Травиату», и что его кабинет украшает большая копия Мадонны Мурильо.

Старая истина: палачи — эстеты и сентиментальные мечтатели. Мы хорошо знаем, что значат эти пленительные элегии и безукоризненно чистые руки, источающие запах одеколона. Но наивность человеческая безгранична. Передо мной французские журналы, а в них проникновенные и восторженные описания большевистской работы в области искусства, культуры, школы. Во-первых, они нечто вроде Лоренцо Медичи: музыка, сытые поэты, бесплатные театры. Во-вторых, Песталоцци³ и Совдепия — детский сад. В-третьих, Толстой и Маринетти⁴, средневековые цехи, принцы Возрождения, утопии Уэльса и прочее. Милые французы, неужели вас обманул запах одеколона, и вы забыли и старого палача, и революционного прокурора, и м-г Дейблера.

В коридоре киевской «губчека» висел плакат: «Не целуйте детей. Поцелуй — источник заразы. Губкомздрав». Вы слышите, как дрожит умиленный голос чекиста.

А в соседнем доме помещался «собес»⁵. В саду каждый день умные и честные педагоги обсуждали устройство «Дворца ребенка». Тонкий забор отделял этот сад от другого, где каждую ночь пытали и убивали безвинных людей.

В газете «Красный меч», которая являлась официальным органом корпорации современных палачей, были сообщения о концертах и спектаклях, устраиваемых «культурно-просветительной комиссией при Ч.К.». О, наверное, они стыдливо утирали платком глаза, слушая арию умирающей Травиаты. Когда-то тираны нанимали жрецов и священнослужителей. Над головой убийцы реял голубой дым кадильниц. Даже в застенке, кроме делового амбара, где ломами пробивают черепа, нужна чистая приемная с цветами и пейзажами на стенах. Современные палачи, отвергнув религию, украсили свое чело пламенами искусства. Сзади для работы Петерс⁷, а для гостей Луначарский, который пьесы даже пишет⁸. Ах, м-г Дейблер, не угнаться вам за ними.

Театр на площади... плакаты... памятники... университеты в деревне.. детское питание. Французы потрясены. Мы ведь привыкли, что государство взимает налоги, набирает солдат, строит тюрьмы. А это — заботливая нянька, просвещенный меценат, Геба, расточающая нектар. И французы недоумевают, почему русские варвары не режутся в этом обретенном Эдеме, а ищут лазейку, чтобы сбежать из него.

Я знаю, что отдельными людьми при большевиках в области искусства, педагогики, культуры совершена большая и полезная работа. Но меня бы мало порадовали людоеды, которые, скушав белого, забавляли бы его жену самыми изысканными плясками и баюкали бы младенца отменными песнями. Я проклинаю этот дом, ибо в его подземельях — средневековые пытки. Я не хочу смотреть на фасад, расписанный ультрасовременными художниками. Я не хочу слушать ни стихов, ни романсов, ибо я слышу предсмертный хрип. Все искусство в Совдепии — это «культурно-просветительная комиссия при Ч.К.». В эти годы мы все потеряли сознание добра и зла, все мы темны и грешны. Грех каждого — общий грех. И если можно смертными слезами покаяния замолить грех слепой толпы, растерзавшей Духонина⁹, то чем искупить благородного Луначарского, которой строит музеи, насаждает театры и гладит надушенной рукой детские головки?

На пути в Дамаск

Целый день у витрины магазина перед большой картой толпятся люди. С тревогой и надеждой смотрят они на тоненький шнурок, отделяющий от нас царство чрезвычайек¹⁰. Но вряд ли кто-нибудь из прохожих задумывается над той неувимой ниточкой, что протянулась в его душе, разделяя ложь и правду, свободу и насилие. Эта грань всегда была нестойкой и дрожащей в душе России. Она хранилась не по убеждению, а по традиции. Наша этика держалась не на вере, но на устоях быта. Вот почему с такой легкостью переступала тяжелая русская нога границу дозволенного. Немецкая поэзия Ницше вдохновляла лакея Смердякова на прогулку за радужными билетами, а многотомные выкладки Карла Маркса разрешили рязанским мужикам вырезать вымя у помещицы коровы. И у многих прохожих на Садовой, верно, низко опустилась роковая ниточка. Большевизм вьелся в их душу. Я говорю не о большевистских идеях, но о средствах, об освобождении от всех нравственных пут, о культуре смердяковского «все позволено».

Пятьсот лет тому назад лукавый, искушая кастильского монаха¹¹, шепнул ему: «цель оправдывает средства». Удобная формула пришлась по вкусу, и вскоре по всей Европе не совершалось ни одного злодеяния, не прикрытого благородной целью. Не во имя ли Распятого день и ночь работали в кастильских подземельях дыба, щипцы и пилы?

«Свобода, равенство, братство», — говорили якобинцы. Но слово «свобода» начертали на стенах тюрем, «братством» украсили машинку доктора Гильома¹², а «равенство» напечатало на миллионах ассигнаций, расточаемых палачам, наемным писакам и кровожадным ораторам клубов «Люсьен Демулен». Вздыхал Робеспьер: «Что ж, придется и ей побрить голову... Ведь цель оправдывает средства». О любви говорили и коммунары, убивая заложников¹³ и сжигая Тюльери. Конечно, солдаты Галифэ тоже знали любвеобильные речи.

«Мы боремся за культуру, и в этой борьбе хороши все средства», — пояснял прусский лейтенант, созерцая дымящееся пожарище Лувэна¹⁴.

Но никогда эта заповедь хитрых монахов и философствующих палачей не имела такого успеха, как в наши дни, в изнывающей от разнообразных «средств» России.

В июне семнадцатого года, туша огонь инквизитора¹⁵, лукавая усмешка иезуитов воскресла на лицах ораторов цирка «Модерн»¹⁶.

Большевики тщательно разработали схему великолепной коммуны. Она точна и абстрактна, как мечты Фурье и Прудона. «Единая трудовая школа» — цель. Пусть же тысячи младенцев мрут с голоду. «Грядущая свобода» — во имя ее пухнут тюрьмы Совдепии. И не Петерс, целые легионы Петерсов в глухие ночи убивают обреченных для того, чтобы настало всемирное братство. «Идите в рай!» — кричит матрос, не понимая, что насильственный рай горше ада.

Иезуиты в Парагвае крестили индусов¹⁷, разрешая им молиться прежним идолам, только переменив имена на христианские. Ослепительный успех: весь Парагвай стал христианским, но новые католики ничем не отличались от прежних язычников. Не такова ли судьба всех «завоеваний революции».

Мы все заражены большевизмом. Мы все, без различия классов и партий, оказались блестящими учениками новоявленных иезуитов. Взгляните на обывателя — в его душе медовая передовица и крохотная «чека». Он не просто алчен, труслив, кровожаден, — нет, все свои деяния, вплоть до укрывания ненужной ему шубы в особой кладовой, он объясняет великими идеями. Любовь, милосердие, жертва — все это «архаические понятия», «мягкотелый пацифизм» и пр. И снова, снова лакей Смердяков, покорно травивший Распутина и Ленина, герой «Черного передела» и кронштадтский шутник возглашает: «Все позволено!»

Неужели опровергать стародавние заблуждения и вновь говорить о том, что средства создают цель. Десятилетний гимназист важно записывает в календарь «Товарищ»¹⁸ свою «цель жизни». Взрослый человек хорошо знает, что только годами и трудами определяется эта цель, и по поступкам судят нас. Мы не выбираем по расписанию пути в рай или ад, но от того, как мы идем, зависит, куда придем.

Наша цель — Россия — высока и свята, но требует она высоких средств. Россия не статическое понятие, не место на географической карте. Она живет и течет в годах. Москва — Россия, но большевики исказили ее настолько, что она стала для всех любящих отчизну злой чужбиной. Россия — не отвлеченный конечный пункт, не виднеющийся вдали храм. Мы творим ее каждым шагом нашим, строим день от кирпичей, от кладки, от ясновзорности зодчих и жертвенности каменщиков зависит, будет ли Россия Россией, хотя бы наизнанку.

Надо признаться со всей искренностью — мы устали от громких лозунгов и пригладелись к пышным знаменам. Слезами и кровью далась нам наука жизни, превратившаяся в течение двух лет из наивной институточки в старую брюзгу и скептика. Мы не слушаем больше ни речей, ни песен, мы жаждем будничных дел, мелких средств. Меняется линия фронта. Сегодня ниже, завтра выше. Но опасность не только в латышских дивизиях. Ниточка в душе Ивана Ивановича не знает колебаний, с упорством она падает и падает. Только чудо преображения его на краю смерти может спасти родину. Вот он перед нами, пламенный путь в Дамаск, и слышен уж вечный вопрос гонимого¹⁹. Надо скинуть черные и кровавые одежды, трудовым потом омыть руки, жертвенной любовью очистить сердца. Довольно все мы оправдываем темные средства, настал час, когда нужно высокими делами оправдать цель.

Тридцать серебряников²⁰

Настанет день Страшного суда. Дети иного века будут судить наше поколение — героев Бреста, советских «спецов» и миллионы Пилатов. Обвинительный акт будет краток и ясен, вместо вещественных доказательств прокурор укажет на разодранную карту великой России, и на доисторический лом, коим апологеты современной веры пробивали головы инакомыслящим. Мы не станем оправдываться, ибо за сто лет выцветут все спасающие «удостоверения» и забудутся гордые речи при встрече очередных победителей. Останутся только дела, и по черным делам будут судить нас. Но предстанем мы пред судьями нищими и замученными, развернем жалкие рубища, под которыми чернеют язвы. И смущенный шепот раздастся в ответ: «На груди у них образок, а под ним тридцать серебряников.» И не звонкие червонцы, — замусоленные кредитки, припрятанные на всякий случай, от реквизиций — заставят судей забыть милость.

В страшные годы были не только фронты и чрезвычайки, голод и холод, вшивые теплушки и сыпняк, но еще горы разноцветных и разновеликих бумажек, Иудина доля, награда за гвоздиные раны отчизны и выручка от продажи ее разноцветных риз.

Октябрьская революция в официальной интерпретации была «восстанием против капитала». Но никогда, нигде побежденный капитал не царил так самодержавно и единолично, как в презревшей его России. До Октября в мире «буржуазном» были кроме биржи и банка — храм и школа, были религия и искусство, «живые мощи» и «не одним хлебом...» В октябре на знаменах были были гордые надписи «долой капитал!», а знаменосцы неслись в osobнячки, не пренебрегая ни бриллиантовыми серьгами, ни медной ручкой на двери¹.

Началась дикая погоня за деньгами на глазах у смерти. Под треск пулеметов, под стоны умирающих в цепких руках шелестели кредитки. Менялись правительства и законы, флаги и песни. Тысячи умирали, а миллионы складывали в разные пачки «николаевские» и «думские», «украинки» и «пятакочки»². Борьба идей, торжество правды — это слишком большая роскошь для бедного обывателя, у которого всего-навсего груды бумажек. Вчера киевлянин кидал цветы «добровольцам», потом, когда аннулировали советские деньги, несся с пачкой «пятакочков» к Сомадени и ругал «резкие меры». Услышав канонаду на Ирпене, сплавлял «донские» и ласково гладил несплавленные «советские». Весь мир, по его мнению, создан для охраны этих бумажных коллекций. Он не только принимает жандарма за крестоносца, но готов крестоносца считать жандармом. Благославляет добровольцев, жертвует широким жестом стоимость одного ужина «на нужды армии», и сам довольно улыбается, когда жена рассказывает всем встречным об его патриотизме. А потом... добровольцы требуют денег, теплых вещей — он негодует, — «они как большевики». Что ему великая Россия? Он хочет просто ночных сторожей. Странной болезнью заражены все классы, все партии. Молоденький адвокат негодует: «реакция... реставрация.. отсутствие духовной жизни...», а через пять минут признается: «Я собственно теперь занялся мылом... вагоны... Новороссийск...скупаю “царские” — всего надежней».

В Киеве вошел в еврейскую квартиру один из идейных противников адвоката, закричал: «Христа распяли, Россию продали!», а потом сразу деловито спросил: «Этот портсигар серебряный?» — и поместил оный в свой карман³. Писатель говорит: «Написать статью против большевиков — можно... сколько за строчку? мало! не хочу! большевистский “Бун”⁴ больше платил». А крестьянин прячет хлеб от умирающих беженцев: лучше сгноит его, чем отдаст на рубль дешевле.

Тишина и запустение в России. Не дымятся фабричные трубы. Только неустанно работают пулеметы и машины, печатающие деньги. «Кровь и золото», если не золото, то лживая и манящая бумага. И если на Страшном суде попытаемся мы разжалобить судей нашей слабостью, они ответят нам, что руки, бессильные созидать и сеять, умели убивать, а с убитых снимать одежду и считать прибыль. Может быть, кровь можно смыть слезами покаяния, но ничто не снимет с наших рук роковых следов тридцати серебряников⁵.

Примечания

¹ «Иванами, родства не помнящими» в Российской империи называли арестованных за бродяжничество, не желавших назвать свое настоящее имя и сословие.

² Ванька Каин — знаменитый в XVIII веке вор и грабитель. Будучи арестован, покаялся и поступил на службу в Сызской приказ, где стал не менее удачливым сыщиком. При этом продолжал грабить, но благодаря служебному положению и подкупу должностных лиц, долгое время избегал ареста. После разоблачения наказан кнутом, вырыванием ноздрей и сослан. Его автобиографические рассказы были записаны, изданы, а в 1779 г. роман о Ваньке Каине издал Матвей Комаров; кроме того, коварный сыщик-разбойник стал весьма популярным героем лубочных повестей.

³ Имеется в виду основной принцип теории элементарного образования, созданной швейцарским педагогом И.Г.Песталоцци (1746-1827): гармоничное развитие ребенка как результат сочетания умственного, нравственного и физического воспитания. Этот принцип, а также опыт Песталоцци по организации детских приютов пытались использовать педагоги в Советской России.

⁴ Упоминание об итальянском писателе, основателе и теоретике футуризма Ф.Т.Маринетти (1876-1944) — намек на активное сотрудничество русских футуристов с советской властью. Об этом писал Эренбург и в Москве: «Они всюду. На заборе взглянешь — обязательно с новым декретом “футуристическая афиша” — соседство весьма многозначительное. В эти дни великого перелома, когда

искусство воистину “в изгнании”, они одни торжествуют, — и это не случайно. Меж творчества соседней большевистского декрета и футуристического анонса — родственная связь. В том и другом чисто российское сочетание европейских доктрин с нашими: “чего глядеть! валяй! жги!” Те и другие “валяют”, “жгут”, якобы во имя создания новых иных ценностей» (Большевики в поэзии//Понедельник власти народа. 1918. 2 февраля).

⁵ В данном случае речь идет об отделе социального обеспечения киевского исполкома, где работал Эренбург весной и летом 1919 г. В мемуарах он рассказывает о том, как был назначен заведующим секцией эстетического воспитания мофективных детей. Термин «мофективный» означал «морально дефективный». «Мы, — писал Эренбург, — долго разрабатывали проект “опытно-показательной колонии”, где малолетних правонарушителей можно будет воспитывать “в духе творческого труда” и “всестороннего развития”. То была эпоха проектов. Кажется, во всех учреждениях Киева седоволосые чудачи и молодые энтузиасты разрабатывали проекты райской жизни на земле» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. М. 1990. С.291).

⁶ Имеется в виду: Красный меч: Еженедельная газета. Орган политотдела особого корпуса войск ВУЧК. Издавалась в Киеве в 1919 г.

⁷ Петерс Я.Х. (1886-1938) — заместитель председателя ВЧК в 1917-1919 гг. Был также председателем ревтрибунала, чрезвычайным комиссаром Петрограда, известен как организатор массовых казней. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

⁸ Нарком просвещения А.В.Луначарский обрел всероссийскую известность в качестве драматурга лишь после октября 1917 г. Многие профессиональные литераторы относились к пьесам наркома довольно иронично, как и к заигрыванию его с футуристами. В статье «Le roi s'amusе» [«Король забавляется» — название популярной пьесы В.Гюго] Эренбург писал: «Не влияние весны ли это? Луначарский с крайнего правого “академического” фланга искусства перелетает на край левый “футуристический”. Впрочем, кроме весны здесь еще замешано древнее изречение “иди куда пустят”. Среди “левых” художников и поэтов много озлобленных невниманием и травлей общества, много рекламистов и скандалистов, жаждущих успеха во что бы то ни стало, среди них теряются отдельные искренние и самоотверженные искатели. Вся эта группа с восторгом кинулась в “пролеткульт” и в анархические особняки, с благодарностью приняла державную милость» (Понедельник власти народа//1918. 22 апреля).

⁹ Духонин Николай Николаевич (1876-1917) — начальник штаба Верховного главнокомандующего при временном правительстве. Убит в Могилеве красноармейцами.

¹⁰ Об осени 1919 г. в Ростове-на-Дону Дроздов вспоминал: «На углу Таганрогского пр. и Садовой, где обычно целый день шумит пестрая толпа, ревут сирены штабных автомобилей, крутится хамелеоном то вскипающая, то падающая паника, то вскипающий, то падающий петушинный военный задор, в громадной витрине висит огромная карта военных действий, и толстый желтый шнур показывает капризы и колебания гражданского фронта. Нет, ни клещи большевистского безсудия, ни крушение куль-

турной, славно слаженной жизни, ни потери старых уютов, старого покоя, старых навыков, милых и хорошо утрамбованных привычкою, не изменили и никак не отпечатались на психологии городского населения, выметенного из северных городов в города южные. Ориентация на желтый шнур была единственной верной ориентацией новых и старых ростовцев, и ежели он лежал достаточно высоко, пододвигая к Москве трехцветные флажки, то чемоданы, дорожные сундуки и толстобокие глоб-троттеры укладывались с тем, чтобы следовать в Россию, ежели шнур снижал вниз, к морю, то те же сундуки и глоб-троттеры укладывались для дальнего и безвестного путешествия — быть может в Крым, в холодных, пустых, тряских теллушках, быть может и дальше, на черноморских пароходах, туда, где суетится и блещет Париж, туда, где пухнут от определившихся национальных самолюбий славяне, туда, где о чем-то себе думает трудовой и будничныи Берлин» (Дроздов А. Интеллигенция на Дону. С.49-50).

¹¹ Имеется в виду основатель ордена иезуитов И.Лойола (1491-1556).

¹² Имеется в виду доктор Ж.И.Гильотен (1738-1814) — конструктор гильотины.

¹³ Имеется в виду постановление Парижской Коммуны («Декрет о заложниках») от 17 мая 1871 г., в соответствии с которым всякий «подозреваемый в содействии Версальскому правительству» подлежал суду и, будучи арестованным, признавался «заложником парижского народа». В связи с чем объявлялось, что «всякое убийство военнопленного или сторонника правительства коммунары» влекло «казнь тройного числа заложников» (Парижская Коммуна: Акты и документы, эпизоды кровавой недели/Предисл. Г.Зиновьева. Пг., 1920. С.86).

¹⁴ Лувен — город в Бельгии, крупнейшие архитектурные памятники которого были уничтожены германской армией в годы Первой мировой войны.

¹⁵ Так в тексте. В редакционном объявлении указывалось: «Вследствии остановки машин настоящей номер выходит без корректуры».

¹⁶ Имеется в виду помещение петроградского цирка (Кронверкский, 11), где часто выступали Г.Е.Зиновьев, А.В.Луначарский и Л.Д.Троцкий. Троцкий полагал, что эти выступления сыграли важную роль в пропагандистской кампании большевиков: «Особое место, — вспоминал он, — занимали митинги в цирке “Модерн”. К этим митингам не только у меня, но и у противников было особое отношение. Они считали цирк моей твердой и никогда не пытались выступать в нем. Зато когда я атаковал в Совете соглашателей, меня нередко прерывали злобные крики: “здесь вам не цирк “Модерн”!” Это стало в своем роде припевом». Многие интеллигенты считали неприемлемыми обстановку митингов и ораторские приемы большевиков, о которых писал Троцкий: «Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова поддавались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, будто сам слушаешь оратора чуть ли не со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтоб он, как сомнамбула, не сорвался с карниза от голоса твоего резонерства»

(Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т.2. М., 1990. С.15-16).

¹⁷ Индусами Эренбург называет индейцев. Возможно, это опечатка. В 1610-1768 гг. иезуиты управляли испанской колонией в Южной Америке.

¹⁸ Имеются в виду специальные книжки-дневники, выпускавшиеся в предреволюционные годы. Помимо разделов со справочными данными по истории географии, математике, физике, химии, русской орфографии, медицине и прочим дисциплинам, в этих изданиях были такие рубрики, как, например, «текущие дела», «ближайшие цели» и т.п.

¹⁹ Имеется в виду история обращения гонителя христиан Савла, ставшего апостолом Павлом: «когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно иссиял Его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь меня?» (Деяния, IX, 3,4).

Примечательно, что в 20-е годы была популярна шутка В.Б.Шкловского, назвавшего Эренбурга «Павлом Савловичем» (Шкловский В.Б. Zoo, или Письма не о любви. Берлин. 1923. С.95). Впрочем, речь шла не о политике.

²⁰ «Тридцать серебряников» — по замыслу и текстуально — во многом повторение статьи Эренбурга «В судный день» (Киевская жизнь от 20 октября (2 ноября) 1919 г.). Ср.: «Настанет час, и мы предстанем перед очами судьи. Придет век, и новое племя будет судить нас. О, конечно, на скамью подсудимых сядут не только Петерсы, но и миллионы Иванов и Петров. За все ответим: от “земгусаров”, до незаменимых “спецов”, от Гришки Распутина до чистеньких марксистов. Обвинители покажут нам карту великой России и горы маленьких детских трупиков. Мы ничего не ответим, в оправдание мы только протянем наши немощные руки, и все увидят, что мы не были способны на великое злодеяние, а только на пьяный случайный выстрел. Пустые руки — ни меча, ни оливок, ни золотого снопа. Руки бездельников — ведь в эти годы, казалось бы, самого напряженного действия, мы ничего не делали, и умудрились в адовом вихре сохранить мягкие пуховики.

Сила — дар Божий и героями рождаются: обрубки калеки, мычание заики, заячьи повадки труса вызывают не возмущение, но безразличность. Быть может, дрогнут сердца судей, и кто-то шепнет милосердные слова: “заслуживает снисхождения”. Но неумолимый прокурор тогда прибегнет к последнему средству. Он стащит с нас лохмотья и покажет миру на груди, в ладанке с крестом, кощунственно спрятанные “кредитки”. О, конечно, вы ничего не умели — ни погубить, ни спасти, ни убить, ни

умереть, крохотные Пилаты с “посвиденьями”, “советскими удостоверениями” и наивными младенческими улыбочками. Но почему же вы так деловито, так настойчиво копили эти перевязанные ленточками бумажки?»

²¹ В той же киевской статье описание красногвардейского грабежа более конкретно: «В прошлом году в Москве пришли на квартиру, где я жил, матросы. Говорили хоть и по шаблону, но возвышенно: “Крови попили? Будет! Теперь всем жить! Долой капитал!” Очень капиталом возмущались, а, между прочим, у старой бабки прислуги отобрали четырехста целковых “царских”».

²² Ироническое название денежных знаков, по имени Пятакова Г.Л. (1890-1937), который после октября 1917 г. возглавлял государственный банк, а в 1918-1919 гг. — Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. В 1937 г. репрессирован. Посмертно реабилитирован.

²³ Статья «В судный день» содержит несколько иное описание этого эпизода: «Недавно в мою (выделено мной — Д.Ф.) квартиру пришел налетчик. Тоже очень негодовал: “Христа распяли! Россию продали”, а потом сразу деловито спросил: “Что, этот портсигар серебряный?”. Много позже к этому эпизоду Эренбург вернулся, вспоминая о знаменитом денкинском погроме 1919 г., но изложение опять было иным: «Как во всякой трагедии, были и фарсовые сцены. В квартиру моего тестя, доктора М.И.Козинцева, вбежал рослый парень в офицерской форме и крикнул: “Христа распяли, Россию продали!..” Потом он увидел на столе портсигар и спокойно, деловито спросил: “Серебряный?..”» (Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. С.297. См. также комментарий Б.Я.Фрезинского — Там же. С.578, 602).

²⁴ Имеется в виду Бюро украинской прессы.

²⁵ Ср. в статье «В судный день»: «Российская революция оставляет истории не кровожадного Дантона, не мечтательного Демулена, не титана Наполеона, но табуны спекулянтов, мешочников и “мирных обывателей”, хранящих строго две вещи: “нейтралитет” и “трудовые сбережения”. Может быть, в судный день мы нашими бедствиями и слезами смягчим сердце Господне, растрогаем взыскательных внуков. Может быть, простят нам разодранную карту империи и подвалы Садовой, все камни крестного пути России. Но грязной, захватанной керенки, вырванной за натальный крестик убитой матери, не простят».

Вступительная статья, примечания и публикация Д.М.Фельдмана.

Е.И.Замятин

Письмо А.К.Воронскому

К истории ареста и несостоявшейся высылки Е.И.Замятина
в 1922-1923 гг.^{*}

История организации и проведения высылки деятелей русской культуры, устроенной советской властью в 1922 г., еще не написана. Несмотря на сравнительно большое количество публикаций, посвященных этой теме (в последнее время они появились и в нашей печати¹), многое в ней еще остается неясным: до сих пор не составлен полный список лиц, подвергшихся высылке, неизвественно даже точное число репрессированных². Несомненно, что по мере освоения архивов партии и ВЧК-ГПУ, эти вопросы будут разрешены³. «Белым пятном» остается, соответственно, и история ареста и несостоявшейся высылки Е.И.Замятина в 1922-1923 гг. Опираясь на различные и часто противоречивые источники, биографы Замятина долгое время выясняли причины его ареста, обстоятельства, приведшие к отказу (властей? самого Замятина?) от высылки⁴. В нашей работе впервые предпринимается попытка свести воедино все известные нам документы и свидетельства, касающиеся этих фактов биографии писателя.

Едва ли не первое упоминание о высылке принадлежит, как известно, В.И.Ленину; судя по его письму Ф.Э.Дзержинскому от 19 мая 1922 г.⁵, план высылки к тому времени уже сложился. Эта акция (беспрецедентная в истории дореволюционной России⁶) явилась частью широко развернувшегося в конце 1921-1922 гг. наступления «на идеологическом фронте» и ее следует рассматривать в одном ряду с такими «мероприятиями», как суд над правыми эсерами летом 1922 г., аресты среди меньшевиков и духовенства, ужесточение государственного диктата в книгоиздании, приведшее, в частности, к прекращению выхода целого ряда журналов и альманахов, закрытие ряда культурно-просветительских и литературных организаций, например, петроградских Дома литераторов и Дома искусств, антипролеткультовская кампания в «Правде» и др. Проскрипционные списки составлялись преимущественно в ГПУ и рассматривались специальной комиссией Политбюро ЦК; по «отзывам», сделанным на основе изучения вышедших книг, текущей периодики и др., принимались решения о судьбе «инакомыслящего» — выслать или оставить в стране⁷. Внимательно просматривая центральную партийную и советскую прессу, можно обнаружить следы проводившейся втайне работы: «отрицательный» отзыв о книге или статье с большой степенью вероятности указывает на то, что автор ее находился уже в то время в поле зрения соответствующей комиссии, или в ближайшем будущем должен был стать одним из кандидатов на высылку.

^{*} Данная работа представляет собой фрагмент из документальной биографии Е.И.Замятина, над которой работает сейчас автор.

Так, например, работа В.И.Ленина «О значении воинствующего материализма», содержащая резкую оценку статьи П.А.Сорокина в журнале «Экономист», заключалась словами: «Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место. Научимся, была бы охота учиться»⁸. Сравни с известной статьей «Диктатура, где твой хлыст?», опубликованной в июне 1922 г. в «Правде» и посвященной книге Ю.И.Айхенвальда «Поэты и поэтессы»: «Но у диктатуры есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом давно пора бы заставить Айхенвальда убраться за черту, в тот лагерь содержания, к которому он принадлежит со всей своей эстетикой и со своей религией»⁹. Стоит ли напоминать, что среди высланных осенью 1922 г. оказались и П.А.Сорокин, и Ю.И.Айхенвальд.

Просмотрев критику о Замятине за первую половину 1922 г., мы легко определим, какие произведения могли послужить поводом для занесения писателя в список кандидатов на высылку — сказки «Арапы» и «Церковь Божия»¹⁰.

Сказки Замятина, написанные, очевидно, в 1919 г.¹¹, были опубликованы в феврале 1922 г. в «Петербургском сборнике», изданном журналом «Летопись Дома литераторов». Выход этого сборника стал заметным явлением в литературной жизни; на его страницах объединились как писатели, начавшие свой путь задолго до революции (В.В.Муйжель, Ф.Сологуб, А.Ахматова, М.А.Кузмин и др.), так и молодые петроградские литераторы (К.А.Федин, Н.Н.Никитин, М.Л.Слонимский, М.М.Зощенко и др.); некоторые из авторов сборника находились ко времени его выхода в эмиграции (Вас.И.Немирович-Данченко, А.М.Ремизов).

Первая, насколько нам известно, рецензия на эту книгу принадлежит С.М.Городецкому. Расценив «Петербургский сборник» как выступление учеников Замятина, он, в частности, писал: «Умный и талантливый руководитель группы Евгений Замятин, к сожалению, целиком остался в старом, и вместе с техникой передает своим ученикам свою квель и плесень идеологическую. <...> В сборнике есть махровые вещи, под видом всечеловеческой любви скрывающие ненависть к классовой борьбе (sic! — А.Г.) Это две «сказки» Е.Замятина «Церковь Божия» и «Арапы». <...> Эти две злые пародии на революцию под стать бешеной слюне Мартовых и Бурцевых. И досадно думать, что молодежь растет под этойкой зубровской идеологией»¹². Спустя полторы недели Городецкого «поддержал» в «Правде» Я.Яковлев,

писавший о замятинских сказках и других произведениях сборника: «Контрреволюционная публицистика в вышеприведенных стихах и сказках принимает “поэтическую форму”. <...> Конечно, во всей этой литературе очень мало поэзии, но зато очень много публицистики, публицистики эмигрантски стонущей, эмигрантски бессильной, отвратительной и смешной. <...> Для сюсюкающих обломков старого строя, для огрызков эмигрантщины создают питерские “поэты” свои стихи, о которых они сами пишут как о пробуждении и воскрешении русской литературы...»¹³. Появление статьи со зловещим названием «Горбатого только могила исправит» в «Правде» и официальный статус Я.Яковлева, бывшего в то время

заместителем заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК, не сулили авторам сборника — и, в том числе, Замятину, — ничего хорошего. (Напомним, что именно Я.Яковлеву в конце 1922 г. Ленин поручил выступить в «Правде» с критикой Пролеткульта, что имело для последнего разрушительные последствия). Вслед за этими «сигнальными ракетами», выпущенными центральными изданиями, последовала настоящая критическая канонада: П.С.Коган, А.К.Воронский, П.И.Лебедев-Полянский и др.¹⁴ Положительные отклики нам почти не известны¹⁵ (за исключением рецензий в зарубежной русской прессе¹⁶). Возмущенный развернувшейся критической кампанией, Пильняк еще в начале апреля писал

Арапы

На острове на Буяне — речка. На этом берегу — наши, краснокожие, а на том — ихние живут, арапы.

Нынче утром арапа ихнего в речке поймали. Ну так хорош, так хорош: весь филейный. Супу наварили, отбивных нажарили — да с лучком, с горчицей, с малосольными нежинскими. Напитались: послал Господы!

И только было вздремнуть легли — воп, визг: нашего уволокли арапы треклятые. Туда-сюда, а уж они его освеживали и на угольях шашлык стряпают.

Наши им — через речку:

— Ах, людоеды! Ах, арапы вы этакие! Вы это что ж это, а?

— А что? — говорят.

— Да на вас что — креста, что ли, нету? Нашего, краснокожего, лопаете. И не совестно?

— А вы из нашего — отбивных не наделали? Это чьи кости-то лежат?

— Ну что за безмозглые! Да-к ведь мы вашего арапа ели, а вы — нашего, краснокожего. Нешто это возможно? Вот, дай-ка, вас черти-то на том свете поджарят!

А ихние, арапы — глазищи белые вылупили, ухмыляются да знай себе — уписывают. Ну до чего бесстыжий народ: одно слово — арапы. И уродятся же на свет этакие!

Церковь Божия

Порешил Иван церковь Богу поставить. Да такую — чтоб небу жарко, чертям тошно стало, чтоб на весь мир про Иванову церковь слава пошла.

Ну, известно: церковь ставить — не избу рубить, денег надо порядочно. Пошел промышлять денег на церковь Божию.

А уж дело к вечеру. Засел Иван в логу под мостом. Час, другой — затопали копыта, кашит тройка по мосту: купец проезжий.

Как высвистнет Иван Змей-Горынычем — лошади на дыбы, кучер — бряк об землю, купец в тарантасе от страху — как лист осиновый.

Упокоил кучера — к купцу приступил Иван: — Деньги давай.

Купец — ну клясться, божиться: какие деньги? — Да ведь на церковь, дурак: церковь хочу построить. Давай.

Купец клянется — божится: «сам построю».

— А-а, сам? Ну-ка?

Развел Иван костер под кустами, осенил себя крестным знаменем — и стал купцу лучинкою пятаки поджаривать. Не стерпел купец, открыл деньги: в правом сапоге — сто тыщ да в левом еще сто.

Бухнул Иван поклон земной:

— Слава тебе, Господи! Теперича будет церковь.

И костер землей закидал. А купец охнул, ноги к животу подвел — и кончился. Ну что поделаешь: Бога для ведь.

Закопал Иван обоих, за упокой души помянул, а сам в город: каменщиков нанимать, столяров, богомазов, золотильщиков. И на том самом месте, где купец с кучером закопаны, вывел Иван церковь — выше Ивана Великого. Кресты в облаках, маковки синие со звездами, колокола малиновые: всем церквам церковь.

Кликнул Иван клич: готова церковь Божия, все пожалуйте. Собралось народу видимо-невидимо. Сам архиерей в золотой карете приехал, а попов — сорок, а дьяконов — сорок сороков. И только это службу начали — глядь, архиерей пальцем Ивану вот так вот:

— Отчего, — говорит, — у тебя тут дух нехороший? Поди, старушкам скажи: не у себя, мол, они на лежанке, а в церкви Божией.

Пошел Иван старушкам сказал, вышли старушки; нет — опять пахнет! Архиерей понам пальцем мигнул: закадили все сорок попов; что такое? — не помогает. Архиерей — дьяконам: замахали дьякона в сорок сороков кадил: еще пуще дух нехороший, не подохнуть, и уж явственно: не старушками — мертвой человечиною пахнет, ну просто стоять невмочь. И из церкви народ — дьякона тшишком, попы задом: один архиерей на орлеце посреди церкви да Иван перед ним — ни жив, ни мертв.

Поглядел архиерей на Ивана — насквозь, до самого дна — и ни слова не сказал, вышел.

И остался Иван сам-один в своей церкви, все ушли, не стерпели мертвого духа.

Замятину из Коломны: «В Москве упал я в лужу сплетен и гадостей, — наших, литературных. Я глубоко возмущен тем, что было с тобой: как все у нас по-хамски и бездарно, — это я говорю о московской — тебя — травле. Ты был прав, попрекая меня за «красноновство», хотя Воронский — очень хороший человек. — О хамстве нашем — о тебе — о свалке — я хочу написать вслух, и напишу»¹⁷. Пильняком ничего тогда написано не было, да и вряд ли, будь что-нибудь написано, удалось бы опубликовать.

Трудно допустить, что Замятин знал или догадывался о тайной «работе», которая велась в ГПУ и ЦК, но обстановка, гущавшаяся вокруг него, давала основания для самых худших предположений — и не случайно в письме Чуковскому от 30 июня Замятин обмолвился: «<...> если меня возьмут и засадят (потому что сейчас нет в Советской России писателя более неосторожного, чем я) <...>»¹⁸.

До событий, о возможности которых Замятин только упоминал в письме Чуковскому, оставалось меньше двух месяцев. В конце лета собранный «компромат», очевидно, сочли достаточным. На проходившей 4-7 августа в Москве XII партийной

конференции с докладом «Возрождение буржуазной идеологии и задачи партии» выступил Г.Е.Зиновьев¹⁹; по его докладу была принята резолюция «Об антисоветских партиях и течениях», которая допускала — в крайних случаях — использование репрессивных мер «не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции»²⁰. 10 августа было принято постановление ВЦИК «Об административной высылке», предусматривающее ее применение «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям»²¹.

В ночь с 16 на 17 августа 1922 г. Замятин был арестован²².

В заключении Замятин пробыл немногим более месяца, в 20-х числах сентября он вышел из тюрьмы²³. В хлопотах об освобождении его, как видно из публикуемых ниже документов, активное участие приняли Пильняк и Воронский. На следующий день Замятин обращается с письмом к А.К.Воронскому; оно публикуется нами впервые по автографу²⁴ (некоторые из зачеркнутых слов приводятся в квадратных скобках).

Замятин — Воронскому

Дорогой Воронский.

Вчера я вышел из тюрьмы — и, кажется, больше всего обязан этим той энергии, с какой вы орудовали в Москве. Спасибо Вам — этим Вы особенно много сделали для моей матери и жены. Мне-то сиделось не плохо — куда веселее, чем на той же Шпалерной²⁵ в царские времена [когда я порядком испортил себе здоровье в настоящей, строгой одиночке (не забавно ли? Тогда я был посажен — как большевик, а теперь — был посажен большевиками?). А главное — перед тем, как попасть за границу и по настоящему начать переваривать и все теперешнее выплескивать на бумагу (очевидно это будет), не поглядев] [кто, и как, и за что сидит теперь в тюрьме — было бы жалко] [новой русской тюрьмы — мне, писателю, было бы обидно]. Это я совершенно всерьез говорю.

Не знаю, удастся ли мне до отъезда попасть в Москву и увидеться с Вами. Но вот, что мне хочется сказать Вам, и П.С.Когану²⁶, и другим теперешним критикам (не забубенному Окуневу²⁷, не Сергею Городецкому²⁸ — с этими, вчера голосившими «Боже царя», а нынче «Интернационал» — я просто и разговаривать не стану): надо бы Вам всем — полегче на поворотах. Вы пишете о «белых агитках-сказочках Замятина»²⁹; П.С.Коган — о том, что «Замятин явно хочет попасть к своим островитянам»³⁰; Садофьев — о Замятине как о «белогвардействующем писателе»³¹, а в ГПУ — есть все же грамотные люди, и результаты — налицо. Для меня, повторяю, все это не очень страшно: я — человек крепкий, и мне слезть на время с корабля к<оторы>й все время чахнет, и посидеть на берегу [за границей]; серьезно поработать [за границей] — мне это, может быть, только на пользу. Но ведь вот уже из «Правды» палят по бывшей «Нов<ой> России»³², по Серап<ионовым> братьям³³, и [это может привести к] кто поручится, что для них такая критика тоже не кончится рейсом Гороховая³⁴ — Шпалерная — Берлин? А людей помоложе, пожиже меня эта передрыга может совсем расплющить.

Потом: пора бы уже вам, коммунистам, как следует научиться отличать белый цвет от другого. Белые — вовсе не те, кто видит [недостатки в происходящей жизни] ошибки во всем, что творится кругом, и имеет смелость говорить о них. И красные — вовсе не те, кто орет ура всему, что ни делается: военный коммунизм — ура! [НЭП] красные спекулянты и пролетарская буржуазия — ура!

Вот Вы назвали назвали мои сказки — «белыми». А давайте поглядим: так ли это?

Я отлично помню день, когда я написал своих «Арапов» (году, кажется, в 19-м). Утром я прочитал «Правду»: на первой странице — список стольких-то расстрелянных, а на второй — статья, где автор лупит по башке какой-то (уже не помню) буржуазный суд, приговоривший к смерти коммуниста. Ведь не станете же Вы спорить; ясно — это или глупость, или лицемерие. Классовая борьба — война; на войне — как на войне; и смешно [негодовать] [осуждать] [последними словами] материть врага за то, что он не подставляет покорно лоб. [Ни глупости, ни лицемерия я не выношу.] Такой уж у меня нрав, что молча пройти мимо глупости и лицемерия — я не могу. Я показывал пальцем на эти доблести в англичанах³⁵ и в царской России; я не перестал этого делать теперь. И Вы серьезно считаете, что это — белое?

Вероятно, никогда я не смогу спокойно <смотреть> и на смертную казнь. Я вовсе не такой уж вегетарианец; я понимаю убийство в бою, где человек [убивает, сам отдавая, рискуя быть убитым] покупает право убивать ценою своей жизни. Но вот что хотите — не могу принять убийство связанного человека [убийства — для меня безнравственного]. А главное — я убежден, что это не нужно и вредно для самой власти. Пусть это делают Балаховичи³⁶ — но зачем это делает революция? Во взятой мною на улице проститутке — я не буду искать чистоты, но в женщине, к<отору>ю люблю, буду. [Это и есть то, что у меня в «Церкви Божией»]. Именно поэтому в «Церкви Божией» я говорю о казни резче, чем писал о ней раньше — в «Уездном», в «Островитянах» (этот вопрос мучил меня всегда). И это вы тоже считаете «белым»? И Вам всерьез кажется «красным» каннибальство Городецкого, когда он насаждает на Вс.Иванова: у этого злодея Иванова в рассказе бабы одинаково плачут над убитыми мужиками — все равно, красные или белые³⁷!

[Я уверен, что о Городецком думаете то же, что и] Я пишу все это Вам потому, что знаю: Вы — не Городецкий. Может быть, сразу же, когда меня стали купать в помоях — мне стоило бы ответить и сказать, кто я, и напомнить, что во время войны, когда Городецкий писал «Сретение царя»³⁸ — меня осудили за антимилицаристскую повесть³⁹, а еще раньше, когда Городецкий декадентовал, — я сидел в одиночке как большевик. Но по правде, уж очень мало я почитаю всех Городецких, Князевых⁴⁰, Окуневых, чтобы отвечать им.

Ну вот, это все Вам — на прощанье. Потому, что я все же, кажется, [буду отправлен] поеду за границу. Это и лучше: [оставаться сейчас здесь, при том отношении ко мне, к<оторо>е созд<алось>] при той травле по моему адресу, к<отора>я сейчас идет (и будет идти) — мне тяжело оставаться здесь, Вы это поймете. Нелегко мне будет и за границей — именно потому, что я не белый, но это уже по-другому и, думаю, легче. Если меня будут высылать куда-ниб<удь> внутрь России или оставят в Петербурге (пока отобрана подписка о невыезде) — буду просить Вас помочь мне выбраться за границу — на время.

Искренне Вас уважающий

Евг. З.

(Письмо — вероятно, Воронскому)⁴¹

Е.З.

Ответ Воронского на это письмо известен; однако мы не считаем лишним привести его еще раз в полном виде — не желая уподобляться первым его публикаторам, представившим в эпистолярном диалоге Замятина и Воронского только одну сторону.

ВОРОНСКИЙ — ЗАМЯТИНУ

Дорогой Замятин!

Простите, что не сразу ответил вам на письмо. Собираюсь все в Петербург, да так и до сих пор собираюсь, а хотел вместо письма лично поговорить с вами. В Петербург я все-таки поеду, немного позже, а теперь отвечаю.

Кончил часа два тому назад длиннейшую статью о вас для очередного номера «Красной нови»⁴². Там я старался ответить на многое из того, о чем вы писали. И ругаю и хвалю я вас предостаточно. Хвалю за «Уездное», «Алатырь», «На куличках», «Островитяне», «Ловец человеков»⁴³, а «Дракон», сказочки и «Мы»⁴⁴ — это уж совсем другое дело. Опять вы меня <будете> упрекать в доносах. Но во-первых, вы — худший доносчик, ибо вы прежде всего доносите на себя: если «грамотные» люди читают меня, то в большей степени они читают вас. А, во-вторых, благо революции превыше всего и иных постулатов у меня нет; критиковать же других, тех, которым рот зажимают, считаю приемлемым, ибо за это мы

платили кровью, ссылками, тюрьмами и победами. Ведь было же время, когда над нами издевались всюду печатно (1908-1917), а мы вынуждены были молчать. Пусть помолчат теперь «они», если уж на худой конец так складываются обстоятельства. Лежит у меня, от Пильняка полученный, роман ваш «Мы»⁴⁵. Очень тяжелое впечатление. По совести. Неужели только на это вдохновил вас Октябрь и что после было до наших последних дней? Какая же это «самая шуточная и самая серьезная вещь»⁴⁶? Самая мрачная и мизантропическая. Рано еще по нас такими сатирами стрелять. Как-то не туда, куда нужно вы смотрите. Ведь вот Уэлс, о котором вы так талантливо и хорошо написали⁴⁷, увидел все-таки в нас, в коммунистах, что-то положительное и очень большое, а вы нас расписываете одной черной краской. Неладно это. Ваше, впрочем, дело, а я вам — не советчик. На разных плоскостях мы стоим. Вот вы пишете — нельзя связанного человека убивать, а я этого не понимаю. Как, почему нельзя? Иногда нельзя, иногда можно. Все зависит от форм, степени ожесточенности борьбы, от цели, от того, кто и каков противник и что он, какими средствами, борется сам.

Вы — стоите, должно быть, в стороне от реальной борьбы теперешней, а так нельзя судить, что можно и чего нельзя. Ну, и это — побоку: не договоримся.

Вот в чем я прошу вас еще извинить меня. В своей статье я в конце немного поговорил о романе «Мы» в довольно решительных выражениях⁴⁸. Получилось так, что он у меня засел крепко по многим причинам и я никак не мог не иметь <его> в виду, когда взялся за статью. Кстати: очень растянут роман и тяжело читается. Нужно, по-моему, удалить о носах, о выборах — это ни к чему и придает роману какой-то подсадочный характер. Может быть, тогда можно будет где-нибудь напечатать.

«На куличках» — прелестно. О паутинке очень хорошо. Много лиризма⁴⁹.

Вообще у меня к вам двойственное отношение: одно идет от «Уездного», другое от «Церкви Божьей». Оттого я так много и занимаюсь вами в журнале (доносы).

Пока всего хорошего. Пишите. Буду очень рад. «Уездное» мы думаем, т.е. «Круг», купить у вас. Я сегодня сказал, чтобы выслали пока аванс. Согласны вы?

А знаете: мы с вами земляки, я — тамбовский семинарист, из Усманского уезда⁵⁰.

Привет. Счастья.

А.Воронский

1-й Дом Советов (бывш. гост. «Националь»), №217.

P.S. Что делать с романом?

№1 альманах «а» «Круг» выйдет дней через 10⁵¹.

Позволим себе оставить без интерпретации и оценки позиции авторов этих писем, представляющиеся нам достаточно определенными, и продолжим биографическое повествование.

Когда Замятин писал Воронскому, у него не было еще на руках ни заграничного паспорта, ни справки из ГПУ о том, что его выезд за границу «препятствий со стороны ГПУ не встречается» (справка за подписью начальника Особого отдела ГПУ Г.Г.Ягоды от 7 сентября; выезд на 11 октября⁵²); судя по всему,

не знал он и о том, что высылка — стараниями Пильняка и Воронского, обратившихся к Л.Б.Камневу, — отменена. Близкий друг Замятина, художник Юрий Анненков вспоминал (небольшие неточности в его воспоминаниях мы специально не оговариваем): «Постановлением о высылке за границу Замятин был чрезвычайно обрадован: наконец-то — свободная жизнь! Но друзья Замятина, не зная его мнения, стали усердно хлопотать за него перед властями и, в конце концов, добились: приговор был отменен. Замятина выпустили из тюрьмы, и в тот же день, к своему глубокому огорчению, он узнал, со слов Бориса Пильняка, что высылка за границу не состоится.

Вскоре после выхода из тюрьмы, Замятин, вместе со мною, присутствовал на Николаевской набережной, в Петрограде, на проводах высланных из Советского Союза нескольких литераторов, среди которых были Осоргин, Бердяев, Карсавин, Волков-высский и некоторые другие, имена которых я теперь забыл. Провожавших было человек десять, не больше: многие, вероятно, опасались открыто проститься с высланными «врагами» советского режима. На паром нас не допустили. Мы стояли на набережной. Когда паром отчалил, уезжающие уже невидимо сидели в каютах. Проститься не удалось.

Сразу же после этого Замятин подал прошение о его высылке за границу, но получил категорический отказ⁵³.

Упоминаемые у Анненкова проводы — это, конечно, проводы первого «философского парохода» «Обербургомистр Хакен», отправившегося из Петрограда в двадцатых числах сентября (30 сентября пароход прибыл в Штеттин⁵⁴). Воспоминания Анненкова дополняются и другим мемуарным свидетельством, которое можно отнести соответственно к концу сентября — октябрю 1922 г.; рассказывая о своих хлопотах по получению визы на выезд из СССР к концу 1922 г., А.З.Штейнберг вспоминал: «Когда я представил [в Смольный. — А.Г.] свое заявление с резолюцией Чека выдать мне паспорт, рядом со мной оказался Евгений Иванович Замятин с женой, которые получили отказ на выезд. Возвращаясь вместе в трамвае, Замятин спросил меня: «Почему же вам так посчастливилось? Не знаешь, где найдешь, где потеряешь?»⁵⁵.

Получив отказ, Замятин обращается с просьбой о помощи к Пильняку; письма Замятина к нему не сохранились, но о содержании их мы получаем представление из ответа Пильняка (от 20 ноября): «Сегодня получил сразу три твоих письма + еще одно о тебе.

1) О загранице. Ну пойми ты, в каком я дурацком положении — месяц тому назад <мы?> хотели, чтобы ты не ехал, — теперь надо всю артиллерию перестраивать — как раз наоборот. Очень сложно и очень медленно. Все же не невозможно. Думаю, приехать тебе в Москву — стоило бы — причем, я буду в Москве около 1-го декабря, когда соберешься ехать — телеграфируй Воронскому (Леонтьевский, д.3, к<нигоиздательству>во «Круг», Александр Константинович) или мне в Колумну.

2) Воронский пишет о тебе статью, очень длинную, положительную. Мы имеем в помыслах пригласить тебя членом артели «Круг» (что даст немалые возможности⁵⁶). «Мы» — у Воронского.

Воронский находит возможным устроить его в печати, — но предварительно надо сговориться. — §2⁵⁷ этот и есть тот путь, кой предпринял я ради твоих дел. Мне думается, он единственный, — но он медленный путь, — не раньше, как появится статья Воронского; как выйдет №1 “Круга”, — полагаю, что питерские твои хлопоты впустую. Живем во времена дипломатические. Приезжай. “Кругом” не пренебрегай.

3) насчет двуспального двоеженства⁵⁸ — решаю сам, как надо. Ты в этих делах умный⁵⁹.

Поездка Замятина в Москву, о возможности которой говорит Пильняк в 1-м пункте своего письма, очевидно, состоялась в декабре — и тогда же Замятин и Пильняк были у Л.Б.Каменева⁶⁰.

Аудиенция у Каменева, судя по всему, не внесла ясности в ситуацию; не выполнила своей роли и статья Воронского (появившаяся также в декабре), на которую Пильняк возлагал большие надежды и заочно называл «положительной»; не был принят к публикации в альманахе «Круг» и роман «Мы». В течение почти года — с освобождения с сентября 1922 г. и по октябрь 1923 г. — положение Замятина остается таким же неопределенным: между эмиграцией и не-эмиграцией («внутренняя эмиграция»⁶¹?).

В начале 1923 г. — неожиданно для себя и своих друзей — Замятин получил заграничный паспорт. Было ли это только ответом на обращения Замятина с просьбой о разрешении ему выехать за границу или в соответствующих инстанциях сочли, что Замятин все-таки «опасен», — не ясно. Очевидно одно: Замятин зимой — весной 1923 г. был твердо настроен на отъезд (сообщения об этом появились и в эмигрантской печати⁶²). Не устраивали его, кажется, только предложенные сроки. «Всю зиму я прожил вокзально, на сложенных чемоданах, — писал Замятин полгода спустя Я.Н.Блоху, — и скоро, по-видимому, начну их распаковывать, на время. В феврале мне вручили паспорт — с просьбой выехать в недельный срок. Этого я сделать не мог — и взял отсрочку до парохода»⁶³. Об отсрочке хлопотал Пильняк (и, очевидно, Воронский). Письмо Пильняка Замятину от 23 января уточняет дату, названную в письме Я.Н.Блоху: «Твоей телеграмму получил утром. В Москву пишу нарочным. — Приехать в Москву — не могу, ибо болен. <...> В чем дело? Почему посылают тебя? Приехал — в Москву — хлопотать? — Повидай Троцкого, вот: — телефон 1-70-40, Анну Юлиановну Маноцкову, скажи, что Пильняк просит ее — не устроит ли она Замятину свидание с Львом Давидовичем? — устроить»⁶⁴. В письме от 3 апреля — опять упоминания о хлопотах: «В Москве опять бегали, чтоб устроить как-нибудь отсрочку, — черт их разберет, все готовы хлопотать, а ничего не ясно. Говорили о твоих книгах — берем, но рукописей в “Круге” еще нет (я уже неделю дома). Было у нас с Воронским совещание о тебе, о том, как бы тебя обеспечить за границей, — и надумали поставить тебе “ультиматум” (!): будем посылать тебе ежемесячно от “Круга” и “Красн<ой> Нови”, закрепив за собою все новые твои произведения, с тем, чтобы ты нигде больше их не печатал. Ты понимаешь? — решаю, как тебе удобнее. Но так или иначе — мы живем в такие дни (да, думаю, и всегда это было), когда без компромиссов не проживешь, — а с Россией, ради России, порывать на надо. <...> Ты зря говоришь — никогда (тоже не люблю этого

слова): знаю, еще будем вместе, и работать, и... водку пить»⁶⁵.

Получение отсрочки отодвинуло отъезд Замятина еще на неопределенный срок⁶⁶; в цитированном выше письме Я.Н.Блоху Замятин 8 июня сообщает: «А теперь, по-видимому, расхотели расставаться со мной (хотя никакого официального уведомления о том я не имею — но похоже на то). Может быть, не захотят расставаться и позже — Бог весть; но если любовь ко мне окажется не так велика, то летом, позже, возьму паспорт и на некоторое время приеду»⁶⁷. Как видно из приведенных строк, Замятин в это время уже не думает об эмиграции.

Дальнейший ход событий и умонастроения Замятина выясняются из его писем к жене⁶⁸.

26 июля 1923 г.: «От <А.Н.>Тихонова было письмо в понедельник, где он сообщает о разговоре Абр<ама> Эфроса с Каменевым и Лидиной с Воронским. Все это как будто говорит (пока), что придется ехать. Мне все равно. Здесь надоело все, тесно, нужно что-то новое».

31 июля: «Обо мне не беспокойтесь никак. У меня — никаких новых огорчений. К заграничной этой истории я уже давно привык — как к этим своим ботинкам желтым на пуговицах: хоть и тесны, а могу пройти от Заячьего Ремеза до Петергофа. Тихонов приехал ни с чем. Был дважды у Лунач<арского>, тот дважды при нем говорил по телеф<ону> с Ст<алиным>?, было обещано навести справки — и по сию пору ничего нет. Тихонов пишет завтра письмо, чтобы напомнить Лун<ачарскому>. Обещал выяснить дело и Воронский — и написать мне. Я сейчас буду писать Воронскому. Об “ангелочке”⁶⁹ у Тих<онова> впечатление как о человеке, от которого чего-н<и>б<удь> серьезно ждать трудно. Если бы пришлось ехать — ей Богу, сейчас поехал бы охотно».

14 августа: «Только сегодня приехал Тих<онов>, ничего по моим делам не удалось ему узнать. Плевать, на обр<атном> пути сам заеду в Москву».

21 августа: «В Москве стояли 3 часа. Видел Воронского; он звонил при мне по телеф<ону>, справался обо мне, никого на месте не было, Агранов приехал из отпуска, Воронский обещал узнать».

28 сентября: «На днях от Воронского получил письмо. Пишет, что был у Прокурора ГПУ, говорил с ним обо мне. Мне — по словам Воронского — надо подать в ГПУ заявление о пересмотре моего дела и о том, чтобы меня оставили. Стало быть, эта канитель еще тянется».

8 октября: «Сейчас созвонился с Воронским и поеду к нему. От него узнаю о своих делах и кончу тогда письмо»⁷⁰.

На следующий день, 9 октября, Замятин делает приписку к процитированному выше письму: «У Воронского был. По его совету подал заявление в ГПУ, чтобы выяснить дело».

Приведенные цитаты, как нам кажется, ясно свидетельствуют о том, что к осени 1923 г. Замятин принял решение остаться в России. «Не-эмиграция была актом свободного выбора, а не результатом запрета или давления», — можем мы повторить вслед за Д.Мальмстадом и Л.Флейшманом⁷¹ (основывавшем, правда, свой вывод на отличных от наших источниках).

Свой арест и несостоявшуюся высылку Замятин не скрывал⁷². И когда в 1928 г. он работал над

наиболее развернутой своей автобиографией, которая должна была открыть первый том Собрания сочинений, счел необходимым упомянуть об этих фактах. Однако, при прохождении текст ее подвергся сокращению. 9 июля 1928 г. А.Н.Тихонов писал Замятину: «Что касается комиссии, к¹отора² рассматривает Ваши произведения с идеологической стороны, то первый том никаких возражений не встретил, кроме одной фразы в «Автобиографии», где Вы пишете о Вашем пребывании в тюрьме. Я согласен с тов. А.Фадеевым, что может быть, эту фразу действительно стоит выбросить»³. В ответном письме Замятин писал: «<...> получил Ваше письмо о результатах химического анализа первых двух томов. Фадеев меня разочаровал: я думал, что у него менее промарксистские мозги. <...> Не так просто обстоит дело с предлагаемой Вами купурой в автобиографии. Прежде всего, мне не ясно, выкидываете ли Вы действительно только одну фразу — одно предложение («В Доме предв⁴арительного⁵ закл⁶ючения» на Шпалерной, по странной случайности, оказался в той же галерее...» и т.д.) — или предложено истребить всякое упоминание о том, что в 22-м году я сидел в тюрьме. Упразднить одну вышеприведенную фразу или заменить ее другой, более нейтральной — это еще куда ни шло, но думаю, что нельзя в автобиографии обойти полным молчанием мои приключения в 1922 году. Мне о них нисколько не неловко писать; если кому-нибудь будет неловко читать — вина не моя. Если умолчать об этом совсем — на всю автобиографию, где подробно рассказано о моем прежнем большевизме, ляжет неверный рефлекс — этого я не хочу. Я поэтому предлагаю конец автобиографии сделать так: «В августе и сентябре 1922 года изучал Гороховую и Шпалерную. С того времени, как я был здесь в первый раз, — прошло семнадцать лет. Так замкнулся круг. Еще не знаю, не вижу, какие кривые в моей жизни дальше». Если и это встретит возражения, можно фразу «С того времени...» и т.д. выбросить, оставив все остальное»⁴. Но и эти варианты цензуры не прошли⁵.

«Так замкнулся круг. Еще не знаю, не вижу, какие кривые в моей жизни дальше», — закончил свою автобиографию Замятин⁶.

«Круг замкнулся» в августе-сентябре 1929 г. — когда на страницах советской печати разразилась небывалая по своей остроте критическая кампания, направленная против Пильняка и Замятина, — после которой Замятин принимает решение уехать из страны. Спустя ровно семь лет после ареста и несостоявшейся высылки Замятин вновь обращается с просьбой (на сей раз — к А.И.Рыкову) о выезде за границу; только спустя два года, осенью 1931 г., он навсегда покидает страну.

Примечания

¹ См., напр.: Галушкин А.Ю. Еще раз о письме Горького в газету «Накануне» // Горький и его эпоха. Вып.2. М., 1989; Голанд Ю. Политика и экономика: (Очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. 1990. №3; Хоружий С. Философский пароход // Литературная газета. 1990. 9 мая и 6 июня; Костиков В. Изгнание из рая // Огонек. 1990. №24; Геллер М. «Первое предостережение» — удар хлыстом: (К истории высылки из Советского Союза деятелей

культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. 1990. №9. См. также: Социологические исследования. 1990. №3. Статья М.Я. Геллера перепечатана из парижского «Вестника РСХД» (1978. №127) без указания на первую публикацию.

² Советский историк, работавший в партийных архивах, указывает, что было выслано 160 человек (см.: Федюкин С. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С.287).

³ Уже некоторые публикации из этих архивов, появившиеся в 1992 г., позволяют внести существенные уточнения в наши представления, см.: Сценарий «доликвидации»: Плановость в работе ВЧК-ГПУ / Комментар. Е.Г.Гимпельсона // Независимая газета. 1992. 8 мая; Латышев А. Беда завтрашнего дня: О «секретном» и открытых фондах Ленина // Российская газета. 1992. 19 мая.

⁴ Из работ в которых эти факты исследованы достаточно подробно следует отметить прежде всего статью Д.Мальмстада и Л.Флейшмана «Из биографии Замятина: (По новым материалам)» в кн.: Stanford Slavic studies. Vol.1. Stanford, 1987. В советской и российской печати мы встречаем только более или менее развернутые упоминания; см., напр.: Чудакова М. Еретик, или Матрос на матче // Замятин Е. Сочинения. М., 1988. С.499-500. В подавляющем большинстве работ о Замятине, появившихся в нашей печати последние годы, факт его ареста 1922 г. просто не упоминается. А в комментарии «Литературного наследства» к одному из писем Горького, в котором говорится об аресте Замятина, можно прочесть: «По-видимому, Горький доверился ложному слуху, распространявшемуся в эмигрантских кругах» (Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963. С.402). Между тем, о своем аресте в 1922 г. Замятин упоминал в советской печати, см. его автобиографию в кн.: Литературная Россия. Т.1. М., 1924. См. также его автобиографию 1923 г., опубликованную В.В.Бузник в «Русской литературе» (1992. №1); реальный комментарий к публикации отсутствует.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т.54. С.265-266.

В некоторых советских исследованиях, тем не менее, встречаются утверждения, что Ленин был не причастен к организации высылки, и ее инициатором называется Сталин; см., напр.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина. Кн. 1. М., 1989. С.237; Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С.18, 29.

⁶ Ранее высылке были подвергнуты в 1921 г. деятели Помгола, см. подробнее в указанной в примеч. 1-м статье М.Я.Геллера.

⁷ Так, по инициативе Ленина была отменена высылка редактора журнала «Новая Россия» И.Г.Лежнева и некоторых его авторов, см. подробнее примеч. 32-е.

⁸ Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.33. Статья впервые опубликована в марте 1922 г. в №3 журнала «Под знаменем марксизма». См. также письмо Ленина Н.П.Горбунову от 5 марта, в котором только вышедший сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы» охарактеризован как «литературное прикрытие белогвардейской организации» (Там же. Т.54. С.198). Осенью 1922 г. авторы этого сборника —

Н.А.Бердяев, Я.М.Букшпан, Ф.А.Степун, С.Л.Франк — были высланы из страны.

⁹ Правда. 1922. 2 июня. Ю.И.Айхенвальд авторство этой статьи, подписанной «О», приписывал Л.Д.Троцкому.

¹⁰ Впервые предположение о том, что именно сказки эти послужили поводом к аресту Замятина, было высказано В.Троицким [псевдоним Д.И.Зубарева] в комментариях к публикации: Замятин Е.И. Краткая история Всемирной литературы от основания до сего дня // Память: Исторический сборник. Вып.5. Париж, 1982. С.308.

¹¹ Предположительная датировка на основании письма Замятина Воронскому.

¹² Городецкий С. Зеленъ под плесенью // Известия. 1922. 22 февраля.

¹³ Яковлев Я. Горбатого только могла исправить // Правда. 1922. 5 марта.

На статьи Городецкого и Яковлева «Серапионовы братья», многие из которых участвовали в «Петербургском сборнике», ответили коллективным письмом в редакцию: Ответ «Серапионовых братьев» С.Городецкому // Жизнь искусства. 1922. 28 марта; То же // Россия. 1922 №2.

¹⁴ Коган П. Литературные заметки: Писатель Замятин // Правда. 1922. 22 марта; Воронский А. Литературные отклики // Красная новь. 1922. №3; Полянский В. Гершензон и Замятин // Современник. 1922. Кн.1; Его же. Принципы пролетарской критики // Там же; [Б.п.] // Творчество. 1922. №1/4; Семенов С. Безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики толка Замятинского // Литературная неделя. 1922. №21 [Приложение к «Петроградской правде» от 29 октября]; Садофьев И. // Красная газета. 1922. 4 ноября. Ср.: А.Б. // Горн. 1922. №2; А-с. // Жизнь. 1922. №1; Слонимский А. // Книга и революция. 1922. №1.

¹⁵ Похоже, что единственный такой отзыв («во всех отношениях удачные сказки») принадлежит К.Боженко, см.: Библиографические листы русского библиографического общества. 1922. №3. С.23.

¹⁶ М.С. [Слоним М.Л.]. Среди книг и журналов // Воля России (Прага). 1922. №9; Вишняк М. На родине // Современные записки (Париж) 1922. №1. См. также: Венгерова З. // Новая русская книга (Берлин). 1922. №2.

¹⁷ Письмо от 5 апреля 1922 г. хранится в Рукописном отделе ИМЛИ (ф.47, оп.3, ед.хр. 156).

¹⁸ Письмо хранится в РО ИМЛИ (ф. 183, оп.2, ед.хр.6); процитировано с неточностями в комментариях Е.П.Чуковской к дневнику К.И.Чуковского (Новый мир. 1991. №5. С.191; Чуковский К. Дневник: 1901-1929. М., 1991. С.497).

¹⁹ См. текст доклада Г.Е.Зиновьева: Правда. 1922. 8-9 августа.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.2. М., 1983. С.592.

²¹ Известия. 1922. 18 августа.

²² Дата проведения массовых арестов в Петрограде и других городах приведена в указанной в примеч. 1-м статье С.Хоружего. Ср. запись в дневнике Б.М.Эйхенбаума от 20 августа, приведенную в кн.: Каверин В. Эпилог. М., 1987. С.7.

Известия об аресте Замятина проникли в зарубежную русскую печать с большим опозданием, см.: Арест Е.И.Замятина // Голос России (Берлин). 1922. 10 сентября. (со ссылкой на информацию собственного корреспондента из Риги от 8 сентября). Очевидно, на этом сообщении основывался и Горький, сообщавший в середине сентября 1922 г. А.Н.Толстому: «В Петрограде арестован Замятин», см.: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963. С.402. (Литературное наследство. Т.70). О реакции Горького на высылку см. в нашей статье, указанной в примеч. 1-м.

²³ Уже 30 сентября Замятин присутствует на «субботе» «Серапионовых братьев» в Доме искусств (см.: Чуковский К. Дневник. С.217).

²⁴ Автограф хранится в РО ИМЛИ (ф.62, оп.1, ед.хр. 8). Цитировано: Дементьев А.Г. А.Воронский — критик // Воронский А.К. Литературно-критические статьи. М., 1963. С.31; Галушкин А.Ю. [Послесловие к републикации «Воспоминаний о Блоке» Е.И.Замятина] // Юность. 1988. №5. С.76.

²⁵ На ул. Шпалерной в Петрограде (с 1918 г. — ул. Воинова) располагалась первая в России следственная тюрьма (Дом предварительного заключения). В декабре 1905 — марте 1906 г. Замятин отбывал в ней заключение; после освобождения он был выслан под надзор полиции в Лебедянь (см.: Любимова М.Ю. Е.И.Замятин в годы первой русской революции: (Из писем Замятина 1906 г.) // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ: История России XIX-XX веков. Л., 1991. С.99-100).

²⁶ Коган Петр Семенович (1872-1932) — литературовед, критик, выступивший еще до Октябрьской революции с фундаментальными трудами по истории западноевропейской литератур. Активно сотрудничал в советских изданиях после революции.

²⁷ Окунев (настоящая фамилия Окунь) Яков Михайлович (1882-1932) — писатель. Участвовал в революционном движении в 1903-1907 гг., от которого впоследствии отошел; сотрудничал в многочисленных бульварных изданиях. В 1917 г. вступил в РСДРП (б). Октябрьскую революцию первоначально не принял, выступал с резкими антибольшевистскими статьями в эсеровской газете «Воля народа» (ноябрь-декабрь 1917 г.), в «Петроградском эхе» (февраль-апрель 1918 г.) и др. См., напр., его фельетон «Что будет?»: «Заколотен гроб, а в гробу — Россия. Слышите — Россия в гробу» и т.п. (Петроградское эхо. 1918. 2 апреля). Позднее отношение к советской власти изменил, широко печатался в советских изданиях (включая «Правду»).

²⁸ Резкая политическая переориентация Сергея Митрофановича Городецкого (1884-1967), продемонстрированная в его выступлениях и публикациях в августе-сентябре 1920 г., стала своеобразной сенсацией для литературной общности Петрограда, куда после более чем трехлетнего отсутствия он приехал из Закавказья (см., напр., его фельетоны «Покойнички» и «Разложение интеллигенции», опубликованные соответственно в «Красной газете» от 8 августа 1920 г. и «Известиях» от 12 августа 1920 г.). Замятин откликнулся на одно из первых выступлений С.М.Городецкого в статье «Я боюсь» (Дом искусств. 1921. №1).

²⁹ Из отзыва Воронского о «Петербургском сборнике»: «Замятин большой художник и умный человек. Это доказано “Уездным”, “Островитянами”, замечательной статьёй его об Уэллсе. Октябрь больно ударил Замятина. Такие вещи, как сказочки “Церковь божия”, “Арапы”, с присвистом и веселым ржанием перепечатаны зарубежной эмигрантской прессой — и в самом деле, им там более уместно, чем в осажденном советском лагере. Это агитки худшего качества. Чем-то заразился художник от “Уездного” — в наши дни явление обычное для многих писателей, вышедших из прежнего круга интеллигенции» (Красная новь. 1922. №3. С.267-268).

³⁰ П.Коган в статье «Литературные заметки: Писатель Замятин» писал в связи с послереволюционной общественной позицией Замятина: «Писатель Замятин застрял в России и замечтался о цилиндрах и проповедях vicaria» (Правда. 1922. 22 марта).

³¹ «Белогвардействующим писателем» пролеткультовский поэт и критик Илья Иванович Садофьев (1889-1965) назвал Замятина в статьях «Литература и действительность» (Красная газета. 1922. 19 августа) и «Будет ли у нас настоящая литература?» (Литературная неделя. 1922. №12 [Приложение к «Петроградской правде» от 27 августа]); в обоих случаях — в связи с замятинской статьёй «Я боюсь».

³² «Новая Россия» — сменовеховский журнал, два первых номера которого вышли в марте и июне 1922 г. в Петрограде под редакцией И.Г.Лежнева. На №2 закрыт по решению Петроградского совета — в рамках подготовлявшейся высылки интеллигенции. Против закрытия протестовал Ленин, писавший Дзержинскому: «Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить внимательно. <...> Конечно, не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу» (Ленин В.И. ПСС. Т.54. С.266). На заседании Политбюро 26 мая Главному управлению по делам печати было поручено разрешить издание (Там же. С.648-649). С августа 1922 г. журнал начал выходить в Москве; его 3-й номер отрецензировал Г.И.Сафаров («Россия №2¹/₂ // Правда. 1922. 27 августа).

³³ Очевидно, речь идет об одной из статей Л.Д.Троцкого из цикла «Внеоктябрьская литература» (Правда. 1922. 19 сентября), в которой речь шла о группе «внеоктябрьских молодых беллетристов и поэтов», «метром» для которой является «Замятин, художник “Островитянин”». Собственно «Серапионовым братьям» Троцкий посвятил отдельную главку этого же цикла: Литературные попутчики революции // Правда. 1922. 5 октября. См. также: Троцкий Л.Д. Литература и революция. [3-е изд.]. М., 1991. С.38-39, 64-69.

³⁴ На ул. Гороховой в Петрограде помещалось петроградское ГПУ.

³⁵ Замятин имеет в виду свою повесть «Островитяне» (1918).

³⁶ Булак-Балахович (Бэй-Булак-Балахович) Станислав Николаевич (1883-1940) — один из руководителей наступления Юденича на Петроград 1919 г. и советско-польской войны 1920 г. После заключения советско-польского перемирия, организовал Народнo-добровольческую армию, которая вела партизанские действия на советской территории, используя массовые расстрелы, погромы, грабежи.

³⁷ Из цитированной выше статьи С.М.Городецкого «Зелень под плесенью». Говоря о влиянии «зубровской идеологии» на «Серапионов», Городецкий, в частности, писал: «Отражение ее уже заметно, например, на Всев. Иванове, который описывает, как “бабы плакали одинаково” над убитыми белыми и красными <...>. Под видом “чистого искусства” проползает контрабанда старой идейной плесени» (Известия. 1922. 22 февраля).

³⁸ Речь идет о стихотворении С.М.Городецкого «Сретение царя», написанном в 1914 г. и посвященном Николаю II (вошло в его книгу: Четырнадцатый год. Пг., 1915).

³⁹ «Антимилитаристской» Замятин называет свою повесть «На куличках» (1914); номер журнала «Заветы», в котором она была впервые опубликована, был конфискован цензурой, а редакция и автор привлечены к судебной ответственности, см. некоторые материалы дела в кн.: Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл Трагедий. Т.1. Нью-Йорк, 1966. С.263-264. Репринт: М., 1991.

⁴⁰ Князев Василий Васильевич (1887-1937) — поэт. Сотрудничал в 1900-1910-х гг. в различных бульварных сатирических изданиях. В 1905-1906 гг. выступал с политическими стихами, критикующими правительство. В 1914 г. напечатал стихотворение «Итоги», осмеивающее идейную направленность большевистских изданий. Первоначально не принял Октябрьской революции, печатался с антибольшевистскими фельетонами в газете «День» (конец 1917 г.) С весны 1918 г. — активный сотрудник «Красной газеты», в ответ на упреки в политической непоследовательности заявлявший: «<...> я всегда был большевиком» (Письмо в редакцию // Молва. 1918. 10 июня). Неоднократно писал о Замятине, в частности, отзываясь в 1922 г. о его статье «Я боюсь» как о «зловещем карканье злорадствующих Кассандр» (Ура не по тому адресу // Красная газета. 1922. 18 октября).

⁴¹ Эта приписка — очевидно, более поздняя по времени.

⁴² Речь идет о статье «Литературные силуэты: III. Евгений Замятин», опубликованной в декабре 1922 г. в №6 «Красной нови».

⁴³ Перечислены произведения Замятина, написанные и опубликованные преимущественно до Октябрьской революции.

⁴⁴ Рассказ «Дракон» — 1918 г.; роман «Мы» — закончен осенью 1921 г.

⁴⁵ С конца 1921 до весны 1924 гг. Замятин неоднократно пытался осуществить издание «Мы» на родине; в частности, предполагался его выход и в издательстве «Круг», председателем правления которого был в то время Воронский.

⁴⁶ Авторская характеристика «Мы» из Автобиографии 1922 г., см.: Вестник литературы. 1922. №2/3. С.15.

⁴⁷ Замятин — автор многочисленных работ о Г.Уэллсе. Воронский имеет в виду прежде всего книгу Замятина «Герберт Уэллс» (Пг., 1922).

⁴⁸ «Довольно решительные выражения» Воронского о тогда еще не опубликованном романе во многом определили цензурную судьбу «Мы» — хотя, как видно из письма Воронского и из цитируемого

ниже письма Пильняка Замятину, Воронский считал возможным роман опубликовать.

⁴⁹ Одновременно с романом Замятин передал Воронскому рукопись повести «На куличках»; повесть была републикована в первой книге альманаха Артели писателей «Круг» (М., 1923). Сокращению, однако, подверглась вступительная глава «Облезьянов корень», которую мы не считаем лишним привести (по первой публикации «На куличках» в конфискованном №3 «Заветов» за 1914 г.): «Был Ной, дед людской, и был Облезьян, тоже — человек вроде, только во втором сорте, с бусорью малость. Ну, и как потопу этому самому придти — стал себе Ной ковчег строить. А Облезьян, хоть и с бусорью, а смекалистый: видит, как Ной топориком тешет, — «Сем-ка, — думает, — и я себе ковчег срублю». Что Ной делает, то и Облезьян в сей миг переймет. У Ноя ковчег готов уж почти — и у Облезьяна готов: только им по последнему гвоздю вколотить осталось. Ной-то человек сурьезный, он и вколотил. А Облезьян обрадовался, что один гвоздь остался, занялся на радостях непотребным делом — да вот и прозевал последний тот гвоздь. Ной-то, сколотивши, уплыл, а Облезьяна последний гвоздь погубил: захлестнуло его дождем небесным. Так, вот, нянька сказывала, что утоп Облезьян этот самый. А посмекать, поглядеть — так и не утоп он вовсе: где-нибудь и без ковчег на древе уцелел, расплодился, размножился, и произошел от корня Облезьянова самый, что ни на есть настоящий русский человек. Потому что у такого настоящего — все этого самого последнего гвоздя к ковчегу не хватает. И глядишь — утоп». В рецензии на первый альманах «Круга» Воронский также высоко оценил «На куличках», заметив, что эта повесть «теперь не характерна для творчества Замятина: от борьбы с «уездным» он перешел к борьбе с русским коммунизмом» (Красная новь. 1923. №2. С.344).

⁵⁰ Замятин родился в г.Лебедяни Тамбовской губ., Воронский — в с.Хорошавка Кирсановского уезда той же губернии.

⁵¹ Письмо Воронского приводится по публикации Е.А.Динерштейна в кн.: Из истории советской литературы 1920-1930-х годов: Новые материалы и исследования. М., 1983. С.571-572. (Литературное наследство. Т.93).

⁵² Справка ГПУ воспроизведена в кн.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Т.1. С.262. Оригинал хранится в парижском архиве Замятина, см.: Hozzova D. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamiatine // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. XIII. №3. P.279.

⁵³ Анненков Ю. Указ. соч. С.265-266. Не упоминая фамилию Замятина, о его присутствии на проводах пишет и М.А.Осоргин, см.: Осоргин М.А. Как нас уехали: (Юбилейное) // Последние новости (Париж). 1932. 18 августа.

⁵⁴ См. статью С.С.Хоружего, указанную в примеч. 1-м.

⁵⁵ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет: (1911-1928). Париж, 1991. С.117.

⁵⁶ В артель писателей «Круг» Замятин не вошел.

⁵⁷ В автографе между фамилией Воронского (в начале параграфа 2-го письма Пильняка) и цифрой 2 — соединительная линия.

⁵⁸ Не совсем понятно, что имеется в виду; возможно — двойное гражданство.

⁵⁹ ОР ИМЛИ, ф.47, оп.3, ед.хр. 156.

⁶⁰ См. упоминание об этом: Excerpts from the Diaries of Korney Chukovsky Relating to Boris Pii'niak / Tr. and ed. by Vera T.Reck // California Slavic Studies. 1980. Vol.XI. P.192. Очевидно, по тому же поводу, — Замятин выезжал или пытался выехать из Петрограда в Москву в самом конце сентября (см.: Чуковский К.И. Дневник. С.217).

⁶¹ «Внутренним эмигрантом» назвал Замятина Троцкий, писавший в связи с книгой «Островитяне»: «В конце концов автор сам островной человек, и притом с маленького острова, куда он эмигрировал из нынешней России. И пишет ли Замятин о русских в Лондоне или об англичанах в Петрограде, он сам остается несомненным внутренним эмигрантом» (Правда. 1922. 19 сентября; вошло в его книгу «Литература и революция»). Эти строчки были опубликованы, когда Замятин находился в тюрьме.

⁶² См. интервью Д.А.Лутохина, данное 13 февраля 1923 г., вскоре после его отъезда из России: «Выехать предписано писателю и профессору кораблестроительного отделения политехникума Евгению Замятину. Замятин был в числе первых намеченных к высылке 160 человек. Кто-то без спроса Замятина, похлопотал — высылку оставили. Сам просился выехать — не разрешили. А теперь неожиданно — уезжайте. И уезжает» (Оредовский Я. Высланный // Последние известия (Ревель). 1923. 16 февраля. Цит. по.: Мальмстад Д., Флейшман Л. Из биографии Замятина. С.115). Б.И.Харитон в статье «Как нас высылали» так же упоминает «передяги Е.И.Замятина, который остался в России вследствие вмешательства Каменева, но теперь все же высылается, несмотря даже на уход из петербургского ГПУ Мессинга» (Дни (Берлин). 1923. 13 февраля. Цит. по: Социологические исследования. 1990. №3. С.116.).

⁶³ Письмо от 8 июня 1923 г. ЦГАЛИ, ф.2853, оп.1, ед.хр. 13.

⁶⁴ ОР ИМЛИ, ф.47, оп.3, ед.хр. 157.

⁶⁵ Там же. Ср. в письме Воронского Замятину от 21 марта 1923 г.: «О Вашем отъезде искренно сожалею. Пожалуйста, не работайте в зарубежных русских повременных изданиях. Честное слово, не стоит. Крепко надеюсь, что месяца через три вы сможете возвратиться в Россию и сесть здесь более крепко. Держите связь с нами. Если будут затруднения денежного характера, обращайтесь ко мне. Присылайте нам, что напишите. Сообщите ваш адрес» (Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. С.501).

⁶⁶ См. напр., крайне пристрастную и вряд ли справедливую запись в дневнике К.И.Чуковского от 24 апреля 1923 г.: «Гулял с Анной Ахматовой по Невскому, она провожала меня в Госиздат и рассказывала, что в эту субботу снова состоялись проводы Замятина. Меня это изумило: человек уезжает уже около года, и в каждую субботу ему устраивают проводы. Да и никто его не высылает — обил все пороги, наклонялся всем коммунистам — и вот теперь разыгрывает из себя политического мученика» (Чуковский К.И. Дневник. С.243)

⁶⁷ См. примеч. 63-е.

⁶⁸ Цитируемые ниже письма Замятина жене хранятся в Отделе рукописей и редких книг ГПБ

(ф.292, ед.хр. 9) Впервые некоторые из приводимых нами фрагментов были приведены в кн.: Scheffler L. *Evgenij Zamjatin: Sein Weltbild und Seine Literarische Thematik*. Köln; Wien, 1984. Опубликованы полностью: «Милая Мила Николаевна...» Письма Е.Замятина жене: (1918-1923 гг.) /Подгот. текста и примеч. М.Ю.Любимовой // Искусство Ленинграда. 1990.№10;11.

⁶⁹ Имеется в виду А.В.Луначарский

⁷⁰ В этом же письме есть значимое, как нам кажется, упоминание: «В Москве — Шкловский Виктор, вернулся. Я его еще не видел. Скоро возвращается Андрей Белый». Имя Шкловского вряд ли возникло случайно в этом контексте. В отличие от А.Н.Толстого и Белого, покинувших Россию по идейным мотивам, Шкловский вынужден был бежать из Петрограда, спасаясь от грозившего ему ареста по подозрению в участии в террористической деятельности эсеров 1918 г. Его возвращение могло быть расценено Замятиным как свидетельство либерализации.

⁷¹ Мальмстад Д., Флейшман Л. Из биографии Замятина. С.115. Ср. свидетельство Н.А.Оцупа: «С первой партией высланных литераторов в Берлине ждали и Замятина. Все знали, что и ему, как другим, хочется воздуха Европы. Не знали только, что этот

европеец сильнее, чем многие, привязан к России. Когда, благодаря хлопотам друзей и учеников, ему предложили на выбор: уехать или остаться, — Замятин предпочел остаться» (Евгений Замятин // Последние новости (Париж). 1928. 1 ноября; вошло в его книгу: *Современники*. Париж, 1961).

⁷² См. примеч. 4-е.

⁷³ ОР ИМЛИ, ф.47, оп.2, ед.хр. 78.

⁷⁴ Там же, ф.47, оп.3, ед.хр. 15.

⁷⁵ 4 января 1929 года Тихонов извещал Замятина: «Рад Вам сообщить, что инциденте с текстом Вашей "Автобиографии" издательство оказалось совершенно чистым. Я пересмотрел все материалы и выяснил, что в цензурном экземпляре, с которого типография делала набор, была произведена выкидка, — как раз те фразы, отсутствие которых в конце Вас поразило. Ваша правка в гранках была снова выкинута из листов как несоответствующая цензурному экземпляру» (ОР ИМЛИ, ф.47, оп.2, ед.хр. 78)

⁷⁶ Замятин Е. Собр.соч. в 4 тт. Т.1. М., 1929. С.19.

Публикация, сопроводительный текст и примечания А.Ю.Галушкина

Сборник контрреволюционных произведений

10 и 14 декабря 1931 года в Ленинграде по подозрению в «организации и участии в антисоветской нелегальной группировке литераторов» была арестована группа писателей и издательских деятелей, среди которых, в частности, были Даниил Хармс, Александр Введенский, Игорь Бахтерев — участники литературного объединения «ОБЭРИУ», и Александр Туфанов, с которым обэриутов объединяло творческое сотрудничество (главным образом — в дообэриутский период). О существовании дела, заведенного тогда ОГПУ (оно получило название «о контрреволюционной группе детских писателей» и номер 4246-32), было известно давно. Однако недоступность архивов, в которых оно хранилось, а также недостаточность и разноречивость мемуарных свидетельств делали вопрос о нем чрезвычайно темным¹. Только 21 августа 1991 года одному из авторов настоящей публикации И.С.Мальскому удалось ознакомиться с этими материалами и большую часть из них скопировать.

Дело №4246-32 состоит из трех томов. В первом томе — собственно документы, связанные со следствием; часть этих материалов — фрагменты допросов арестованных Хармса, Введенского, Туфанова, а также И.Л.Андроникова — была опубликована в газете «Санкт-Петербургский университет» и готовится к републикации в №11 журнала «Октябрь». В третьем томе собраны заявления, апелляции, справки и пр., связанные с попытками А.В.Туфанова снять с себя судимость.

Второй том содержит литературные материалы: несколько детских книжек Хармса и Введенского, упоминаемых в протоколах допросов, как «вредные» и «антисоветские», а также «Сборник контрреволюционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей. Выпуск 1-й» (далее — «Сборник»).

«Сборник» представляет собой рукопись в 33 машинописных страницы и состоит из литературных произведений и фрагментов дневников писателей, проходивших по делу. Оглавление «Сборника» несколько расходится с фактически наличествующим содержанием; это, как нам кажется, свидетельствует о том, что составлялся он наспех и был оставлен незавершенным, когда собранный в нем «компромат» сочли уже достаточным для обвинения. Знакомство со «Сборником» может произвести трагикомический эффект — так велико несоответствие между заданием, с которым он составлялся, и реальным содержанием вошедших в него произведений². Принципы подбора текстов и их оценка, данная в заглавии, ясно указывают на то, что составителями его были сотрудники ОГПУ; перед нами попытка фальсифицировать деятельность по «нелегальному распространению материалов», упоминание о которой встречается в протоколах допросов. По иронии судьбы это единственный «сборник» произведений обэриутов и

близких к ним писателей, дошедший до нас: от настоящих сборников, — в которых наряду с обэриутами должны были участвовать филологи формальной школы, а также Л.И.Добычин, Н.С.Тихонов и другие, — остались лишь проекты в записных книжках Хармса и воспоминания современников. Не исключено, что сведения о подготовке такого рода сборников (предполагавшихся к выходу в свет вполне легальным путем) подали сотрудникам ОГПУ мысль о составлении своего «Сборника».

Обнаружение «Сборника» — чрезвычайная и редкая удача. Дело не только в той литературной или фактологической ценности, которую представляют вошедшие в него материалы, но, прежде всего, в том, что эти материалы — новые. Корпус текстов Хармса и Введенского, еще не опубликованный до конца, в принципе известен исследователям³. Из произведений же Хармса и Введенского, вошедших в «Сборник», известны были только два: «Землю, говорят, изобрели конюхи» Хармса (ИРЛИ) и «7-е стихотворение» Введенского (ГПБ). Сравнение речей «Сборника» с опубликованными и архивными вариантами произведений (подробнее см. в примечаниях) демонстрирует, к сожалению, его текстологическую неадекватность. Конечно, здесь трудно было ожидать тщательности от сотрудников ОГПУ. И поэтому мы не можем быть уверенными в том, что публикуемые нами новонайденные тексты соответствуют неизвестным нам рукописям. Остается надеяться на новые находки.

«Сборник» публикуется полностью, с сохранением всех орфографических и пунктуационных особенностей оригинала, за исключением явных опечаток. Фамилии авторов, напечатанные внутри разделов после каждого текста, нами опущены.

Заканчивая это небольшое вступление, хочется обратить особое внимание на следующий фрагмент хармсовского дневника:

«17 ноября, вторник. То, что я писал до сих пор, писал один человек. Если Бог продлит мне жизнь, я буду писать опять. И то, что я буду писать тогда будет писать другой человек».

Хармса всегда занимали оккультные науки, и взаимосвязь его с реальностью («реальное искусство») была, по многим признакам, намного сложнее и выше обычного бытового уровня. В 1931 году, как видно из его собственных записей, интерес Хармса к мистике и магии особенно обострился. Приведенный фрагмент — еще одно свидетельство того, что Хармс чувствовал, как на него надвигается некоторое изменение жизни. В принципе тот же «переломный» смысл имеет упоминающаяся в протоколах допросов поэма-мистерия Введенского «Кругом возмозж Бог», законченная, очевидно, незадолго до ареста. То, что произошло, как нам кажется, не было случайностью — и не только в плоско-политическом плане, но,

осмелимся предположить, в плане некоей небесной драматургии.

¹ Первой работой, специально посвященной этой теме, стала статья А.Б.Устинова «Дело детского сектора Госиздата 1932 г.: Предварительная справка» (в сборнике: Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г./Сост. и ред. Г.А.Морева. Л.,1990.С.125-136); в этой работе приведен и более полный список арестованных. Однако и в ней, в силу недостатка информации, был допущен ряд фактических неточностей.

² Как бы то ни было, на основании допросов и, очевидно, материалов «Сборника» было сформулировано обвинительное заключение, в котором арестованным инкриминировалась организация «антисоветской группы детских литераторов, ведущей антисоветскую деятельность» в детском секторе ленинградского отделения Госиздата, издательстве «Молодая гвардия» и «среди гуманитарной интеллиген-

ции» (цит. по: Санкт-Петербургский университет.1991.1 ноября). 23 марта 1932 г. Коллегия ОГПУ вынесла постановление о высылке из Ленинграда Хармса, Введенского, Туфанова, Бахтерева, Калашникова и др. По отбытии срока, некоторые из них вернулись в конце 1932 — начале 1933 гт. в Ленинград, но были настигнуты новой волной репрессий в 1941 году (Хармс и Введенский).

³ Главный источник текстов Хармса и Введенского — архив Я.С.Друскина, литератора и философа, близкого друга обэриутов. Часть этого архива осталась в частном собрании Л.С.Друскиной, другая была передана в Отдел рукописей Института русской литературы (далее — ИРЛИ), третья, большая часть текстов хранится в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), где за последние годы многие из тех, кто занимался или просто интересовался ОБЭРИУ, могли с ними ознакомиться.

Сборник контрреволюционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей В ы п у с к 1 - й

ОСНОВЫ ЗАУМНОГО МИРООЩУЩЕНИЯ¹

А. Физиологические: периферическое зрение, наряду с центральным, условным.

Б. Лингвистические: телеологические функции согласных фонем.

В. Социальные: реакция против подавления общественностью и природой, условно воспринимавшейся — Самовщина (Индивидуализм).

ДЕКЛАРАЦИЯ

1. Организация материала искусства при художественном развертывании в пространственной и временной последовательности должна протекать при «расширенном» восприятии и при установке на прошлое, непрерывно втекающее в настоящее.

2. Заумное творчество беспредметно в том смысле, что образы не имеют своего обычного рельефа и очертаний, но при расширенном восприятии «беспредметность» в то же время — вполне реальная образность с натуры, воспроизведенной «искаженно» при текучем очертании.

3. Время — качественное множество, и в зауме — нет места уму, с его пространственным восприятием времени; это — седьмое искусство — заумом.

*Председатель Земного Шара Зауми
Александр Туфанов*

ПЕТЕРБУРГ

Полуживой, полуразрушенный
Ты неподвижен, гордый град.
Люблю тебя, как сон подслушанный,
Мне сладок твой туманный яд.
За раз благословен и проклят ты
Одной железной рукой...
Я знаю гроз недавних рокоты
Незримо веют над тобой.
Пусть на домах гнездятся коршуны,
О, город, ввергнутый во тьму
Обуреваемый и брошенный
Ты дорог сердцу моему.
Люблю пустынные и сонные
Мосты в предутренней росе,
Люблю тебя мечтой влюбленную
В твоей порфировой красе.
То ненавистный, то возлюбленный
Ты то отвратен мне, то мил...
За счастье мне,
за жребий сгубленный
Я все, я все тебе простил.

Петр Калашников²

* * *

Поэтом быть я думаю не просто
а надо с скрежетом в зубах
рассвета ждать.

И ждать довольно поздно
когда захлопнут нас в гробах.

И будет будет
 всегда и вечно
 Поэт жемчужина веков
 С одною лирой законно-венчанный
 к призванью и смерти всегда готов
 Пусть будет так и впредь и дале
 Поэтому дайте солнца синь.
 Подебоширить, поскандалить
 Взамен на строки душу вынь.

И. Бахтерев

Даниил Хармс

Ход не от желудка — а от революции
 к материалу.

Мы повесили сапог на ширму³.

Несколько лет, заполненных войной и революцией, заставило долгое время все население СССР думать лишь о том, как бы остаться живым и сытым. Год 1919 и 1920-й был кульминационной точкой этого обжорного стремления. Человек есть борец за свое существование — значило буквально. С окончанием войны и революции обжорное напряжение стало ослабевать, но ему взамен наступил материализм в самой резкой форме, как следствие революции. Он постепенно опускался все в более низшие классы, одновременно с этим искажаясь и прикрывая собой романтическую сторону жизни. Установка всех суждений встала. Художественный гений потерпел обратный ход лозунгов: «Гений есть самобытность», «гений есть терпение и усидчивость». Всякое искусство и развлечение без непосредственной пользы в том стало преследоваться. Отсутствие отдыха путем разнообразия напряженности привело нас к усталости...

Теперь, когда не приходится думать только о наполнении своего желудка, все чаще и чаще слышится тоска о душевном разгуле. И вот ленинградская организация левого фронта искусства предлагает обществу свои услуги МЕТОДОМ ПОДТАСОВКИ. В СССР завал вульгарным материализмом, стремящимся сковать вольные движения человека осмыслицы и лишить его отдыха. Мы, истинные художники, доктора общественного желудка, дадим вам слабительную жижицу в виде хляпа крышки романтизма. Для вашего же интереса и отдыха мы создаем бюро «романтики и приключений» с неожиданным выкриком «Нужно жить очаровательно» и «не бей по сапогу — ширма свалится».

Август 11 1925 г.

ОТРЫВОК⁴

По дорогам и пустыням
 Ходит смерть и всех зовет
 Небо стало бледно-синим
 Солнце по небу плывет
 Люди плачут
 Люди молят
 небо молят
 и зовут.

И молчит сияет небо
 Люди также страшно мрут
 Днем прекрасным
 Ночью страшной
 Также тихо и темно
 Настигает смерть несчастных...

Я строю башню на скале
 И прячусь в ней,
 Что мне до ужасов людских
 До смерти, до людей
 И в башне я живу один
 Я всех людей умней.
 Мечты и смерти господин
 Моя поет свирель
 И день провожу у окна и гляжу
 И песнь я громко и смело пою

И люди смешные
 Всю башню долбят
 И дети их плачут
 И жены кричат.
 Потом убедившись
 Уходят они.
 И громко клянутся
 Погибнешь и ты.

Но нет уж старших
 И нет людей
 И только слышу
 Я вопль детей

И слышу громкий протяжный вой
 Пусти нас милый, пусти родной.

И им в окошко
 Кричу я сам
 Идите дети
 Все по домам
 Идите дети
 Не надо вас.

ЗЕМЛЮ, ГОВОРЯТ, ИЗОБРЕЛИ КОНЮХИ⁵

Приоткрыла портсигары
 От шумовок заслоня
 И валяша, как репейник
 Съел малиновый пирог
 Чуть услыша между кресел
 пероченье рандаша

Разгогулину повесил
варенцами на ушах
Ира — маленькая кукла
Хочет какать за моря
Под рубашку возле пупа
И у снега анаря⁶
А голубушка и пряник
Тянет крышу на шушу
Живота островитяне
Финикийские пишу
Зелено твое рыло
и труба
и корыто зипунами
барабан
Полетели⁷ бахромой
Чудотворные иконы
и духи
голубятина не надо⁸
подарила выключатель
и узду
А кухами нижет олы⁹
Торапи покоя был
Даже пальму строить надо
Для руины кабалы¹⁰
Финикия наготове
Переходы положу
Магомета из конюшни
Чепраками вывожу
Валаамова ослица
пародила окунят
везелонами больница
шерамура окиня
И ковшами гычут ладо
Землю пахаря былин
Даже пальму строить надо
для руины кабалы
Сына Авраамова
ондрия гунты
потом зашеломила
бухнула гурты
Мамонта забуля
Леда карабин
Старью капилица
Строк на Руси¹¹.
Надо кикать лукоморья
для конюшенной езды
из-за острова Амонья
винограда и узды
и рукой ее вертели
и руина кабала
и заказаны метели
золотые купола
и чего-то разбелянет
кацавейкою вдали

и на небе кораблями
пробегали корабли.
Надо кикать черноземом¹²
и накикавшись в трубу
кумачевую аленю
и руину кабалу¹³
Целый день до заката вечера
от парги до палево князевых¹⁴
встанут челяди¹⁵
тьмами синими полуазии
Александра лозят арабы
целый остров ему бовекой
Александр лозит корабль
минотавра и человека
и апостола зыда маслом
через шею опрокинул
в море остров, в море Патмос
в море шапка Финикии.

июль 1925

ИЗ ДНЕВНИКА ХАРМСА*

14 ноября, суббота, 1931 год.

Искусство молчания, вот ворота, ведущие в рай.

* * *

Я поднимал глаза все выше и выше
Вот окна второго этажа,
Вот мечта
Вот просто небо,
Вот рай
и бог¹⁷ в раю с лицом как у меня
Да я подобен человеку
А человек подобен богу
А бог подобен миру
А дерево, трава, цветок и лист
начало жизни.
Трава подобна камню
Но камень разбивается в песок
Песок земле подобен
А в землю мертвое стремится
Земля дает росток
И собирая влагу
Зеленой глиной
Лежит на берегах реки
Мы собираем эту глину
И лепим человечков
И человек был создан богом
Из земли и глины
Да, человек земле подобен
Земля подобна миру
А мир подобен богу.

* Написано по старой орфографии¹⁶.

И я
поднимаю глаза все выше и выше
Вижу, что создан по образу
и подобию Божьему

И я брожу в раю
И никого там нету
и я кричу: А где же бог
и бог мне говорит:
Бог — это я¹⁸.

17 ноября, вторник

То, что я писал до сих пор, писал один человек. Если бог продлит мне жизнь, я буду писать опять. И то, что я буду писать тогда будет писать другой человек.

26 ноября, четверг.

Я видел перед собой дом и дом был от меня на расстоянии двухсот двух шагов. Я подошел поближе и дом стал от меня на расстоянии ста пятидесяти девяти шагов. Когда я подошел еще ближе, из дому вышел человек и встав на колени заплакал — Почему ты стоишь на коленях и плачешь, — спросил я. Я стою на коленях и плачу — ответил он — чтобы не забыть той минуты, когда ты обратился ко мне и чтобы ты не забыл меня.

ЗАБАВНОЕ ДЕЛЕНИЕ МИРА ПО ПОЛАМ

...Вторая половина

Стихи лежащие перед тобою
написаны моей рукой
полны бессмысленных творений
законом всех стихотворений
куда красавица Мария
летит проснувшись как пчела...
Тебя родила смыслоплет
твоих мечтаний переулки
и быстрых нянек самолет
Когда тукна дверь стояла
Ветром настежь по бокам
Лампа тухла и воняла
небо липло к облакам
шкап нагнулся
милый шкаф
в ухо принялся кричать:
Ну давай бревно писать
давай буквы составлять¹⁹
давай дергать за веревку
смыслы разные сплетать.
Надо мной плывет Мария
души гонит хворостиной
лбы высокие сарай
тихо в воздухе починют
девы пламенные ляли

в небо смутное глядят
а внизу простые люди
на скамеечках сидят

Первый человек:

Будет в нынешнем году
Не хорошая зима
Снега множество корзин²⁰
Весь усыпет магазин.

Второй человек:

Много нянек перемерет
Птицы вытопчут зерно
То-то будет переплет
Коль до нянек все равно.

Первый человек:

Ты когда-нибудь скакал

Второй человек:

Даже небо протолкал

Первый человек:

Я это так и полагал

Второй человек:

А я вовсю²¹ не скакал
Оба человека встают со скамеечек и
смотрят друг на друга.

Над ними легкая, простая
Летает птиц крестьянских стая
И дева пламенной ляли²²
Стоит в красивом отдалении
И маленькие люди
Гуляют мрачно, как поленья
И хрупкие тележки
по комнатам бегут
А люди как полешки,
как камушки встают.

Александр Введенский

ПТИЦЫ

И все ж бегущего орла
Не удалось нам уследить
Из пушки темного жерла
Ворон свободных колотить
Пришлось нам пришлось нам
На карточке сидеть
И вытасненным глобусом
Перед зеркалом вертеть
И где бы я не думал
И где бы я не спал
Я ничего не думал
Я никого не спал
Летевшую синицу
Глухую как кровать
На небе как ресницу
Пришлось нам оборвать
Утята шили задом
Казачки боком шли

Зима была им адом
 И богом костыли
 Мы сядем в злую банку
 Мы поплывем ветви²³
 На нянку иностранку
 Совпал прелестный свет
 Она упала птицей
 Как мокрый ураган
 Ударилась косицей
 О каменный курган
 Приходит кладбищенский внук
 Как некий железный каблук
 и все рассыпается в прах
 И все рассыпается в трах
 Перед нами пучина
 Перед нами причина
 Где корень²⁴
 Где аист вещей
 Потом появился отец
 Хотел он законы рожать
 И химии тусклый птенец
 Начал над ним жужжать
 Тогда приходит ягненок
 Съедаемый без пеленок
 И проваренный осетром
 За что не зовут Петром
 Он шепчет я русский Баня²⁵
 Окончил свое создаваньё
 Я скупое лег и поблек
 Вот бред речной помолился
 И будто скотина сучали
 Здесь времени стало два года
 И дятел на дереве сел
 Он был как ночная природа
 И бегал вол
 И цвел
 И будто время брел
 Но не был он орел²⁶

7-е СТИХОТВОРЕНИЕ²⁷

Однажды человек приходит
 Всей рехлистной свет²⁸
 Словно птичка в поле бродит
 Или как могущий²⁹ ветер
 Озирает скалы доли
 Деревянные гондолы
 Смотрит на приятный Рим
 И с монашкой говорим
 Ты монашка я пятнашка
 Но услыша пули звук
 Он упал холодной шашкой
 Весь рыдая на траву
 Что за горе но в окно
 Смотрит море и темно³⁰
 Он с горы опух в потьмах³¹

Он ласкает рассомах
 Побегидет в вокзал
 в безоглядную тюрьму
 где качается лоза
 где создания мрут³³
 Когда бы жить начать сначала
 он молвит в свой скюртук
 Я б все печатала рычала
 как бы лесной барсук
 уже казаки убежали
 в углу сияет ангел хилый
 и мысли глупые жужжали
 над этой ветхою могилой
 поспешные минут[ы]
 Как речи потекли
 И звезды отдаленно
 Как тучи расцвели³³
 Колотит точно мутный бес
 В сухие жизни барабаны
 Но скоро вечер наступил
 Видна пустыня ада
 Покуда свечкой на пути
 Не установлят³⁴ сада
**ЧТО ЖЕ ЭТО СТРЕКОЗА
 НЕТ ВОСТОК ОТЛИЧНЫЙ
 СЛОВНО БАБА ЕГОЗА
 ИЛИ ВЕТЕР ХИЩНЫЙ**
 и с дворянских сих кустов
 нету сумрачных мостов
 и с богатой этой печке
 все наклонно все как в спячке
 о похожие столы
 мы сказали ветренно
 выбегая из толпы
 по дощечке ветренной
 сквозь холодное стекло
 Выставляя лицо³⁵
ЗАМЕЧАЕТ расцвела³⁶
УМЕРЛА СТОЛИЦА
 и ложася на сундук
 и сложивши руки
 он как утренний бамбук
 умер для науки³⁷.

А. Введенский

Чинарь авто-ритет бессмысл[и]ца³⁸.

Александр Туфанов

**«КРАСНЫМ ГРОБАМ
 23-ГО МАРТА 1917 ГОДА»**

О Русь! Вздохни душой свободною,
 Как ветер гор, долин, морей,
 Как Волга с ширью ледоходною,
 Весной под тенью Жигулей.

О пей простор, разбив Бастилию,
Сияй, сияй, как океан,
Поэт РЫЛЕЕВ с белой лилией,
С приветом вышел на курган.
А под курганом лики бледные,
Все жертвы вековой войны,
Пошлем теперь в часы победные,
Поклон земной им от страны.
Свершилось! Пали все Бастилии,
Над пеплом трона синий дым,
О Русь! ликуй:
 твой враг в бессильи,
Уходит призраком седым.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИТИНГ»

Как китаец скуластый,
 с глазами раскосыми,
Пред трибуною толпа замерла,
И слова — как песок
 в колее под колесами,
Как тумана осеняя мгла.
Пожелтлыми листьями
 душ замороженных,
Окунулись в зеркальность пруда,
И как много похожих тут
 лиц замороженных
Отражает темнее вода.
Полыньями вздыхает
 на дно опрокинутый,
Человек на кровавом пиру,
Одинокий и грустный,
 как будто покинутый,
На безбрежном и бурном юру.
И под парусом все
 безнадежно далекое,
Укачала смятенная страсть,
На колени упала
 лишь тело стоокое,
И признало умершую власть.

«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»

Вы налейте зеленой игрою,
Леопарда глаза, как у змей,
Башни мира укушенный сроем,
Его лозунг: к своим свирепей.
Желтый огонь в потемневшей реке,
Вспыхнул в струйках завыл,
Желтый огонь в крови,
Заструился в теле пантеры,
Затянутый стан ее веры,
Змеиным кольцом обвит.
Вы налейте зеленой игрою,
Леопарда глаза, как у змей...
Копшатся пирамиды
 человечьих тел,

Голоса полны обидой,
Друг на друга,
Гром орудий...
Башню мира укушенный сроем...
Треск и гром, проклятье,
 крик звериный прозвенел,
В тишине вечерней,
Томные сердца от ненависти,
В фонарях мерцают, а вокруг
Тени.
Длинные, протяжные, дымные, как
Вздохи...
Башни мира укушенный сроем...
Смерть танцует в апрельскую ночь,
Вой, беснуйся свободы дочь,
В желтом огне свирепей, рыдай,
Меркнет в дыму родимый край...
От пожара озлобленья
Все в смятении,
Опламененные...
Его лозунг: к своим свирепей...

Петр Калашников

ДНЕВНИК ПЕТРА КАЛАШНИКОВА

Вторник, 6-го июня.

...Сегодня день Ивана Купала. Студен-
тки предложили принять участие в играх,
которые они затеяли и выступить «со
своим номером». Около 12-ти часов сту-
дентки и чел. 5 студентов собрались в лесу
вблизи моря..... Жгли костер, пели песни.
Я рассказал эту восхитительную легенду,
как один калиф хотел изучить историю
своего народа. Проканителелись до 5-ти
часов утра. Я ОСТАЛСЯ ДОВОЛЕН УЖ
ХОТЯ БЫ ТЕМ, ЧТО НА ЭТИ ЧАСЫ
ЗАБЫЛ СТОЛЬ НЕНАВИСТНЫХ МНЕ
БОЛЬШЕВИКОВ, ЗА ЧТО СЕРДЕЧНО И
БЛАГОДАРИЛ СТУДЕНТОВ.

Пятница, 16-го июля.

Вечером еще сюрприз — в Химико-фар-
мацевтическом ин-те узнал, что В.Л.КА-
МЕНСКИЙ, заведующий Профессиональ-
ной школой, где зимой читал курс биоло-
гии, который недели три назад был
арестован, ежедневно гоняется на прину-
дительные работы. Прежде это называли
каторгой — и позор был тому, кто стал
бы отрицать эту гнусную меру, как
наказание за политические проступки —
а у большевиков, или как они любят себя
называть, коммунистов — эта грязь носит
громкое название общественных работ.
Впрочем, если не ошибаюсь, прежнее
самодержавие на официальном языке ка-

торгу тоже именовало этим невинным именем.

ВСЕ САМОДЕРЖАВЦЫ ОДИНАКОВЫ.

Суббота, 17-го июля.

Кроме глубочайшей ненависти и смирения к шайке самозванцев, воображающих себя представителями мирового рабочего класса и носителями освобождения миру ничего не чувствую.....

Воскресенье, 18-го июля.

В 2 часа дня показывали какой-то 60-й номер. Действующих лиц было несметное количество, в одеждах всех национальностей — это надо было предвидеть, т.к. большевистское творчество не в состоянии создать что-нибудь более остроумное. Сколько я не ломал головы, но все мои попытки схватить какую-нибудь общую мысль, основной замысел представления или «мистерии», как они выражаются — были совершенно бесплодны. Процессия не то алжирцев, не то марокканцев — а впрочем, не все ли равно, — несла огромное блюдо с грушами, тыквами, ананасами и т.п. снадобьем, которого российский пролетариат не увидит, **ДОКОЛЕ БУДЕТ ПОЗВОЛЯТЬ ОКОЛПАЧИВАТЬ СЕБЯ ЭТИМ ГОСПОДАМ.**

Все время, пока я был на самом переднем плане в центре сцены стояло человек 50 каких-то людей, с более чем пролетарскими физиономиями в рабочих костюмах и с огромными, как у прежних швейцаров, темно-малиновыми лентами через плечо. Эти разряженные, как попугаи полуголые актеры и актрисы может быть и производили на кого-нибудь впечатление, но во всяком случае далекое от эстетики. Когда все закончилось и я направился домой, то, проходя мимо одного такого автомобиля-колесницы, я видел этих жрецов искусства бесцеремонно переодевающихся прямо на улице при народе. Обнаженная спина, грудь и ноги одной такой жрицы были сплошь усыпаны красными чирямими, что касается других жрецов и жриц, то не говоря о том, что Венера Милосская вряд ли нашла бы в них серьезных конкурентов, невольно хотелось подойти и сказать «голубчики, чем тут трудиться, сходили бы вы лучше в баню».

Суббота, 24-го июля.

Возвращаясь домой на трамвае, встретил профессора ПРОСКУРЯТОВА. Между прочим он рассказал замечательную историю. Только что сейчас сейчас в Комздраве шло заседание какого-то Ученого

Комитета, где обсуждался проэкт декрета имеющего появиться в не столь отдаленном будущем. Суть такова. Распространение веренических [так в тексте. — Публ.] заболеваний достигло ужасающих размеров, что требуется вмешательство государственной власти. В виду этого проэктируется поголовный периодический осмотр всего населения на предмет веренических болезней, и всем лицам оказавшимся здоровыми, если они не состоят в браке, будет под страхом тех или иных кар, предложено немедленно обзавестись супругой или супругом. Эти высокогосударственные меры как раз соответствуют степени морального развития современных вершителей судеб.

Суббота, 31-го июля.

Вечером узнал, что проводится в жизнь декрет о полном прекращении частной торговли. Декрет обещает открыть «государственные магазины, где граждане будут иметь возможность приобретать предметы первой необходимости по нормированным ценам». Границ для лганья у этих господ абсолютно нет никаких. Это одно из миллионов подобных обещаний которыми подкупают невежественный и доверчивый народ.

Воскресенье, 15-го августа.

.....в эту эпоху, когда все что прежде считалось святым и мнилось как конечный идеал житейских стремлений и борьбы, как гражданская свобода, личная неприкосновенность, свобода труда, слова и мысли — когда все это объявлено буржуазными предрассудками и принесено в жертву фанатизму искаженной до неузнаваемости идеи носящей некогда священное название коммунизма, диким и невежественным инстинктом черни; когда лучшие люди отдавшие все вплоть до жизни для достижения своего идеала, объявлены контр-революционерами, прислужниками капитала, гнусными соглашателями, социал предателями и другими оскорбительными именами на современном совдеповском жаргоне.

Четверг, 19-го августа.

В течение последних двух недель красная армия достигла огромных успехов — продвинулась почти от Гродно до Млавы и взяв Брестлитовск подошла почти вплотную к Варшаве. От всей души можно приветствовать это продвижение, хотя это покажется, на первый взгляд, странным в устах человека ненавидящим большевизм всеми силами своей души. Но ход моих рассуждений следующий. Попытки Колча-

ка, Краснова, Миллера, Юденича и др. не удалась. Прекращение войны и переход к мирной жизни или как выражаются большевики к мирному строительству — так или иначе повлечет за собой падение Советского строя. Падение большевиков неизбежно, т.к. последняя надежда, которую еще питает народ, рухнет. Народ прозреет, что имеет дело с болтунами и авантюристами, умеющими грабить готовое, но не умеющими сделать гвоздя — прозреет и восстанет. Этот процесс уже на лицо. Очень высокие посты заняты не большевиками, а людьми враждебными им, которым нужен толчек чтобы предать своих мнимых друзей.

Понедельник 8-го сентября.

Рядом с большевистским злом всякое зло — добро.

30-го сентября.

Приведу два интересных анекдота которые теперь рассказываются по городу и пользуются большим успехом.

— Какое сходство между иисусом христом [так в тексте — Публ.] и Лениным.

— Сходство — иисус ехал на осле, а Ленин — на ослах.

— Различие — иисус кормил своего осла, а Ленин своих ослов не кормит.

* * *

Душа моя скорбит смертельно
По мудрым песням Бытия...
Ведь так пустынна, так безцельна
Вся прожитая жизнь моя.

Пусть мир туманный, мир огромный
Достиг цветущих берегов,

Я молчаливый, я бездомный
В забытых верую богов.

* * *

Я только путник —
и то — заблудший.

Мой путь печален, мой путь уныл.
Как луч заката последней туче,
Мой ветхий посох мне изменил.

Я, безотрадный, блуждаю в чаще
По дальним тропам моей земли,
Как этот ветер, в горах шумящий,
Как эти чайки в морской дали.
Бреду к забытой моей святыне...
Что я покинул... Но... где... Но, где...
Я — вечный странник,
один в пустыне
Один под небом, один везде.

* * *

За черным мостом у околицы
Торчит стена монастыря
И по ресницам богомолицы
Бросает розами заря.

И веет миром, пахнет ладаном
Колокола гудят в огне...
Какой-то песней недосказанной
Металл тоскует о весне.

И все земное, все случайное,
И все... что только снится нам,
Все дышит непорочной тайною,
Грустит по солнечным лучам...
И храм, зарею окровавленный
И крест, маячащий над ним...
И я, презренный, обезславленный
Стою, заблудший пилигрим.

Примечания

Сознавая, что текстологический комментарий более подошел бы для академического Собрания сочинений, мы все же сочли необходимым снабдить настоящую публикацию минимальным комментарием такого рода — в противном случае, в силу отмеченной во вступительной заметке неудовлетворительности исходной, с позволения сказать, «подготовки текстов», публикация носила бы отчасти дезинформирующий характер.

В примечаниях приняты следующие сокращения:

МН — «В эту рань в эту рань»: [Ранние тексты А.И.Введенского и Д.Хармса] / Подгот. текста, примеч. и вступ. заметка А.Г.Герасимовой // Московский наблюдатель.1991.№ 5

НМ — Даниил Хармс. Неопубликованные материалы/Jassard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: Начало пути // Wiener Slawistischer Almanach.1991.Bd.27.

ПСС — Александр Введенский. Полное собрание сочинений/Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.Б.Мейлаха. Т.1-2.Анн Арбор, 1980;1984.

СП — Даниил Хармс. Собрание произведений/Под ред. М.Б.Мейлаха и В.Эрля. Кн.1-5. Времен, 1979-1988.

Т — Даниил Хармс. Из подборки стихов, представленных для вступления в Союз поэтов/Публ. и подгот. текста Н.М.Кавина // Театр. 1991. №11.

¹ Фрагменты теоретического текста, которым открывается книга А.В.Туфанова «Ушкуйники» (Л., 1927. С.5-6), воспроизведенные с незначительными искажениями орфографии. Между этими фрагментами в книге — «Основы заумного творчества» (7 пунктов), опущенные составителями «Сборника», очевидно, из-за обилия специальных терминов и отсутствия идеологического «криминала»; опущены также последние шесть пунктов «Декларации».

² К сожалению, мы не располагаем сведениями ни о личности П.Калашникова, ни о его произведениях (за исключением вошедших в «Сборник»). Материалы допросов Калашникова оказались в той части материалов дела, к которой И.С.Мальский доступа не получил.

³ Текст носит несомненно декларативный характер и относится к периоду участия Хармса и Введенского в организованном А.В.Туфановым «Ордене заумников», однако манифестом «Ордена», как мы видим, не является. Упоминание несуществующей «Ленинградской организации левого фронта искусства» объясняется, возможно, тем, что Хармс и Введенский в то время чувствовали свою близость к ЛЕФу и искали связей с ним (апрель 1926 — письмо к Б.Л.Пастернаку, в котором они предлагали свое участие в альманахе «Узел» и называли себя «единственными левыми поэтами Петрограда»; январь 1927 — контакт с В.В.Маяковским, зачитывание декларации «Левого фланга», как называли себя будущие обэриуты, на диспуте после его вечера в Ленинградской капелле; позже в журнал «Новый ЛЕФ» была отправлена статья о «Левом фланге», но напечатана она не была. — Ср: ПСС. С.XVII,XIX). В самом заглавии текста, прообразе известных обэриутских антилозунгов «Искусство есть шкаф», «Стихи не пироги, мы вам не селедки» и т.п., можно при желании усмотреть переосмысленную аллюзию к одиозной фразе 60-х годов XIX века «сапоги выше Шекспира», знаменующей полемику «правых» с «левыми» относительно иерархических отношений искусства к действительности. См. анонимный фельетон (написанный Ф.М.Достоевским) «Г-н Шедрин, или Раскол в нигилистах» (1864); аналогичное выражение есть и в «Бесах»: «сапоги выше Пушкина». Ср. также употребление Хармсом слова «сапог» как иероглифа «искусства» в более позднем письме к К.В.Пугачевой: «Во все, что я делаю, я вкладываю сознание, что я творец мира. И я делаю не просто сапог, но, раньше всего, я создаю новую вещь. Мне мало того, чтобы сапог вышел удобным, прочным и красивым. Мне важно, чтобы в нем был тот же порядок, что и во всем мире; чтобы порядок мира не пострадал, не загрязнился от соприкосновения с кожей и гвоздями, чтобы, несмотря на форму сапога, он сохранил бы свою форму, остался бы тем же, чем был, остался бы чистым» (16 октября 1933 г. См., напр.: Хармс Д. Полет в небеса. // Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. А.Александрова. С.483).

⁴ Текст явно распадается на два отдельных куска: первый — 14 строк до многоточия, и второй — все остальное. Содержание и качество обоих кусков озадачивает и заставляет задуматься не только над датировкой (быть может, очень ранней — ср. характерное употребление слова «старшие»), но и над авторством их, так как аналогий с творчеством Хармса здесь практически нет (разве что знаменитая «неприязнь к детям?»).

⁵ Стихотворение известно в двух вариантах: черновые отрывки в записной книжке 1925 г. (ГТБ; опубл.: частично СП №77; МН. С.53) и беловой вариант среди стихов, представленных Хармсом для вступления в Союз поэтов в 1926 г. (ИРЛИ, без отдельной датировки. Опубл.: НМ. С.190-193; Т. С.54-55). Беловой автограф снабжен характерными для раннего Хармса авторскими ударениями, расставленными в расчете на «фонетическую» декламацию; под заглавием имеется посвящение: «Посвящаю тем,

кто живет на Конюшенной» (намек на Н.Н.Заболоцкого?) и следующий «вступ»:

вертону финикию
зерном шельдону
бисирела у заката
криволиким типуном,
полумёна зырыня
калитушу шельдону.

Дальнейший текст (со слов «приоткрыла портсигары...») обозначен как «начало». Источником публикуемого текста послужил, вероятно, некий промежуточный вариант между черновым и беловым. В нижеследующих примечаниях отмечены лишь наиболее значимые отличия его от обоих оригиналов.

⁶ В оригинале: «фанаря».

⁷ В оригинале: «полетели панталоны//бахромой».

⁸ Далее выпущена строчка — слово «uberrall».

⁹ В беловом варианте: «алы — е»

¹⁰ После этого выпущены четыре строки:
на цыганах уводила
али жмыхи полова
за канюшни и удила
фароонами зовя

¹¹ На самом деле: «отарью капилица//отрок на русси». После этого в беловом варианте идут следующие строки (в черновике они есть на других листах записной книжки и, возможно, не были включены автором в публикуемый вариант):

бусами маланится
пенистая мовь
шлепая в предбаннице
лысто, о порог
ныне португалия
тоже сапоги
рыжими калёсами
тоже сапоги
урашила вырицу
тоже сапоги
калабала девочка
тоже говорит
а лен — ты
дан — ты
бур, забор
лови
хоро — ший
пе — реход
твоя колода
пе — региб
а па — рахода
са — поги

¹² В Т (в отличие от ПСС, НМ и МН): «земнозёмом».

¹³ Далее выпущены строки:
не смотри на печенегу
не увидишь кочерги...

В предыдущей строке вариант «аленю» соответствует черновику (МН); в беловом варианте — «валену».

¹⁴ В оригинале: «от парчи до палёвок князевых».

¹⁵ В оригинале: «встанут челяди изувечено».

¹⁶ Примечание «составителей» из ОГПУ. Действительно, во второй половине 1931 г. Хармс по каким-то своим соображениям перешел на дореформенную орфографию.

¹⁷ Так в «Сборнике», хотя в текстах Хармса ни разу не встречается написания слова «Бог» с маленькой буквы.

¹⁸ Ср. повторяющуюся реплику Обернибесова из хармсовской «Комедии города Петербурга»: «Бог — это я» (СП №48; Кн.1.С.91-92). Здесь же отметим, что тема «окна» и «рая», чрезвычайно важная для Хармса в тот период, присутствует также в его письме к Р.Поляковской от 2 ноября 1931 г. См., напр.: Полет в небеса. №95 (фамилия адресата воспроизведена с ошибкой).

¹⁹ Эти две строки известны как отдельный фрагмент. Опубл.: СП №66 (между 22 и 31 мая 1929 г.)

²⁰ Подчеркнуто в «Сборнике».

²¹ Вероятно, в оригинале было «вовсе».

²² Возможно, в оригинале было: «И дева пламенная ляля» или же: «и девы пламенные ляли//стоят...» (ср. выше).

²³ Возможно, было «в ответ» (неверно прочитано лицом, перепечатававшим текст).

²⁴ Вероятно, опущено замыкавшее строку слово (ср. аналогичные пропуски в других текстах «Сборника»).

²⁵ Возможно, было все-таки «Ваня».

²⁶ На том же перечислении из гимназической грамматики построены строки из «Ответа богов» Введенского: «посмотрите вот орел//брел и цвел и приобрел» (3 января 1929), что, возможно, указывает на приблизительную датировку «Птиц».

²⁷ Авторская машинопись (ниже именуемая «оригинал») «Седьмого стихотворения» (именно так — буквами — написано в оригинале первое слово заглавия) хранится в ГПБ. Датируется приблизительно началом 1927 г. по оглавлению «Шуркиной тетради», занесенному Хармсом в записную книжку. Опубл.: ПСС №3; МН. С.51-52.

²⁸ В оригинале: «в сей трехлистный свет».

²⁹ В оригинале: «могучий».

³⁰ В оригинале эта и предыдущая строки разбиты каждая на две.

³¹ В оригинале: «он с горы сидит впотьмах». Возможно, авторский вариант, а не ошибка переписчика.

³² В оригинале: «умрут». После этого выпущены две строки:

быстро падал детский снег
полный ленты полный нег

В авторской машинописи эти строки, так же как и четверостишие, начинающееся: «что за горе...», отнесены несколько вправо. Можно предположить, что они действительно отсутствовали в том списке, которым располагали составители «Сборника».

³³ Далее выпущено 6 строк:
тогда ребенок молодой
молится сочиняет
болтает сонной головой
в подушку медную сучает

он плача покидает лес
и южные бананы

³⁴ В оригинале: «не установят».

³⁵ В оригинале: «выставляя лица».

³⁶ В оригинале: «рассвело». Выделение отдельных слов и строк заглавными буквами в этом, так же как и в предыдущем случае («что же это стрекоза...»), в оригинале отсутствует, хотя нам известны аналогичные примеры в авторских экземплярах как более ранних («Парша на отмели», «Галушка», «Острижен скопом Ростислав»), так и более поздних («Суд ушел») стихотворений. Так что нельзя с уверенностью судить о том, являются ли заглавные буквы в этих строках авторскими, или это произвол «составителей» (ср. тот же прием в дневнике Калашникова), усмотревших почему-то именно здесь «крамолу».

³⁷ Приводим здесь отсеченный с «Сборнике» (или отсутствующий в варианте?) конец стихотворения (соблюдая разбивку на строфы, сделанную косыми черточками в авторской машинописи):

грохочи отец и мать
светит зябкий уголок
и торопится поймать
однодневный потолок

выходил поспешно дух
огорошенный петух
и на елях на сосне
как дитя лежал во сне

в неслышном оперении
в тоске и измерении

УМЕРШИЙ:

уж я на статуе сижу
безбрежную листвою
углы прохожие слезу
любезной головой

на это отвечал судья
в кафтане в простыне
в постель посмертную идя
и думал лежа на спине
что все-таки она уныла
и на подушке спит бескрылой
над всем возносится поток
над всем возносится восток

³⁸ «Чинарь авто-ритет бессмыслицы» — титул, которым подписан ряд произведений Введенского 1925-1927 гг. «Бессмыслица» — очевидно, ошибка «составителей». На известном нам экземпляре «Седьмого стихотворения», над заглавием, имеется надпись карандашом: «Чинарь[ь] Авто-ритет бессмыслицы Александрвведенский» («чинарь» — очевидно, авторская описка).

Публикация И.С.Мальского. Подготовка текстов, примечания и вступительная заметка А.Г.Герасимовой и И.С.Мальского

Спецсправка о настроениях среди писателей

Перепечатываемая из "Российских вестей" спецсправка принадлежит к тому уникальному типу историко-литературных документов, публикация которых стала возможна только с самое последнее время¹. Составленная комиссаром КГБ Курским по доносу неизвестного осведомителя, эта справка была подана наркому Н.И.Ежову, который счел ее настолько важной, что передал ее Сталину². Последствия для некоторых писателей, о которых шла речь в справке, не замедлили сказаться (см., в частности, примечания).

¹ См. документ такого же рода — информацию наркома НКГБ СССР В.Н.Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову о политических настроениях и высказываниях советских писателей — составленный 31 октября 1944 г.: По агентурным данным / Публ. и коммент. Р.Ускова и И.Шевчука // Родина. 1992. №1. В справке — записи разговоров и высказываний Н.Н.Асеева, М.М.Зоценко, И.Л.Сельвинского, К.А.Федина, К.И.Чуковского и др.

² См. редакционное предисловие: Российские вести. 1992. №29 (июль).

1912
48
От м. Ежова
СПЕЦСПРАВКА
о настроениях среди писателей

За последние дни внимание литературных кругов было привлечено тремя фактами: статьей Фадеева по поводу книги Савина «Нафта» («Правда» от 8/XII — 36 г.), статьей И.Лежнева «Вахханалия переизданий» («Правда» от 15/XII — 36 г.)¹ и резкой критикой поведения Пастернака в докладе Ставского на общегородском собрании писателей, посвященном Чрезвычайному съезду Советов².

Статья Фадеева была воспринята как инспирированный Ставским выпад против определенной части наиболее крупных беспартийных писателей³.

Вс.Иванов: «Я потрясен нетоварищеским отношением Ставского. Особо обидно два момента: во-первых, мне приписывают личные побуждения, во-вторых, ведь это письмо Ставскому, он мне не отвечал и оно долго лежало, а вот вдруг он его пустил. Самое пикантное тут то, что Федин и Толстой точно также вступились, но о них ни звука. Ясно, что «работа» направлена против меня».

И.Сельвинский: «Я прежде верил Ставскому, а сейчас вижу, что это просто провокатор. Пильняка он продал, когда он каялся в своих грехах⁴, а сейчас предаст Иванова.

Теперь я кое-что понимаю. Когда у меня были неприятности с цензурой, то я пошел к Ставскому. Случайно встретил у дверей Асеева, спрашивает: зачем идете. Я говорю: «Отгрызть кое-что от цензуры». — «Ах, — говорит, — меня этот вопрос интересует, идем вместе». Вошли, там сидит Сурков, а через несколько минут входит Кирсанов, совершенно также случайно. Ставский говорит: «Вот хорошо, как раз все поэты».

Я говорю, что вот скоро Конституция⁵ — свобода слова, акт величайшего к нам доверия, а цензура недоверчива.

Что бы вы думали. Скоро пошел слух, что поэты делегацией пошли просить об отмене цензуры на основе Конституции. Ясно, что Ставский пошел к кому-то и в таком виде представил все.

Им необходимо создать наверху впечатление, что все неблагополучно и что их пост поэтому боевой и они необходимы. Они обманывают настоящее руководство, они давно ищут создать инцидент».

*Статья Лежнева И. «Вакханалия переизданий» встречена неприязненно. В основном возражения идут не против идеи статьи, а против ряда неточностей в статье, квалифицируемых, как сознательные передержки.*⁶

Леонид Леонов: «“Правда” пишет о ста тысячах. Хорошо, но тогда я вправе требовать, чтобы мне эти сто тысяч дали чистоганом. А где они. Разве Лежневу не известно, что фининспектор забирает из них сорок.

Выступать против этого, жаловаться. Это недостаточно. Выйдет так, что мы не писатели, а лакеи и выпрашиваем побольше чаевых».

И.Сельвинский: «Зачем нужно сорить читателя с писателем. Рабочий, получающий четыреста рублей, прочтет о сотых тысячных гонорах. Он не знает, что половина почти уходит фининспектору, что получению гонорара предшествовали годы работы; часто для того, чтобы писать новую вещь — мы должны сидеть и работать, и что карликовые тиражи поэтов — по 3-5 тысяч не могут удовлетворить даже библиотеки; таким образом переиздания поэтов являются по существу доизданиями, приведением тиража к норме, соответствующей читательскому спросу.

В отношении ряда писателей нужно принять меры. Но возмущает грубая передержка Лежнева, который называет одномышленником избранных стихов переизданием и который в доказательство плохой продукции сборника — приводит пародии, написанные мною от лица мелких эпигонов футуризма, и Блока — как образец моего творчества. Ему не может быть неизвестно, что это моя издевка над ним. Ведь это стихи вкладного листа “Записок Поэта”⁷ и написаны они, по поэме, на дверях уборной литературного кафе, а он заставляет читателя думать, что это мое “серьезное” произведение.

Он причисляет меня к тунеядцам, живущим на ренту и потому не пишущим, — прекрасно зная, что я три года работал и закончил трехтомную поэму в девять тысяч строк».

А.Афиногенов: «Долго это не продолжится. Как в свое время было 23 апреля⁸, так, я думаю, скоро появиться новое представление, что, мол, писатели —

ценные труженики и что не надо их излишне нервировать и обижать. Ведь вот бывает так, что вождь переломит спичку, а где-то в районе понимают этот жест, что надо вырубать лесные массивы. Ведь и со мной тоже: кто-то из высоких людей смотрел “Далекое” и ему не понравилось⁹. Но вот и пошла писать губерния».

П.Антокольский (поэт): «Статья Лежнева играет на руку врагам. И так, все недовольны нашей литературой, а тут явная дискредитация. Лучшие советские писатели выставляются, как жулики и растратчики. До чего дошла наша литература, если в “Правде” пишут не об идеях и творческих процессах, а об издевательских договорах и считают копейки. Никто нас не уважает, народ теряет последнее доверие к нам».

*В своей критике поведения Пастернака Ставский указал на то, что в кулуарных разговорах Пастернак оправдывал А.Жида*¹⁰.

Б.Пастернак (рассказывая об этом кулуарном разговоре с критиком Тарасенковым): «... Это просто смешно. Подходит ко мне Тарасенков и спрашивает: “Не правда ли, мол, какой Жид негодяй”.

А я говорю: “Что мы с вами будем говорить о Жиде. О нем есть официальное мнение “Правды”. И потом, что это все прицепились к нему — он писал, что думал, и имел на это полное право, мы его не купили”.

А Тарасенков набросился: “Ах так, а нас, значит, купили. Мы с вами купленные”.

Я говорю: “Мы — другое дело, мы живем в стране, имеем перед ней обязательства”¹¹.

Всеволод Иванов: «Ставский, докладывая о съезде, в общем сделал такой гнетущий доклад, что все ушли с тяжелым чувством. Его доклад политически неправилен. Он ругал всех москвичей, а москвичи — это и есть советская литература¹². И хвалил каких-то неведомых провинциалов. Ставский остался один. Писатели от него отворачиваются. То, что на собрании демонстративно отсутствовали все крупные писатели, доказывает, как они относятся к Ставскому и к Союзу. Это было также и ответом “Правде”. Выходка Пастернака не случайна. Она является выражением настроений большинства крупных писателей».

Пав.Антокольский: «Пастернак трижды прав. Он не хочет быть мелким лгуном.

Жид увидел основное, — что мы мелкие и трусливые твари. Мы должны гордиться, что имеем такого сильного товарища».

Ал.Гатов (*поэт*): «Пастернак сейчас возвысился до уровня вождя, он смел, неустрашим и не боится рисковать. И важно то, что это не Васильев, его в тюрьму не посадят¹³. А в сущности так и должны действовать настоящие поэты. Пусть его посмеют тронуть, вся Европа подымется. Все им восхищаются»¹⁴.

С.Буданцев: «Провозглашено внимание к человеку, а у писателя это должно выразиться в том, что он должен скрыть в человеке все человеческое. Десять лет тому назад было несравненно свободнее. Сейчас перед многими из нас стоит вопрос об уходе из жизни. Только сейчас становится особенно ясной трагедия Маяковского: он, по-видимому, видел дальше нас. Пастернак стал выразителем мнения всех честных писателей. Конечно, он будет мучеником — такова участь честных людей»¹⁵.

В свете характеризованных выше настроений писателей приобретает особый интерес ряд сообщений, указывающих на то, что Переделкино (подмосковный дачный поселок писателей), в котором живут Вс.Иванов, Б.Пильняк, Б.Пастернак, К.Федин, Л.Сейфуллина и др. видные писатели, становится центром особой писательской общественности, пытающимся быть независимым от Союза совет. писателей»¹⁶.

Несколько дней тому назад на даче у Сельвинского собрались: Всеволод Иванов, Вера Инбер, Борис Пильняк, Борис Пастернак — и он им прочел 4000 строк из своей поэмы «Челюскинцана».

— Чтение, — рассказывает Сельвинский, — вызвало большое волнение, серьезный творческий подъем и даже способствовало установлению дружеских отношений. Например, Вс. Иванов и Б. Пильняк были в ссоре и долгое время не разговаривали друг с другом, а после этого вечера заговорили. Намечается творческий контакт; чтения начинают входить в быт поселка, говорит Сельвинский. Реальное произведение всех взволновало, всколыхнуло творческие интересы, замерзшие было от околелитературных разговоров о критике, тактике Союза и т.д. Живая струя появилась.

Аналогичная читка новой пьесы Сейфуллиной для театра Вахтангова была организована на даче Вс.Иванова. Присут-

ствовали Иванов, Пильняк, Сейфуллина, Вера Инбер, Зазубрин, Афиногенов, Перец Маркиш, Адуев, Сельвинский и Пастернак с женой.

После читки пьесы, крайне неудачной, Иванов взял слово и выступил с товарищеской, но резкой критикой. В том же тоне высказывались все, кроме Зазубрина, который пытался замазать положение и советовал Сейфуллиной все-таки читать пьесу вахтанговцам. Это вызвало всеобщий протест в духе оберегания Сейфуллиной, как товарища, от ошибки и ненужного снижения авторитета перед театром.

В беседе после читки почти все говорили об усталости от «псевдообщественной суматохи», идущей по официальной линии. Многие обижены, раздражены, абсолютно не верят в искренность руководства Союза советских писателей, ухватились за переделкинскую дружбу, как за подлинную жизнь писателей в кругу своих интересов.

*Начальник 4-го отдела ГУГБ
комиссар Государ. безопасности
3-го ранга Курский.*

9 января 1937 г.

Примечания

¹ Указанные статьи А.А.Фадеева «Перо халтурщика» и И.Г.Лежнева «Вакханалия переизданий» (а также последовавшие за ними публикации в «Литературной газете») фактически продолжили собой кампанию борьбы с «формализмом» в творчестве Б.Пильняка, Вс.В.Иванова, Л.М.Леонова, К.А.Федина и др., начатую в марте 1936 г. «Правдой».

² Изложения доклада тогдашнего Генерального секретаря Союза советских писателей В.П. Ставского см.: На общесоюзном собрании писателей. Доклад В.П. Ставского о Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов на общем собрании членов ССП СССР 16 декабря 1936 г. // Литературная газета. 1936. 20 декабря Ср.: Известия. 1936. 17 декабря. См. подробнее в примечании 10-м.

³ Статья А.А.Фадеева была непосредственно направлена против Л.Савина (псевд.; наст. имя Лев, Савелий Моисеевич, 1891-1947), потребовавшего через суд денег от издательства «Советский писатель», которое заключило с ним договор на переиздание его книги «Нафта»; попутно Фадеев сообщал, что Вс. Иванов находит книгу Савина вполне достойной переиздания (Фадеев убеждал читателей в ее полной непригодности). Анонимный автор «Литературной газеты» в статье «Требуем ответа» (10 декабря) в качестве «защитника» Л.Савина называл также К.А.Федина, а В.П.Ставский в указанном выше выступлении на общесоюзном собрании писателей добавлял, что книга Савина была рекомендована к изданию А.Н.Толстым.

⁵ Сталинская конституция была принята в декабре 1936 года на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде советов.

⁶ И.Г.Лежнев в статье «Вакханалия переизданий» писал, что в Гослитиздате из году в год переиздаются

одни и те же книги (в том числе «Конармия» И.Э.Бабеля), а новые книги авторы, получившие предварительные издательские авансы, не пишут. Далее приводились сведения о многотысячных гонорах в Гослитиздате за последние годы Л.М.Леонова, Б.А.Пильняка, «троцкистки» Г.И.Серябряковой, К.А.Федина, И.Л.Сельвинского, Вс.Вяч.Иванова, М.Э.Козакова, М.С.Шагинян и др., а также аналогичные размеры гонораров в «Советском писателе» И.Г.Эренбурга и вновь Сельвинского (в качестве же примера бездарности последнего цитировалась пародия на А.А.Блока из сборника: Сельвинский И. Избранные стихи. М., ГИХЛ. 1934)

⁷ Вкладной лист к «Запискам поэта» был помещен только в первом издании поэмы, вышедшему в 1928 году. В дальнейших переизданиях «Записок поэта» материалы вкладного листа (эпиграммы, пародии, посвящения и пр., начертанные на дверях кафе «Желтая сова») включались в книгу.

⁸ Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», упразднившее РАПП (как, впрочем, и немногочисленные иные организации, сохранившиеся до этого времени).

⁹ Осенью 1936 г. из репертуара Театра имени Е.Б.Вахтангова была изъята пьеса Афиногенова «Далекое», шедшая до этого на протяжении трех сезонов.

¹⁰ В декабре 1936 года развернулась пропагандистская кампания против книги А.Жида «Возвращение из СССР». В «Правде» 3 декабря была напечатана статья «Смех и слезы Андре Жида» (по предположению Л.Флейшмана, ее автором является все тот же И.Г.Лежнев, см. подробнее о Пастернаке и Жиде в книге: Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984. С. 378-386), а 6 декабря статья «Куда Андрэ Жид возвратился из СССР» появилась в «Литературной газете». В газетном отчете о выступлении В.П.Ставского приведены его слова о Пастернаке, который «в своих кулуарных разговорах доходит до того, что выражает солидар-

ность свою даже с подлой клеветой из-за рубежа на нашу общественную жизнь».

¹¹ Ср. с дневником А.К.Тарасенкова: «Затем разговор почему-то зашел о А.Жиде. Оба мы были в некотором подпитии, и формулировки звучали резко, определенно. Дело свелось к тому, что Б.Л. защищал Жида (речь шла о его книге, посвященной СССР). Я резко выступал против. Если вспомнить, что летом мне Б.Л. рассказывал о своем разговоре с А.Жидом, в котором тот отрицал наличие свободы личности в СССР, то эти высказывания Пастернака приобретают определенный политический смысл. В результате этого разговора произошла резкая ссора, разрыв. Б.Л. заявил, что я говорю общие казенные слова и что разговаривать со мной ему неинтересно. Позднее об этой нашей беседе, которую слышали многие (Долматовский, Арк. Коган и др.), говорил в своей речи Ставский» (Вопросы литературы. 1990. №2. С.95).

¹² Судя по газетному отчету, нападкам Ставского подверглись А.Н.Толстой, Б.Л.Пастернак, Б.А.Пильняк, а также Демьян Бедный.

¹³ П.Н.Васильев арестован в 1936 году; расстрелян в 1937 году.

¹⁴ Сам А.Б.Гатов был арестован в 1937 году.

¹⁵ С.Ф.Буданцев был арестован осенью 1937 года и расстрелян в 1938 году, так же как и упоминающийся ниже В.Я.Зазубрин.

¹⁶ Когда осенью 1936 года разгромной критике на страницах «Известий» была подвергнута книга «Поэтика сюжета и жанра» Ольги Фрейденберг, Пастернак уговаривал ее приехать в Переделкино: «...Ты попала бы в поселок, состоящий сплошь из таких же жертв, как и ты» (Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С.148).

Вступительная заметка и примечания
К.М.Поливанова.

А.Е.Парнис

Вячеслав Иванов и Хлебников

К проблеме диалога и о ницшевском подтексте «Зверинца»

Мы думаем мыслями Платона, Аристотеля, Канта, Заратустры Ницше, строя фразы.

Из письма А.М.Ремизова Н.В.Кодрянской от 15 января 1957 года.

Летом 1909 года Хлебников написал свое ставшее впоследствии знаменитым стихотворение в прозе (или маленькую поэму) «Зверинец» и посвятил его Вячеславу Иванову. Это был пик — высшая точка — творческих отношений двух поэтов.

Литературные и биографические отношения двух поэтов — это тема специального и тщательного анализа, к которому мы надеемся еще вернуться. Осип Мандельштам, например, проникательно писал в одной из статей: «Ни у одного символического поэта шум словаря, могучий гул наплывающего и ждущего своей очереди колокола народной речи, не звучит так ярвенно, как у Вячеслава Иванова, — «Ночь немая, ночь глухая», «Мэнада» и проч. Ощущение прошлого как будущего роднит его с Хлебниковым. Архаика Вячеслава Иванова происходит не от выбора тем, а от неспособности к относительному мышлению, то есть сравнению времен»¹.

Эта работа посвящена в основном раннему периоду Хлебникова, когда молодой поэт сблизился с кружком Вячеслава Иванова. Ни одного непосредственного отзыва Вячеслава Иванова о Хлебникове, зафиксированного в печати или в неизданных текстах, кажется, не сохранилось, кроме полуапокрифического, полученного, вероятно, через вторые или третьи руки и напечатанного в 1928 году: «Велимир — безусловно гениален. Он подобен автору «Слова о полку Игореве», чудом дожившему до нашего времени»².

Один из молодых друзей Хлебникова археолог Б.А.Куфтин привел в своих неизданных записях о поэте другой, поздний, отзыв Вячеслава Иванова о «Зверинце»: «Это мог написать только гениальный человек»³. Автор эссе «О гении» Вячеслав Иванов вкладывал в это понятие эзотерический смысл. Интересно, что Хлебников оставил свое посвящение на «Зверинце» при публикации его в первом «Садке судей» (1910) — уже после того, как разорвал отношения с кружком Вячеслава Иванова.

Между тем посвящение «Зверинца» Вячеславу Иванову не сводится только к внешней почтительности и пиетету начинающего поэта к метру символизма, но и, как выясняется, свидетельствует о внутренних глубинных связях поэтов.

Первоначально отношения между поэтами складывались по схеме «учитель и ученик»⁴. В кругу Вячеслава Иванова и вообще в кругу символистов поддерживалась традиция обмена поэтическими посланиями. Сразу же после первых посещений Хлебниковым «башни» Вячеслава Иванова (они познакомились летом 1908 г. в Крыму) петербургский метр посвятил молодому поэту стихотворение «Подстерегателью» и датировал 3 июня 1909 г. Приведем текст этого стихотворения:

Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! я не бес,
Не искуситель, — испытатель,
Оселок, циркуль, лот, отвес.

Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.

И, совопросник, соглядадай,
Ловец, промысливший улов,
Чрез миг — я целиной богатой,
Оратай, провожу волов:

Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую врезав борозду,

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный 8 сентября 1989 г. в Гейдельбергском университете на Четвертом Международном конгрессе, посвященном творчеству Вяч. И. Иванова.

Из ясных звезд моей Любви
Посеять семенем — звезду.

Вячеслав Иванов включил это стихотворение в свой сборник «Сог Арденс» в 1911 г., уже после разрыва с Хлебниковым⁵.

Трудно, разумеется, восстанавливать первые беседы метра и «совопросника» Хлебникова⁶. Но с несомненностью можно утверждать, что в этих беседах Вячеслав Иванов рассказывал и о своем детстве, проведенном в московском доме, стоящем напротив Зоологического сада. Эти детские годы и все, что с ними связано, были очень важны для мировосприятия Вячеслава Иванова, и он вспоминал об этом в поздней автобиографии: «Я с любовью отмечаю эти места, потому что с ними связаны первые впечатления моей жизни, сохраненные памятью в каком-то волшебном озарении, — как будто тот слон, которого я завидел из наших окон в саду, ведомого по зеленой траве важными людьми в парчовых халатах, и тот носорог, на которого я подолгу глазел сквозь щели ветхого забора, волки, что выли в ближайшем нашем соседстве, и олени у канавы с черною водой, высокая береза нашего садика, окрестные пустыри и наш бело пушистый дворник <...> остались навсегда в душе видениями утраченного рая»⁷.

Мы останавливаемся на этой пространной цитате еще и потому, что Хлебников написал свой «Зверинец» (первоначальную редакцию) в Зоосаде, но не в московском, а в петербургском, куда он попал, надо думать, не случайно⁸. Вероятно, его подтолкнули к этому посещению рассказы Вячеслава Иванова о московском Зоосаде и посвященное ему, Хлебникову, стихотворение. В прощальное письмо к Вячеславу Иванову, написанное перед отъездом из Петербурга на вакации, сразу после посещения Зоосада, Хлебников вкладывает только что (10 июня 1910 г.) сочиненный им «Зверинец». Таким образом Хлебников отвечает на ивановское послание «Подстерегателю», написанное несколько дней назад, своим «Зверинцем» и через год публикует его в «Садке Судей» с посвящением В.И., то есть — Вячеславу Иванову.

Но этот поэтический диалог имел свое продолжение. В 1918 г. Вячеслав Иванов заканчивает и издает автобиографическую поэму «Младенчество», озаглавленную пушкинским словом и написанную онегинской строфой. В 17, 18 и 19-й главах этой поэмы, рассказывающей о «детском

Эдеме» автора возле московского Зоосада, неожиданным образом обнаруживаются реминисценции из хлебниковского «Зверинца», порожденного этими же воспоминаниями. Итак, диалог поэтов продолжался и строился на взаимовлиянии текстов: «Подстерегателю» — «Зверинец» — «Младенчество».

В упомянутом письме Иванову Хлебников формулирует основную идею «Зверинца»: «<...> виды животных — дети вер и что веры — младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и Ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни <...>. Волнующие нас веры суть более бледный отпечаток древле действовавших сил, создавших некогда виды»⁹.

Все звериные метафоры хлебниковского верлибра конструируются в основном на схожих соответствиях и сравнениях, а кольцевая музыкальная его структура реализуется повторами-зачинами. Таким образом, многообразие животного мира становится метафорой этнического и исповедного многообразия человечества, зверинец — метафорой некоей общности, смысл которой нужно раскрыть.

Многие, писавшие о хлебниковском «Зверинце», возводят его к «Песни о самом себе» Уитмена. К.И.Чуковский первый отметил эту связь еще в 1913 г. И более чем через пятьдесят лет, в 1967 г., он также считал, что «Зверинец» написан под влиянием Уитмена и писал автору этих строк: «Я и сейчас убежден, что стихотворение Хлебникова “Зверинец” по своей структуре, по своему синтаксису связано с “Песней о самом себе” У.Уитмена. И в то же время стихотворение это так самобытно, в нем столько чисто хлебниковских красок, что Хлебников имел право отмежеваться от американского барда. Ведь каждая строчка “Зверинца”, характеризующая того или иного зверя, есть, так сказать, творческое изобретение Хлебникова. Говоря фигурально, Хл[ебников] взял у Уитмена лишь раму для своей картины, а картину написал сам, никому не подражая»¹⁰.

Между тем сам Хлебников неоднократно отвергал свою «зависимость» от Уитмена. В беседе с бакинским литератором А. Бородиным, автором брошюры об Уитмене, он сказал, что написал «Зверинец» еще до своего знакомства с произведениями Уитмена¹¹ (первый перевод «Песни о самом себе» появился в 1907 г. в книге К.Чуковского «Поэт-анархист Уот Уитман»¹²).

В одной из неизданных статей он еще раз вернулся к вопросу о своем пресловутом уитменианстве и не без иронии утверждал: «Говорят, я подражаю Уитмену, да, если иметь такое число глаз, как и у вас, значит подражать вам, если смотреть на то же солнце, как и вы, значит подражать вам, то я подражаю Уитмену»¹³.

И в то же время, как свидетельствует близкая знакомая поэта, Хлебников очень гордился отзывом о нем Чуковского, как о русском Уитмене, и книгу Чуковского «всюду возил с собою»¹⁴. В одной из своих записей для памяти Хлебников называет Уитмена вместе с Леонардо да Винчи «глашатаями будущего человечества»¹⁵.

Вполне возможно, что отрицание Хлебниковым «зависимости» или воздействия уитменовской «Песни» — это полемический прием с целью доказать приоритет своего новаторства, в частности, в создании произведений, написанных свободным стихом. Не случайно в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1912) Д.Бурлюк провозгласил Хлебникова «единственным и прекраснейшим представителем» *vers libre* в русской поэзии¹⁶.

Новаторская поэзия Уитмена — не единственный источник «Зверинца». Ключ к нему и к определению других вероятных источников его сюжета и структуры следует, как нам представляется, искать в самом хлебниковском тексте.

В начале последней редакции «Зверинца» (Хлебников поправил и доработал текст в 1911 г.), буквально в третьей фразе, появляется немецкая тема «где немцы ходят пить пиво. А красотки продавать тело.» Эта же тема возникает через несколько строк в ироническом ключе: «А немцы цветут здоровьем», — и снова появляется, уже приближаясь к концу текста, в конкретном образе следующей метафоры: «Где толстый блестящий морж машет, как усталая красавица, скользкой черной веерообразной ногой и после падает в воду, а когда он выкатывается снова на помост, на его жирном могучем показывается усатая щетинистая, с гладким лбом голова Ницше».

В этой метафоре, которая является одной из ключевых, и заявлен главный указатель к интерпретации «Зверинца». Образ Ницше возник не только на внешних признаках сходства; с ним, как становится очевидно, связаны, и это главное, весь ритмико-интонационный и образно-метафорический строй, структура, сюжет и идея всего текста хлебниковского «Зверинца». Лейтмотивные и лексические

повторы музыкальной структуры «Зверинца» находят полное соответствие в зачинах предисловия к книге Ницше «Так говорил Заратустра» (часть 1, главка 4) и в главе «О великом томлении» (часть 3 и другие фрагменты). Таким образом, несомненным источником «Зверинца» является «симфоническая поэма» или гимны Фр.Ницше «Так говорил Заратустра».

Мы вскользь упомянули об этом в комментарии «Зверинцу» в юбилейном книге «Творений» Хлебникова в 1986 г., но не имели возможности развить эту гипотезу.

Несомненно, обрабатывая в 1911 г. текст «Зверинца», Хлебников строил свои метафоры и привязывал их к конкретным лицам, к своим знакомым, литературным и историческим персонажам. Такая конструкция метафоры подтверждается тем, что в письме к отцу от 13 октября 1908 г., т.е. до создания «Зверинца», Хлебников пишет: «Недавно посетил вечер “Северной свирели” и видел всех: Ф.Сологуба, Городецкого и других из *зверинца*...»¹⁷ (курсив наш — А.П.) Здесь впервые у Хлебникова появляется метафора зверинца, изображающая некое сообщество людей.

В последней редакции «Зверинца» появилась строка, которой также не было в первоначальной редакции, вложенной в письмо к Вячеславу Иванову: «Где косматовласый “Иванов” вскакивает и бьет лапой в железо, когда сторож называет его “товарищ”». Сам Иванов в стихотворении «Надпись на исчерченной книге» сравнивает себя со львом: «Как ты, я был пустынный лев...»¹⁸. Эта автохарактеристика Вячеслава Иванова навеяна ницшевским мотивом льва-ребенка из притчи «О трех превращениях», которой открывается книга «Так говорил Заратустра». Кроме того, метафорическое изображение льва в «Зверинце» отсылает к известным портретам Вячеслава Иванова работы К.Сомова и Н.Ульянова. Однако, в закодированной метафоре не все планы удастся дешифровать. Вероятно, здесь слово-характеристика «товарищ» связано с образом льва из «Заратустры», являющегося главным атрибутом, если не *alter ego* Заратустры и проходящего через всю «поэму». Он превратился из могучего хищного царя зверей, символизирующего дух свободы и привыкшего «господствовать и повелевать», в прирученного Заратустрой смеющегося льва-младенца. В финале «поэмы» в главе «Знамение» появляется лев, ставший его, Заратустры, личным «зверем», т.е. товарищем «господина-сверхчеловека». Хлеб-

ников, вероятно, в «Зверинце», конструируя метафору Иванов-лев, как бы иронизирует над образом преобразенного ницшевского льва-«товарища»¹⁹.

В позднем прозаическом фрагменте Хлебников следующим образом описывает внешний портрет метра символизма: «Забавно встретить лицо седого немецкого ученого в человеке, которого вы помните с золотистыми волосами, окруженными полувенком. Мои пылкие годы. Когда он не был убелен, он мне напоминал еще Львиное Сердце. Ласковыми уверенными движениями он возьмет вашу руку и прочтет неясное пророчество и после взглянет внимательно и поправит два стеклышка»²⁰.

Интересно, что сам Иванов отождествлял себя также с тигром, приблизительно в то же самое время в записи о сне в дневнике от 21 июня 1908 г.: «И вот четыре нижних конечности пентаграммы рук и ног моих обращаются в крылья, у меня две птичьих лапы, а голова моя покрывается головою тигра»²¹. А характеристика Вячеслава Иванова в приведенном выше фрагменте, получившего образование в Германии, как «немецкого ученого»²², неожиданно указывает на непосредственную связь немецкой темы «Зверинца» с адресатом текста.

Итак, Хлебников упоминает в «Зверинце» два конкретных «литературных» имени — Вячеслава Иванова и Ницше. Было бы большим соблазном или рискованной опрометчивостью искать в каждой звериной метафоре Хлебникова тот или иной зашифрованный «реальный» персонаж, но частично такой подход к «Зверинцу» вполне возможен и многое объясняет.

Это подтверждается не только на линейном метафорическом уровне: лев — Вяч.Иванов и морж (то есть *морской лев*) — Ницше, но и на глубинных семантических подтекстах. Нужно подчеркнуть, что Хлебников воспринимал идеи Ницше, не только штудировав его тексты, а через посредство Вяч. Иванова, который в первый период своего творчества был ницшеанцем и находился под большим влиянием немецкого философа. Многие произведения Вячеслава Иванова (лирика, пьесы, статьи) были, как известно, «настоены» на идеях автора Заратустры, однако он нередко полемизировал с ним и пародировал его²³. Конечно же, главными побудителями обращения Хлебникова к философии и идеям Ницше — непосредственными толчками — было не только штудирование произведений метра, но и беседы с ним

на «башне», в которых он развивал различные идеи автора «Заратустры». Интересно заметить, что именно в 1908 г. Вячеслав Иванов собирался, как он писал Брюсову, перевести книгу «Так говорил Заратустра»²⁴.

В указанном письме к Вячеславу Иванову Хлебников приравнивает работу над «Зверинцем» к растрате энергии человеком, «совершающим восхождение на гору и ее вершину»²⁵. Это сравнение также отсылает к лейтмотиву, проходящему через весь ницшевский текст, — Заратустра постоянно совершает восхождение на гору, откуда ведет свои проповеди.

Примененный Хлебниковым в «Зверинце» принцип кодирования возможно восходит к еще одной книге, созданной в сфере Вячеслава Иванова — «Трагическому зверинцу» Л.Д.Зиновьевой-Аннибал (1907 г.). Объяснения, данные Вяч.Ивановым названию и смыслу книги своей жены могут быть полностью перенесены на хлебниковский «Зверинец». Вяч.Иванов говорил своему ученику бакинскому филологу М.С.Альтману: «Формально все рассказы повествуют о зверях («Глухая Даша» и «Царевна-кентавр» ведь тоже звери). И не только формально, но и весь мир представлен здесь зверинцем. И зверинец этот не научный, не комический, а трагический»²⁶.

Хлебников, подобно Ницше, создает свою звериную мистерию, но если животными Заратустры были орел и змея, то Хлебников включает в свой зверинец фактически представителей *всего* животного мира, моделью которого был Зоосад. Звериная мистерия Хлебникова учитывает идею античной мистерии, одним из адептов и истолкователей которой был Вяч.Иванов. Хлебниковская ирония, возможно, заключается в том, что ницшевскому «сверхчеловеку» он как бы противопоставляет своего «сверхзверя». Приведем еще одну параллель: Заратустра постоянно обращается к своим мученикам и слушателям со словами «братья мои». «Зверинец» фактически начинается с фразы, в которой Хлебников называет «братьями» зверей.

Хлебников в «Зверинце», построенном по образцу музыкального произведения, разрабатывает основную ницшевскую концепцию — «идею вечного возвращения» — и усиливает ее схожими ритмическими конструкциями. Два лейтмотива, которые варьируются в «Заратустре» — «великий полдень» и «вечность», Хлебников трансформирует в свой «Зверинец», «снижая»

их функциональную значимость и установку: «Где орлы сидят, подобны вечности, означенной сегодняшним, еще лишенным вчера днем» и «Где полдневный пушечный выстрел заставляет орлов посмотреть на небо в ожидании грозы».

«Зверинец» Хлебникова опирается на два «литературных» имени — Вяч.Иванов и Ницше («лев» и «морской лев»), и внутренний смысл вещи как бы распределяется между этими двумя именами. Идеологическая и метафорическая игра проясняется между ключевыми фразами текста — первой и последней: «Где железо, подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья и останавливающему кровопролитную схватку» и «Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореве во время пожара Москвы». Если вспомнить, что гениальность Хлебникова Иванов сравнивал с гениальностью автора «Слова», то заключительная метафора «Зверинца» приобретает лирический смысл, возможно связанный с каким-то беседами между учителем и учеником об этом великом литературном памятнике. Теперь есть возможность расшифровывать смысл сообщества, изображенного в «Зверинце»: Хлебников уходит от ницшевского «сверхчеловека» к ивановской «соборности». Используя ницшевские образы, мотивы и ритмику, он переосмысляет их в духе идеологии адресата посвящения. У него железная клетка, напоминающая братьям, что они — братья, выступает как разумно сдерживающий, гармонизирующий элемент, оспаривающий ницшевское представление о государстве как о «зверинце или клетке для зверей»²⁷.

Включая в свой «Зверинец» некоторые образы «Заратустры», свободно варьируя его ритмику (вполне узнаваемую), Хлебников создает произведение иной идейной направленности. Антигуманистические (в понимании Ницше — антихристианские) выпады Ницше неприемлемы для Хлебникова, и ницшевские «знаки» его стихотворения — основа полемики с германским философом. Наперекор Ницше, утверждающему устами язычника Заратустры (в главе «О поэтах»), что «вера не спасает», Хлебников на основе широчайшей вероятности создает модель эйкуменического братства поверх идеологических и конфессиональных различий, как бы ученически демонстрируя перед своим учителем Вяч.Ивановым необозримые расширительные возможности его «соборности»: «На свете потому так много зверей, что

они по-разному умеют видеть Бога», и что верблюд «знает разгадку буддизма и затаил ужимку Китая», а в «лице тигра... мы чтим последователя пророка и чтим сущность ислама». Культурология Хлебникова подразумевает цветущее богатое разнообразие на основе гуманистических ценностей («видеть Бога»), а в широте его взглядов угадывается будущий «Председатель Земного Шара», создатель русской интернациональной утопии. Общий свой с Ивановым источник — поэтическую философию Ницше — Хлебников резко наклоняет в сторону своего львинообразного учителя, от которого ему вскоре предстояло уйти в своем развитии в иные области.

Тема «Вячеслав Иванов и Хлебников» выходит на вопрос о художественном и идеологическом влиянии Ницше как на творчество учителя, так и ученика, и перерастает в широкую проблему «Ницше и Хлебников», которая еще не стала предметом изучения исследователей и требует специального анализа²⁸.

Примечания

¹ Мандельштам О. Слово и культура. М. 1987. С.207. Примечательно, что сам Мандельштам в это же время часто бывал на «башне» и испытал сильное воздействие личности Вяч.Иванова. См. публикацию А.А.Морозова: Письма О.Э.Мандельштама к В.И.Иванову // Записки Отдела рукописей. М., 1973. Вып.34. С.258-274. Ср. у Кузмина: «Хлебников и Вяч. Иванов замечательные поэты, *несмотря* на символизм и футуризм, а не благодаря принадлежности к этим школам». (Кузмин М. Условности. Лг., 1923. С.173).

² См.: Хлебников В. Собрание произведений. Т.1. Л., 1928. С.33. О взаимоотношениях Вяч.Иванова и его кружка с Хлебниковым, а также публикацию фрагментов из дневника Кузмина см.: Парнис А.Е. Хлебников в дневнике М.А.Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура. Л., 1990. С.156-165. Сохранилось также письмо Е.Гуро к В.Малахеевой-Мирович от 10 октября 1909 г. в котором упоминается, что «Вяч.Иванов его хвалил, но пока куда не пристроил» (ср.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С.296). Ср. также свидетельство Н.Асеева в его воспоминаниях «Московские встречи», относящихся к осени 1914 г.: «Вяч.Иванов признавал, что творчество Виктора Хлебникова — творчество гения, но пройдет не менее ста лет, пока человечество обратит на него внимание» (Дальневосточное обозрение. 1920. 27 июня. То же: Русская мысль. 1992. 12 июня), подробнее об этом см.: Парнис А. Новое из Хлебникова // Даугава. 1986. №7. С.106-107. Отвечая на наши вопросы, дочь поэта Л.В.Иванова писала 16 мая 1966 г.: «Когда состоялась первое знакомство отца моего с Хлебниковым в Крыму [в] 1908 г., я была девочкой, занималась музыкой и играми, литературными разговорами не интересовалась. В Петербурге Хлебников ходил на Таврическую, кажется, часто. Но, как все посетители «башни» он появлялся в ночные часы, когда я крепко

спала. В Баку он бывал у отца, но я в беседах их не участвовала и даже не присутствовала на них. <...> Что касается моего брата, то он помнит не больше, чем я. <...> Когда я попросила сказать, что он может припомнить, он ответил: "Помню человека в тулупе, похожего на крестьянина, помню, что папа обращался с ним бережно и нежно". См. также: Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. С.106-107. Сохранилось свидетельство художника М.В.Доброковского (в записи Р.П.Абиха от 25 мая 1933 г.) об отношении Хлебникова к Вяч.Иванову в последний, бакинский период жизни поэта: «Не наступление антифутуриста на футуриста, а "спор славян между собой". Он был за Филонова и Иванова. Я был за Малевича и Маяковского».

³ Эти записи Б.А.Куфтина находятся в частном собрании. Ср. также об этом в воспоминаниях Н.А.Асеева «Московские встречи».

⁴ Взаимоотношениям Вяч.Иванова и Хлебникова посвящен отдельный очерк под названием «Об учителе и ученике» в недавно изданной монографии Р.В.Дуганова «Велимир Хлебников. Природа творчества» (М., 1990. С.34-39). Этот очерк полностью построен на интерпретации «Послания на Кавказ» Вяч.Иванова, адресованного Ю.Н.Верховскому и впервые опубликованного в сб. «Нежная тайна», вышедшем в конце 1912 г. Автор монографии утверждает, что Вяч.Иванов в строках «Послания»: «Обедаем вчера на башне мирно: / Семья, Кузмин, помещик-дилетант... / Да из птенцов юнейших Мусагета / Идеолог и филолог, забредший / Разведчиком астральным из Москвы, — / Мистической знойный лихорадкой / (Его люблю, и мнится — будет он / Славянскому на помощь Возрожденью...» — запечатлел «портрет молодого поэта», в котором «можно узнать Хлебникова». Более того Дуганов «с помощью» Пушкина и Гете реконструировал «встречу Хлебникова с Ивановым "на Башне"», во время которой молодой поэт, как считает исследователь, «спешил поделиться» с учителем «результатами исследований законов времени», и эта встреча «окончилась так же, как и сцена в "кабинете Фауста"». Причем Иванов в своем «Послании», по утверждению автора гипотезы, «несомненно (! — А.Л.) продолжал ту же игру в Фауста-Мефистофеля». А главное, как считает Дуганов, Хлебников «без сомнения (! — А.Л.), понимая двусмысленность послания Иванова», будто бы «ответил на него в поэме "Игра в аду"», но «настоящим ответом» Вяч.Иванову была его книга «Учитель и ученик», «само название которой, — по замечанию исследователя — намекало на известную сказку об ученике чародея, превзошедшего учителя». Эта красивая гипотеза (или «красивейшина», если воспользоваться неологизмом Хлебникова) могла бы быть продуктивной, если бы не некоторые обстоятельства: 1) нет никаких сведений, что Хлебников весной (до мая) 1912 г., когда было написано «Послание», приезжал из Москвы в Петербург (в этом признается и сам автор гипотезы: «нет прямых свидетельств»); 2) в тексте «Послания» нет не только прямых, но и косвенных признаков или атрибутов, характеризующих поэта-футуриста; и наконец, 3) Хлебников никак не мог ответить на «Послание» Иванова в поэме «Игра в аду» и в брошюре «Учитель и ученик», так как они вышли летом 1912 г., т.е. за несколько месяцев до выхода сборника Иванова «Нежная тайна», где было впервые напечатано

«Послание». Если не Хлебникова, то кого же называет Вяч.Иванов в «Послании» «птенцом юнейшим Мусагета» и «идеологом и филологом», наделяя «героя» загадочными мистическими чертами («забредший разведчиком астральным из Москвы») Эта несколько ироническая характеристика относится, вероятно, к Андрею Белому, который жил на «башне» с 21 января по 28 февраля 1912 г. и обсуждал с Ивановым вопросы по организации «мусагетовского» журнала «Труды и дни». Наша догадка подтверждается дневниковой записью М.А.Кузмина об обеде на «башне», состоявшемся 24 февраля. На нем присутствовали кроме семьи Вяч.Иванова и автора дневника, А.Белый, С.Троцкий («помещик-дилетант») и поэт А.Д.Скалдин (любезно сообщено Н.А.Богомоловым). Вероятно, именно этот обед и участие в нем «гостя из Москвы» Андрея Белого и описал Вяч.Иванов в своем «Послании». Автор этих строк дважды выступал с возражениями по поводу выдвинутой гипотезы — на Хлебниковских чтениях в Ленинграде (18-19 марта 1986 г.), где Дуганов впервые выступил со своей интерпретацией «Послания» Вяч.Иванова, и уже после выхода его монографии о Хлебникове, 5-7 июня 1991 г., на международной конференции в ИМЛИ, посвященной Вяч.Иванову. Несмотря на явно противоречивые факты, Дуганову, видимо, трудно было отказаться от столь «сногшибательной» версии прочтения «Послания на Кавказ» Вяч.Иванова, и он включил эту гипотезу в свою монографию о Хлебникове, подкрепив ее новыми «детальными» и ссылкой на авторитетное свидетельство Н.В.Котрелева. Но и на этот раз гипотеза Дуганова не стало убедительнее, а «история» с метаморфозами — Иванов — Фауст — Мефистофель — и мнимой ответной репликой Хлебникова в поэме «Игра в аду» (Дуганов называет эту реплику «очевидным вольным переводом» из Гете) скорее характеризует автора гипотезы, чем автора «Послания».

Однако поэтический диалог между Вяч.Ивановым и Хлебниковым действительно был, — проблема диалога вообще характерна для поэтики Вяч.Иванова, — но на другом уровне и связан он, очевидно, с другими текстами, и именно этому вопросу и посвящено наша работа.

⁵ См.: Иванов В. Cog Ardens. М., 1911. Кн.1. С.156-157. Дата стихотворения отмечена на сохранившемся автографе (ЦГАЛИ, ф.527, оп.2.ед.хр.30).

⁶ Отчасти можно составить представление об этих беседах по дневниковым записям М.А.Кузмина (см. кн.: Михаил Кузмин и русская культура. С.162-165) и по воспоминаниям немецкого поэта-переводчика Иоганнеса фон Гюнтера «Ein Leben im Oswald» (1969).

⁷ Автобиография Вячеслава Иванова датирована январем-февралем 1917 г. См.: Иванов В. Собрание сочинений. Т.2. Брюссель, 1974. С.9-10.

⁸ Примечательна описка Хлебникова: в предисловии «Своеси» (1919) к своему несостоявшемуся собранию произведений он ошибочно указал, что «"Зверинец" написан в Московском зверинце» (Хлебников В. Творения. М., 1986. С.37). Он, вероятно, подсознательно связывал создание «Зверинца» с «ивановским» (т.е. московским) Зоосадам, хотя в действительности, как он сам сообщал в письме к Вяч.Иванову в 1909 г. (Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С.356), он написал его после посещения петербургского Зоосада.

⁹ Хлебников В. Неизданные произведения. С.355-356.

¹⁰ Хлебников В. Творения. С.679.

¹¹ Бородин А. Велимир Хлебников // Бакинский рабочий. 1922.16 июля.

¹² Чуковский К. Поэт-анархист Уот Уитман. Спб., 1907.

¹³ Хлебников В. Творения. С.679.

¹⁴ Самородова О. Поэт на Кавказе / Публ. Н.Л.Степанова и А.Е.Парниса. // Звезда. 1972. №6. С.191. Речь идет, вероятно о 3-м (1918) или 4-м (1919) издании кн. Чуковского «Уот Уитман. Поэзия грядущей демократии», однако в них нет характеристики Хлебникова как «русского Уитмена».

¹⁵ См.: Григорьев В. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. С.78.

¹⁶ См.: Пощечина общественному вкусу. М., 1912. С.101. В связи с этим см.: Uijterlinde A. / «Зверинец»: проза или поэзия? // Velimir Chlebnikov (1885-1922): Myth and reality. Amsterdam. 1986. P.513-528.

¹⁷ См.: Хлебников В. Собрание произведений. Т.5. Л., 1933. С.284. На этом вечере, состоявшемся 11 октября выступили также А.М.Ремизов, А.Рославлев, Г.Новицкий. См. о вечере в статье А.Блока «Вечера искусств» (Собр.соч. Т.5. М., 1962. С.284). Подробнее см. также в нашей статье «Хлебников в дневнике М.А.Кузмина».

¹⁸ См.: Иванов В. Cog Ardens. Кн.1. М., 1911. С.153. После доклада Д.В.Иванов любезно сообщил нам, что у Вяч.Иванова было домашнее прозвище «кот», и обратил наше внимание на то, что на выставке, приуроченной к симпозиуму, экспонируется шарж, выполненный Л.В.Ивановой и изображающий отца в виде кота.

¹⁹ Возможно, также, что здесь намек на письмо-протест Вяч.Иванова редактору газеты «Товарищ», которое хотя и было опубликовано в этой газете за год до знакомства Хлебникова с Вяч.Ивановым — 23 сентября 1907 г., могло быть известно автору «Зверинца».

²⁰ См.: Хлебников В. Собрание произведений. Т.5. С.128.

²¹ Иванов В.Собрание сочинений. Т.2. С.773.

²² Вяч.Иванов, как известно, был учеником историка Т.Моммзена. Хлебников упоминает Ницше и Моммзена в статье «Западный друг» (Славянин. 1913. 7 июля).

²³ Примечательно замечание О.Мандельштама, высказанное в письме к Вяч.Иванову от 13 (26) августа 1909 г. о воздействии книги Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» на книгу статей Вяч.Иванова

«По звездам» (1909), см.: Записки Отдела рукописей. Вып.34. С.263.

²⁴ Литературное наследство. Т.85. М., 1976. С.507. Интересно, что в одном из писем (от 21 августа 1915 г. — Собрание произведений. Т.5. С.304) Хлебников прямо свидетельствует о своем интересе к «ницшевской библии» — он отождествляет себя с орланом (ср. с «личной» птицей Заратустры орлом) и называет источник: «Так говорил Заратустра».

²⁵ Хлебников В. Неизданные произведения. С.356.

²⁶ Альтман М.С. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым // Ученые записки Тартуского университета. Вып.209. 1968. С.319. Не исключено, что был еще один источник-посредник — ницшеанский рассказ Л.Андреева «Проклятие зверя». В этом рассказе умирающий морской лев (тюлень) в неистовом «человекоподобном» крике шлет проклятие всему миру — городу, людям, зверинцу, каменному мешку бассейна, где он задыхается за решеткой. Антигородской пафос рассказчика усиливается рефреном «Город! Город!», который пронизывает весь текст и как бы предсказывает рефрен «Зверинца»: «О, сад, сад!» (на эту возможную связь обратил наше внимание М.С.Петровский). Рассказ Л.Андреева «Проклятие зверя» впервые был напечатан в альманахе «Земля» (Кн.1. М., 1908). К этому рассказу Л.Андреева, вероятно, восходит, в свою очередь, фрагмент из романа В.Каменского «Землянка» (1910), начинающийся словами «Город, город» и ритмически и интонацией перекликающийся со «Зверинцем». См. также написанные по нашей просьбе воспоминания М.С.Альтмана о Хлебникове, в которых он рассказывает о его встречах с Вяч.Ивановым в Баку в 1920-1921 гг.: Альтман М. Из того, что вспомнилось // Литературная газета. 1985. 13 ноября.

²⁷ Ср.: «Государство, по выражению Ницше, “просто зверинец или клетка для зверей”, которая, правда, удерживает их от взаимного пожирания, но вместе с тем несколько не улучшает, не преобразует, не перевоспитывает их» (Рейснер М.А. Л.Андреев и его социалистическая идеология. Опыт социологической критики. Спб., 1909. С.67).

²⁸ Уже после нашего доклада появились работы, посвященные этой теме. Некоторые ее аспекты в связи со «Зверинцем» отметил недавно профессор Н.А.Нильссон в статье «Velimir Chlebnikov and his Poem “Zoo”» (Avant Garde. Amsterdam-Atlanta, 1991. №5/6. P.45-46). Имеются сведения еще о двух работах, посвященных теме «Ницше и Хлебников», которые, однако, оказались нам недоступными, — профессора И.Камэяма (Bulletin of Tenri University. Tenri, 1980. №125) и профессора Г.Барана (доклад находится в печати).

Оккультные мотивы в творчестве Гумилева

Проблема связи Гумилева с разного рода мистическими учениями современной ему эпохи — проблема совершенно очевидная, зафиксированная в многочисленных документах и наблюдениях. Даже традиция более или менее научных текстов достаточно давняя и восходит к статье И.Н.Голенищева-Кутузова «Мистическое начало в поэзии Гумилева»¹. Сегодня эта тема разрабатывается Раулем Эшельманом, Майклом Баскером, Элен Русинко и другими исследователями². Мы не будем в настоящей статье говорить о том, как мистические учения влияли на мировоззрение Гумилева в целом, а попробуем показать на конкретных примерах, как проявлялось его знакомство с некоторыми эзотерическими учениями.

Вынесенный в название статьи термин «оккультизм» выбран достаточно условно. Под ним подразумевается совокупность разного рода мистических учений конца девятнадцатого — начала двадцатого века, куда входят спиритизм, теософия, масонство, антропософия, вплоть до практической магии и сатанизма. Впрочем, следует отметить, что термин «оккультное возрождение» для западной традиции является общепринятым и обозначает именно этот круг явлений³.

Материал для статьи был выявлен в процессе работы над комментариями к 1 тому стихотворений для трехтомника Н.С.Гумилева⁴. Однако в книге этот материал дан в сжатом, чисто фактологическом виде, тогда как в данной работе мы предлагаем попытку его интерпретации.

Было бы самонадеянным с нашей стороны претендовать на создание хоть сколько-нибудь полной картины. Литература «оккультного возрождения» чрезвычайно обширна, издана на многих языках, но не всегда доступна. Непосредственный круг чтения Гумилева восстановить, по-видимому, невозможно, поэтому отдельные наблюдения могут быть или недостаточными, или же восходить совсем к другим источ-

никам, нежели те, что указаны мною. Однако принимая во внимание важность для Гумилева устной традиции, нам недоступной и неизвестной, а также и то, что вообще в его творчестве любая параллель с традиционными источниками почти неизбежно включает в себя трансформацию этого источника (наиболее широко известный пример — полемика с Вяч.Ивановым при обсуждении поэмы «Блудный сын» о пределах возможной трансформации традиционных сюжетов), мы берем на себя смелость утверждать, что значительная часть выявленных параллелей является существенно значимой для гумилевского творчества.

Однако нам хотелось бы начать не с творчества, а с биографии. Обратившись к теориям «оккультного возрождения», мы сможем понять причины столь активного стремления Гумилева в Африку. Конечно, немаловажными остаются и побуждения сугубо личные, но, как представляется, существуют по меньшей мере три причины, заставлявшие Гумилева стремиться в Африку, и восходят они к оккультным доктринам.

Во-первых, это масонская мифология, предполагавшая в качестве отмеченных для посвященных (особенно посвященных высших степеней), Смирну и Каир, которые Гумилев посетил в первые же свои странствия, вернувшись после этого в Париж. М.Н.Логинов в своей известной книге писал: «Все розенкрейцерство разделялось на девять округов. Четырем высшим степеням назначены были места для конвенций: <...> Каир и Париж; <...> Смирна»⁵.

Во-вторых, согласно концепции доктора Папюса, история человечества предстает как тетрада рас, несущих в себе свет истинной мудрости: лемурийцы, атланты, черные и белые⁶. Доктор Папюс был прежде всего популяризатором и систематизатором, что и дает нам основания предполагать, что такое толкование было вполне распространенным. Знакомство Гумилева с этой схемой вне сомнений. В беседах с П.Н.Лукницким Ахматова засвидетельствовала: «Папюса привез в 7-м году

Статья написана на основе доклада, прочитанного на Международной конференции «Н.С.Гумилев и русский Парнас» (17-19 сентября 1991 г., СПб).

на дачу Шмидта. Мне оставил. Сначала в 6 году написал»⁷. Однако это еще не является свидетельством того, что Гумилев был знаком именно с этими положениями обширной мистической системы Папюса. Бесспорным доказательством является «Поэма конца», где действует «жрец Лемурии Морадита», и зафиксированный в печати план поэмы, в котором можно прочесть: «Действие происходит в сказочной Лемурии, предшественнице Атлантиды»⁸. При этом Африка, бывшая континентом, где обитали наследники предшествующих цивилизаций, рассматривалась Папюсом как хранилище важнейших данных о магических корнях современного тайного знания. Для Гумилева, склонного рассматривать историю как неуклонное движение от одного типа цивилизации к другому, долженствующее привести в конце концов к господству друидов, эта концепция должна была представляться весьма убедительной. В «Поэме начала» — очевидно, в связи с постреволюционными изменениями, эта схема предстала в измененном виде: «...в основу его (действия — Н.Б.) положена концепция автора о последовательной смене четырех классов — творцов (Друидов), воинов, купцов и народа»⁹, однако в обычном представлении Гумилева дело должно было обстоять как раз наоборот:

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете.

Напомним, что возле этих стихов в подаренном ему экземпляре Блок записал: «Тут вся моя политика, сказал мне Гумилев»¹⁰.

Наконец, третья причина — судьба Артюра Рембо. Это утверждение могло бы показаться банальностью, если бы не то обстоятельство, что, как убедительно показала американская исследовательница Энид Старки, Рембо был теснейшим образом связан с французским «оккультным возрождением»¹¹. Не останавливаясь подробно на ходе ее доказательства, скажем только, что, согласно Энид Старки, отказ Рембо от творчества и его отъезд в Африку были связаны прежде всего с пережитым им разочарованием в своей способности магически пересоздать мир. Гумилев, очевидно, такого разочарования не пережил

и до конца жизни был уверен в том, что поэзия есть одна из форм освобождения тайных сил, заложенных в природе вселенной. Напомним в связи с этим известное описание визита Гумилева, сделанное Зинаидой Гиппиус в письме к Брюсову: «Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сентенции — старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. “До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные”»¹². Существует свидетельство Ахматовой, относящееся к более позднему времени: «В 1909 году АА, провожая Николая Степановича, ездила с ним из... в Одессу (на трамвае). Николай Степанович все спрашивал ее, любит ли она его? АА ответила: “Не люблю, но считаю Вас выдающимся человеком”... Николай Степанович улыбнулся и спросил: “Как Будда или как Магомет?”»¹³. Поэтому свидетельству Гиппиус, очевидно, можно доверять, по крайней мере, в той его части, где речь идет об убежденности Гумилева в собственной способности изменить мир.

В отличие от Брюсова, также интересовавшегося спиритизмом, оккультизмом, магией, но делавшего это с точки зрения позитивиста по натуре, берущегося подыгрывать то одному, то другому, но ни во что не верующего полностью и окончательно, Гумилев уже довольно рано создает себе сакрализованный идейный багаж: в первую очередь это поразившая его воображение книга Ницше «Так говорил Заратустра»¹⁴, а также представления деятелей «оккультного возрождения», которые, не лишним будет отметить, оказали сильное влияние и на французскую поэзию второй половины девятнадцатого — начала двадцатого веков, так что Рембо не был исключением. Вряд ли Гумилев был настоящим адептом «тайных наук», но, очевидно, что он представлял себе поэзию как производное от магического делания, позволяющее сомкнуть в единое кольцо прошлое и будущее и получить право на управление историей, на свободное перевоплощение души в едином историческом пространстве.

Смысловая структура его стихотворений свободно включает в себя не только отсылки к различным эзотерическим системам, но и запятанное в глубину поэтического слова неоднозначное отношение к тому, о чем говорится в стихотворении, что позволяет создать целую лестницу смыслов.

К образцам первого рода относится, например, тайное использование масонской символики. Гумилев — и это хорошо известно — неоднократно прямо говорил о масонстве в своих стихотворениях (в первой редакции «Пятистопных ямбов» или в «Средневековье»), однако, если вспомнить принципы масонской тайной организации, едва ли покажется случайным, что многое в его стихотворениях замечается не сразу¹⁵.

Р.Д.Тименчик, внимательно изучивший излюбленную гумилевскую цветовую гамму, построенную на сочетании синего и золотого цвета¹⁶, возводит ее к тому цветовому сочетанию, которое настойчиво повторялось на полотнах Фра Беато Анжелико:

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым,
И здесь есть свет, и там — иные светы¹⁷.

Думается, что можно указать и еще один, гораздо более вероятный источник настойчивого повторения этих цветов в произведениях Гумилева. По сообщению Т.Соколовской (несомненно, заимствованному из каких-то собственно масонских источников), «первоначальные отличительные цвета иоанновского масонства были цвет золота и небесной лазури»¹⁸. Почти не приходится сомневаться, что Гумилев знал это.

Точно также не вызывает сомнения и то, что в «Дракон» при встрече Морадиты с Драконом не случайно соблюдается масонский ритуал.

В этой поэме потаенные смыслы природы расколдовывает магическое слово «Ом», о происхождении и смысле которого написано уже достаточно много¹⁹. В нашем же контексте важно то, что Морадита до известной степени отождествлен с самим поэтом (ср. уже отмеченное близкое совпадение строфы из «Дракона»: «Разве в мире сильных не стало, / Что тебе я знание отдам? / Я вручу его розе алой, / Водопадам и облакам» со строфой из «Я и Вы»). Жрец, расколдовывающий тайны природы, и поэт уравниваются в правах, поэтическое слово становится равным слову магическому.

Но до сих пор не привлекало ничего внимания, что встреча Морадиты с драконом обставлена согласно масонскому ритуалу: «Для распознавания в постороннем человеке члена вольнокаменщического Ордена и определения его масонской степени Вольные Каменщики употребляли три спо-

соба: знак — для зрения, слово — для слуха, прикосновения — для осязания»²⁰. Это буквально совпадает с тем, как дракон опознает Морадиту: сперва он его видит («Пробудился дракон и поднял / Янтари грозных зрачков»), потом выслушивает «заповедное слово “Ом”» и, наконец, касается ладонью груди Морадиты, наполняя его кровью свое умирающее тело. Таким образом, произнесение Слова становится частью магического ритуала, где поэт и носитель тайного знания становятся взаимозаменяемыми, а поэтическое слово становится словом магическим, и не только магическим. Напомним, что в черновиках второй песни «Поэмы начала» содержится такое определение слова: «Светозарное, плотью стало», что полностью соответствует характеристике Слова-Бога, Логоса: «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин., I, 14).

Другой пример относится уже к теософии, о которой Гумилев также имел достаточно определенное представление. Снова сошлюсь на Ахматову: «Всю дорогу АА говорила о Дмитриевой, о Волошине, о Львовой, о Тумповской — обо всей этой теософской компании. Поводом к разговору послужили воспоминания Каплун²¹. АА очень недоброжелательно отзывалась о теософии и всех ее адептах <...> Разговор велся с целью показать, как эта компания “через теософию” хочет всячески оправдать Волошину и Дмитриеву...»²².

Одним из чрезвычайно значимых стихотворений «Огненного столпа» является триптих «Душа и тело». Ахматова говорила П.Н.Лукницкому: «Разговор души и тела — тема старинная и использованная очень многими поэтами. Однако никто, ни один поэт не ставил себя судьей своих души и тела, судьей, провозглашающим (3-я часть стихотворения) свое мнение и свое решение»²³. Здесь имеется ввиду та самая часть текста, о которой Ахматова говорила как о лучшем стихотворении лучшей книги Гумилева: «АА ответила, что очень любит третье стихотворение “Души и тела” — стихотворение “подлинно высокое”... И заметила о том, как характерно для Николая Степановича последних лет это разделение души и тела... Тело, которое предается земной любви, тело с горячей кровью — и враждующая с телом душа»²⁴. Отметим, что в специальном исследовании о «Душе и теле» как парадигме мистической поэзии Гумилева, Р.Эшельман в качестве образцов для поэта называет лишь старинные диалоги души с телом.

Однако существует традиция (правда, не поэтическая), объясняющая как раз ту характерную особенность триптиха, которая казалась Ахматовой столь принципиально своеобразной. Заодно уточним и мнение Р.Эшельмана, полагающего, что «я» третьего стихотворения — это «астральное тело»²⁵. Наиболее близким объяснением структуры данного стихотворения является текст Рудольфа Штейнера, который выступает здесь не как основатель антропософии, а как излагатель общетеософских доктрин, с которыми Гумилев мог быть знаком и по другим источникам (в том числе и устным; например через А.Р.Минцлову, Е.И.Дмитриеву — Черубину де Габриак, через кого-либо еще). Читаем у Штейнера: «У человека *есть три стороны в существе его. Это <...>* мы пока здесь обозначим тремя словами: тело, душа и дух <...> Через самосознание человек определяет себя как самостоятельное, от всего другого отдельное существо, как “я”. В “я” человек собирает все, что он переживает как телесное и душевное существо. Тело и душа — это носители “я”: “я” действует в них»²⁶. Напомним соответствующее место стихотворения:

Когда же слово Бога с высоты
Большой Медведицею заблестело,
С вопросом: «Кто же, вопрошатель, ты?» —
Душа предстала предо мной и тело.
.....
«Я тот, кто спит, и кроет глубина
Его невыразимое прозванье;
Я вы, вы только слабый отсвет сна,
Бегущего на дне его сознания!»

В данной концепции традиционное противопоставление тела и души примиряется тем, что существует еще одно понятие — «я», безусловно главенствующее над ними, — и то же самое происходит в стихотворении Гумилева, где душа и тело подчиняются «вопрошателю», «я» поэта.

И наконец, последний анализ, который мы хотели бы предложить вниманию читателей, — интерпретация заключительного образа стихотворения «Память», одного из самых принципиальных для Гумилева. На наш взгляд, анализ этот помогает понять поэтику Гумилева как одно из воплощений того, что было названо «потенциальной культурной парадигмой» и тем самым включить его творчество в тот ряд, который уже был исследован в качестве особого типа осознания действительности, где непосредственное восприятие ее органически сочетается с воссозданием мирового поэтического текста, в сопоставлении с которым должно

восприниматься любое слово, любой образ стихотворения и всей поэтической системы.

«Память» заканчивается, как известно, появлением фигуры неведомого путника с закрытым лицом:

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

Согласно интерпретации Ахматовой, этот путник — смерть. Лукницкий записал в дневнике ее слова: «Представление о смерти в “Памяти” и в “Заблудившемся трамвае” — одинаково: только там это путник, это смерть в образе пешего, здесь — в образе летящего всадника. В обоих случаях — страшный, знакомый и сладкий — ветер, и “страшный”, “только оттуда бьющий свет”. И, наконец, совершенно одинаковое:

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине...

и:

Я угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле...»²⁷

Последнее отождествление, на наш взгляд, неверно. Вряд ли можно приравнять друг к другу реальный Исаакиевский собор и символический Соломонов храм, совершенно явно определяемый масонскими ассоциациями. Но следует сказать, что и трактовка интересующего нас образа как образа смерти не может быть единственной.

Комментируя это стихотворение, М.Д.Эльзон однозначно определяет: «Путник — Христос. Лев, орел — символы евангелистов Марка и Иоанна»²⁸. В подтверждение этого можно добавить, что в Апокалипсисе Христос именуется «Лев от колена Иудина» (Откр., 5, 5).

Мы попробуем предложить еще одну трактовку этого образа. Кажется, еще не была проанализирована связь не только ранних, но и поздних стихов Гумилева с творчеством Ф.Ницше, хотя обнаружить ее совсем не сложно. Так, до сих пор не было отмечено, что название последней книги стихов Гумилева восходит не только к известным библейским и евангельским текстам, но и к «Так говорил Заратустра», где сказано: «Горе этому большому городу! — И я хотел бы уже видеть огненный

столп, в котором он сгорает! Ибо эти огненные столпы должны предшествовать великому полудню. Но это имеет свое время и свою собственную судьбу»²⁹. Как нам представляется, соотносительность этого текста Ницше со многими стихотворениями «Огненного столпа» очевидна, и особенно отчетливо это выявляется в «Звездном ужасе».

Такой подтекст названия сборника не может не заставить обратить внимание на ницшеанские подтексты стихов. И в «Памяти» находим прямые параллели с «Так говорил Заратустра». Целая глава, открывающая третью часть, названа «Путник» (так в переводе А.Н.Ачкасова; в переводе Ю.Антоновского — «Странник»), орел — постоянный спутник Заратустры, а в последней главе книги появляется лев: «Знак явился!» — сказал Заратустра, и его сердце изменилось. И действительно, когда прояснилось вокруг него, он увидел, что у ног его лежит желтый могучий зверь, голову положив ему на колени, и не хочет отпустить его, любя его, и ласкается к нему, как собака, нашедшая снова старого своего господина»³⁰.

И этот подтекст вызывает в памяти еще одно сопоставление с Ницше. Как впервые отметил О.Ронен, стихотворение «Молитва» из «Жемчугов»:

Солнце свирепое, солнце грозящее
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее! —

представляет собою парафраз из той же книги: «Я люблю того, кто оправдывает грядущее и спасает прошедшее, ибо он хочет погибнуть от настоящего»³¹. Но ключ к совмещению этих двух стихотворений мы находим в магических представлениях. Одно из популярных пособий по магии дает таблицу планетной классификации животных, птиц и рыб, согласно которой лев и орел соответствуют в планетном мире солнцу³². В этой системе значений таинственный путник оказывается равен солнцу, гневному и сжигающему не только тела предметного мира, но и времени.

Таким образом, подтексты финальных четверостиший «Памяти» оказываются чрезвычайно разнообразны и создают весьма широкое семантическое поле, позволяющее создать представление о строении стихотворения как о поливалентной структуре. С одной стороны, оно может прочи-

тываться как дотошное воспроизведение биографии поэта от детства до зрелости с однозначными ассоциациями («Дерево да рыжая собака» в соответствии с «Деревьями» и «Осенью» из «Костра», «Как вино, впивал он воздух сладкий/Белому неведомой страны», «...Святой Георгий тронул дважды/Пулею не тронутую грудь» и т.д., вплоть до оставшегося в черновиках:

На песчаных дальних косогорах,
У лесных бездонных охватей
Вечно норы он копал, и в норах
Поджидал неведомых гостей),

а с другой — как странствие души, ныне воплощенной в «я» поэта, по временам и пространствам не только в аллегорической форме, но и по временам и пространствам мирового художественного текста, мировой истории, и далее — космогонических представлений в поэтически осмысленной форме.

Примечания

¹ Россия и славянство. 1931. 29 августа.

² См.: Эшельман Р. Гумилевское «Слово» и мистицизм // Русская мысль. 1986. 29 августа; а также ряд статей в кн.: Nikolaj Gumilev (1886-1986) Ed. by S.Graham. Berkeley., 1987.

³ См. напр.: Webb J. Occult underground. La Salle (ILL.) 1974; Eadem: The occult Establishment. La Salle (ILL.), 1976. Ср. также реферат И.Б.Роднянской по последней книге // Иррациональное в современном буржуазном сознании. М., 1979. Вып.2.

⁴ Гумилев Николай. Сочинения в трех томах. М., 1991. Т.1.

⁵ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартисты. М., 1867. С.83.

⁶ См.: Encausse G. (Papus) L'occultisme et le spiritualisme, P., 1902. P.111-129.

⁷ Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Paris, 1991. Т.I. С.176.

⁸ Вестник литературы. 1920. №8(20). С.11

⁹ Там же.

¹⁰ Библиотека Александра Блока: Описание. Л., 1984. Кн.I. С.254.

¹¹ См.: Starkie E. Arthur Rimbaud. N.-Y., (1968).

¹² Литературное наследство. М., 1976. Т.85. С.691.

¹³ Лукницкий П.Н. Цит. соч. С.189.

¹⁴ См. в воспоминаниях И.Одоевцевой, часто весьма недостоверных, но в деталях, как правило, точных: «...Гумилев в награду подарил мне своего "Так говорил Заратустра" в сафьяновом переплете. <...> Я поняла, что Ницше имел на него огромное влияние, <...> я подмечала, что он сам, не отдавая себе в этом отчета, повторял мысли Ницше» (Одоевцева Ирина. На берегах Невы. М., 1988. С.52-53).

¹⁵ Проблема «Гумилев и масонство» был посвящен специальный доклад М.Ивановича на научной конференции «Николай Гумилев и русский Парнас»

(С.-Петербург, сентябрь 1991). См. его изложение: Кравцова И.Г., Эльзон М.Д. Международная конференция «Н.С.Гумилев и русский Парнас» // Русская литература. 1992. №1. С.238-239. Соображения Л.Н.Гумилева, выступившего в дискуссии с опровержением концепции М.Ивановича, не представились нам убедительными.

¹⁶ Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме: II // Russian Literature. 1977. V.3. P.287.

¹⁷ Оставляем в стороне вопрос о корнях этой цветовой гаммы у Фра Беато и в религиозной живописи вообще.

¹⁸ Соколовская Т. Массонские системы // Массонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т.2. С.63. Репринтное воспроизведение — М., 1990.

¹⁹ См., напр.: Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка: Поэтический мир Н.С.Гумилева // Взгляд: Критика, полемика, публикации. М., 1988. С.361-362; Он же: Хлебников и наука // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М., 1986. Вып.20. С.406-409.

²⁰ Соколовская Т. Обрядность вольных каменщиков // Массонство в его прошлом и настоящем. С.108.

²¹ С.Г.Каплун (в замуж. Спасская) была участницей разного рода «духовных» предприятий Петрограда начала двадцатых годов, в том числе, по свидетельству дневника М.А.Кузмина, имела отношение к розенкрейцерству. Подробнее о ней см.: Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г.Спасским / Публ.

В.С.Спасской; Вступит. ст. и комм. Н.Алексеева // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.642-649.

²² Лукницкий П.Н. Цит. соч. С.278.

²³ О Гумилеве: Из дневников Павла Лукницкого // Литературное обозрение. 1989. №6. С.89.

²⁴ Лукницкий П.Н. Цит. соч. С.242.

²⁵ Eshelman Raoul. «Dusha i telo» as a paradigm of Gumilev's mystical poetry // Nikolaj Gumilev: 1886-1986. P.118-121. Представлению об «астральном теле» гораздо более соответствует описание в стихотворении Вл.Ходасевича «Эпизод».

²⁶ Штейнер Рудольф. Теософия: Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. СПб., 1910. С.11,35.

²⁷ Литературное обозрение. 1989. №6. С.88-89.

²⁸ Гумилев Николай. Стихотворения и поэмы. Л., 1989. С.587.

²⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Пер. А.Ачкасова. СПб., 1906. С.248.

³⁰ Там же. С.446.

³¹ Ronen Omry. An approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P.182.

³² Древняя и высшая магия: Теория и практические формулы / Пер. с франц. И.Антошевского. СПб., 1910. С.64. Репринтное воспроизведение — М., 1990.

Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»

Несколько параллелей

Обсуждение вопроса о прототипах героев пастернаковского романа началось в статьях и исследованиях с конца пятидесятых годов. В заглавном герое обнаруживали прототипические черты Гамлета, Георгия Победоносца и др. Автобиографические черты автора раскрывали не только в Юрии Живаго, но и в Гордоне и даже в Ларе¹.

Исследователи при разговоре о прототипе главной героини Ларисы Федоровны Антиповой (Лары Гишар) практически никогда не выходили за рамки сопоставления ее с Ольгой Всеволодовной Ивинской. К этому подталкивали и достаточно известные обстоятельства жизни Пастернака последних десятилетий, и книга воспоминаний О.Ивинской «В плену времени: Годы с Борисом Пастернаком», и высказывания самого автора, к примеру, в письме к Ренате Швейцер: «Она [О.Ивинская] — Лара того романа»². Но сохранились и другие высказывания, — 18 сентября 1955 года Пастернак писал Марине Казимировне Баранович: «...И она [О.Ивинская] совсем не “вдохновительница” и не “натура” для героини (в истории литературы всегда эти пошлости), <...> но <...> единственная собеседница по предметам работы в ее начале»³.

Не так давно частично опубликованные мемуары второй жены поэта З.Н.Пастернак⁴ и воспоминания сестры — Ж.Л.Пастернак⁵ позволяют также утверждать, что в определенной степени прототипом Лары является Зинаида Николаевна. Пастернак писал ей в 1935 году о работе над прозой (фактически над первоначальными набросками будущего романа): «как всегда ты — в центре»⁶; центральная героиня этих набросков обнаруживает ряд несомненных сходств с героиней «Доктора Живаго»⁷. С определенной долей уверенности в Ларе можно усмотреть и черты Елены Виноград

— героини стихотворной книги Пастернака «Сестра моя жизнь»⁸.

Все, о чем будет говориться ниже, нисколько не подвергает сомнению актуальность сопоставлений Лары с другими, в том числе и названными прототипами.

* * *

В автобиографическом очерке «Люди и положения» 1956 года, посвятив три страницы Марине Цветаевой и истории их дружбы, Пастернак писал: «Если бы я стал рассказывать случай за случаем и положение за положением историю объединявших меня с Цветаевой стремлений и интересов, я далеко вышел бы за пределы поставленных себе границ. Я должен был бы посвятить этому целую книгу, так много пережито было тогда совместного, менявшего, радостного и трагического, всегда неожиданного и всегда, от раза к разу, обоюдно расширявшего кругозор»⁹.

Я постараюсь на ряде примеров показать, что роман «Доктор Живаго» явился в том числе и «целой книгой», посвященной истории отношений жизненных и творческих двух поэтов.

Хорошо известно, что значили Цветаева и Пастернак друг для друга. Их переписка, начавшаяся в 1922 году, продолжалась до середины тридцатых, когда в 1935 году они наконец встретились в Париже. Обстоятельства этой поездки Пастернака на антифашистский конгресс достаточно драматичны. Состояние поэта лучше всего иллюстрирует тот факт, что он отказался от возможной встречи с родителями, которых не видел к этому времени более десяти лет, и с которыми ему уже было не суждено встретиться вновь. По определению самой Цветаевой, в Париже произошла их «не-встреча», как стали «не-встречей» отношения в Москве после возвращения Марины Ивановны в Россию. Но их переписка двадцатых годов была напряженным лирическим романом, об

В сокращенном виде статья ранее была опубликована: Независимая газета. 1992. 9 октября.

этом мы можем судить по опубликованным ее фрагментам (значительная часть переписки на сегодняшний день не известна или утрачена)¹⁰.

Параллели «биографические»

Цветаева — Пастернак;
Живаго — Лара

29 июня 1922 года, отвечая на первое письмо Пастернака, Цветаева описывает ему пять их встреч в Москве, когда Борис Леонидович встречался с нею, но не «замечал» ее, подобно тому, как Юрий Живаго уже после знакомства с Ларисой Федоровной рассказывает ей о двух их встречах в довоенной Москве (причем последняя из встреч Пастернака и Цветаевой — на похоронах Т.Ф.Скрябиной может быть сопоставлена со встречей Живаго и Лары в день смерти Анны Ивановны Громеко — матери первой жены Юрия Андреевича Тони). Также возможно сопоставить обращение Лары к Живаго по фамилии с многочисленными в ранних письмах Цветаевой обращениями «Пастернак».

Цветаева — Эфрон;
Лара — Антипов

С.Я.Эфрон, как и муж Лары Павел Антипов, — студент историко-филологического факультета Московского университета (позже — Пражского); он, как и Антипов, — сын политического ссыльного, кроме того, согласно семейной легенде, в 1905 году Сережа Эфрон — также участник революционных событий в Москве (эта легенда, как и вся биография Сергея Яковлевича могли быть известны Пастернаку, если не от самой Цветаевой, то от ее сестры; более того, о ней пишет Марина Ивановна в письме к Берии¹¹ в 1939 году, а Пастернак если и не участвовал в составлении этого письма, то к нему наверняка должны были обратиться за советом, — среди людей, окружавших в Москве Цветаеву, должны были быть известны несколько удач Пастернака в написании подобного рода писем).

В 1914 году Эфрон, подобно Антипову, записывается добровольцем, а затем также как и Антипов оканчивает школу прапорщиков. Цветаеву беспокоит здоровье мужа, из-за состояния которого он был на фронте сперва лишь в качестве санитаря; она хлопочет о переводе его из пехотного полка в артиллерию¹². Вспомним реплику

Лары, отговаривавшую Антипова идти добровольцем:

Ничего не поздно. Я все исправлю. Да ты ведь толком доктору то не показывался. С твоим то сердцем¹³.

Когда Антипов не соглашается с ее доводами, Лара понимает причину, толкнувшую его на этот шаг:

Она угадала, что Патуля заблуждается насчет ее отношения к нему. Он не оценил *материнского чувства* [здесь и далее курсив мой — К.П.], которое она всю жизнь подмешивает в свою нежность к нему, и не догадывается, что такая любовь больше обыкновенной женской. (С.110)

О *материнском* начале, преобладавшем у Цветаевой над началом возлюбленной в отношениях с большинством мужчин, в том числе и в отношениях с С.Эфроном, убедительно пишет В.Швейцер¹⁴.

Можно усмотреть аналогию и между крестьянскими волнениями, которые усмиряет Антипов-Стрельников, и участием Эфрона в составе 56-го пехотного запасного полка в подавлении беспорядков в Нижнем Новгороде в июне 1917 года¹⁵.

В только что опубликованном интервью (Литературная газета. 1992. 30 сентября) А.И.Цветаева рассказывает о своем утраченном романе «Нюрнбергская хроника»: «Действие происходит в Гейдельберге, я перенесла туда всю нашу семью <...> Марина была Беата <...> И в этом романе описана встреча Беаты с англичанином (Сережа Эфрон). Наступает 1914 год, и они расстаются. Беата идет на курсы сестер милосердия в безумной надежде встретиться с ним на войне...»

Аналогия Лары и Беаты (Марины) здесь не вызывает сомнений.

Во время гражданской войны Цветаева с дочерью Алей (которая, кстати, почти ровесница Катеньки Антиповой — Аля родилась в сентябре 1912, а Катенька, очевидно, в начале 1913 года; вспомним также фразу Лары о Катеньке, гордящейся своим отцом) ждет известий о муже и долгое время ничего не знает о его судьбе. Вернувшаяся из Крыма после войны сестра не решается передать ей слух о том, что Эфрон расстрелян¹⁶, подобно тому, как Галиуллин скрывает от Лары, что был (как ему казалось) очевидцем гибели Антипова. Возможна и параллель между судьбой второй дочери Цветаевой Ирины и оставленной Ларой дочерью Татьяной.

Эфрон (Андреев) —
Антипов (Стрельников)

Показателен первый разговор Живаго с Ларисой Федоровной в Юрятине о Стрельникове:

Его союз с большевиками случаен. Пока он им нужен, его терпят, им по пути. Но по первом миновении надобности его отшвырнут без сожаления прочь и растопчут... (С.294)

Подобные слова легко можно отнести к С.Эфрону, который слепо выполнял задания НКВД, участвуя в политических убийствах, и был расстрелян «по первом миновении надобности».

Здесь надо сделать оговорку. Я далек от мысли, что Стрельников имеет лишь одного прототипа — С.Эфрона. Помимо уже выдвигавшихся в научной литературе соображениях о параллелях Стрельникова и Маяковского, можно также предположить, что самоубийство *Паула* Антипова-Стрельникова перед грозившим ему арестом может быть сопоставлено с аналогичным самоубийством грузинского друга Пастернака поэта *Паоло* Яшвили.

Эфрон — Живаго

В своих воспоминаниях Ариадна Эфрон приводит разговор своих родителей, состоявшийся после того, как Марина Ивановна прочла мужу «Лебединый стан». Сергей Яковлевич, по словам дочери, уже разочаровавшийся тогда в белом движении, сравнил свое участие в нем с положением человека, попавшего по ошибке не в тот поезд: «...Представьте <...> вокзал военного времени <...> тревогу, неразбериху, толчею, — все лезут в вагоны <...> втянули и тебя <...>, но вдруг узнаешь и со смертным ужасом осознаешь, что в роковой суете попал — впрочем, вместе со многими и многими! — не в тот поезд... Что твой состав ушел с другого пути, что обратного хода нет, рельсы разобраны. Обратное, Мариночка, можно только пешком — по шпалам — всю жизнь...” После этого разговора был написан Маринин «Рассвет на рельсах». Вся дальнейшая жизнь моего отца и была обратным путем — по шпалам — в Россию...»¹⁷

Напомню, что пешком по шпалам идет к Ларе (России) в Юрятин Юрий Живаго из Восточной Сибири (нет ли параллели между отъездом Цветаевой из Берлина накануне приезда туда Пастернака в 1922 году и отъездом Лары в Варькино, когда та узнает о скором возвращении Живаго?), а позже также возвращается в Москву.

Этому «пути по шпалам» предшествует эпизод (последний в 12-й части романа «Рябина в сахаре»), несомненно связанный с образами стихом Цветаевой, когда Живаго, покидая партизанский лагерь, подходит к рябине, которая «простирала две заснеженные ветки вперед навстречу ему»:

Он вспомнил большие белые руки Лары <...> и, ухватившись за ветки, притянул дерево к себе. <...> Он бормотал <...>: — Я увижу тебя, красота моя писанная, княгиня моя, *рябинушка*, родная кровинушка... (С.370)

Реминесценции здесь очевидно не только со знаменитыми строками: «Но если по дороге — куст/Встает — особенно рябина», но и со стихотворением «Все круче, все круче...» из посвященного С.Эфрону цикла «Разлука» (1921):

Я рук не ломаю!
Я только тяну их
— Без звука! —
Как дерево-машет-рябина
В разлуку...¹⁸

Параллели «литературные»

«Дождь-послание»
(«Дождь-заместитель»)

Немало возможных сопоставлений Лары и Цветаевой находится и вне непосредственно «биографических» обстоятельств. Неоднократно внимание исследователей, интерпретировавших роман, привлекало описание ночного ливня, от которого просыпается после отъезда Лары из Мелюзеево доктор Живаго и мадемуазель Флери. Оба они надеются, что она вернулась с дороги, но оказывается, что стучат ветки о стекло. Мадемуазель Флери, осмотрев дом, говорит:

В буфетной выбито окно обломком липового сука, бившегося о стекло, и на полу огромные лужи, и тоже самое в комнате, оставшейся от Лары, море, форменное море, целый океан. (С.149)

Во-первых, можно предположить, что «форменное море» здесь может быть связано с именем МАРИНА. Во-вторых, несомненно наличие параллели со стихами «Памяти Марины Цветаевой»:

...Безутешно струятся ручьи,
По крыльцу перед дверью прихожей
И в открытые окна мои...¹⁹

Наконец, вспоминается и обращенное к Б.Пастернаку стихотворение Цветаевой «Строительница струн — приструню...» (1923) с тем же мотивом «дождя-послания»:

...И если гром у нас на крышах
Дождь — в доме, ливень — сплошь, —
Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь²⁰.

Помимо напрашивающейся здесь ассоциации со статьей Цветаевой «Световой ливень» о «Сестре моей жизни» Пастернака, эти строки, как отметила О. Раевская²¹, связаны со «Спекторским» (где в отношениях заглавного героя и Марии Ильиной также отражены отношения двух поэтов):

Свиданья назначались: в шуме птиц,
В кистях дождя, в черемухе
и в громе...²²

Тот же самый образ возникает и в стихотворении Цветаевой «Русской ржи от меня поклон...» (1926):

...Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...
...Ты в погудке дождей и бед,
То ж, что Гомер в гекзаметре...²³

«Читальня» в «Спекторском» и в «Докторе Живаго»

В монографии «Борис Пастернак в двадцатые годы» Л. Флейшман отмечает, что «связи Спекторского и Марии Ильиной обрываются “уходом в читальню”, связь автора и Марии Ильиной возникает и завершается через “читальню”. Последняя встреча героя с Ильиной и (первая) встреча автора с нею приурочены к одному и тому же месту²⁴. Живаго впервые в Юрятине видит Ларису Федоровну также в «читальне». Наблюдая там за ней, Юрий Андреевич думает:

Ей не хочется нравиться, <...> — быть красивой, пленящей. Она презирает эту сторону женской сущности... (С. 289)

Эти слова, видимо, вполне можно было отнести к реальной Цветаевой. Возможно с представлениями о пражском быте Марины Ивановны связаны и дальнейшие наблюдения Живаго:

Она читает так, точно это не высшая деятельность человека, а нечто простейшее, доступное животным. Точно она воду носит или чистит картошку. (С. 289)

Сравним с письмом Цветаевой к Пастернаку 19 июля 1925 года: «<...> День: готовлю, стираю, таскаю воду <...>»²⁵.

В Юрятинской читальне Лара также исчезает от Живаго, как Спекторский от Марии Ильиной, но он в романе «списывает ее адрес» с библиотечных требований, заложенных в книги (напомню, что после «исчезновения» Спекторского Ильину «бес-

ило, что его домашний адрес — Ей неизвестен...»²⁶).

«Лабиринт» в «Спекторском» и в «Докторе Живаго»

Когда Живаго впервые приходит в Юрятине к Ларе по этому адресу, она ведет его через комнаты, заставленные чужими вещами. Обратим внимание на реплику Юрия Андреевича:

— Правда, лабиринт какой-то. Я не нашел бы дороги. Почему это так? В квартире ремонт? (С. 293)

Вспомним строки из «Спекторского» (кстати, там в доме Ильиной всюду, кроме ее квартиры, идет ремонт), описывающие первый приход героя в дом Марии Ильиной:

...Когда сторонний в этом лабиринте,
Он сосвежу и точно стал в тупик...²⁷

И спустя годы Спекторский в «амбаре, где шла разборка гардеробов» «увидал маринин лабиринт»²⁸.

Необходимо напомнить, что миф об Ариадне и Тезее принадлежал к излюбленным мифам Цветаевой («Не Ариадна я и не ... утрата»²⁹, писала она в одном из стихотворений, обращенного к Пастернаку цикла «Провода» 1923 года).

«Доктор Живаго» — «Поэма Горы» и «Поэма Конца»

Сам дом, где жила Лара в Юрятине, стоящий на горе (это становится понятно из описания противоположного дома, фундамент которого «спускается под гору», а украшающие его «фигуры» — «кариатиды» и «статуи» смотрят «на расстилающуюся внизу Купеческую улицу»), очевидно ассоциируется с «домом на верху горы» («домом на горе») ³⁰ цветаевской «Поэмы Конца», которой Пастернак был так захвачен весной 1926 года. Смутные, мифические очертания города Юрятин также, видимо, соответствуют «полуреальной», по выражению В. Швейцера³¹, Праге «Поэмы Горы» и «Поэмы конца». «За-город» «Поэмы Конца», как место любовных свиданий, также соблазнительно сопоставить с недолгим пребыванием Живаго и Лары вместе в Варыкине. Несомненно близки строки «Поэмы Конца» о «выкрестах» и «иудах вер», о «еврейском квартале», «жизни» и «еврейском погроме»³² и, связанные с еврейскими погромами в Юрятине и ее двойственности в отношении к ним, рассуждения Лары:

Люди, когда-то освободившие человечество от ига идолопоклонства и теперь в таком множестве посвятившие себя освобождению его от социального зла бессильны освободиться от самих себя, от верности отжившему допотопному наименованию, потерявшему значение, не могут подняться над собой и бесследно раствориться среди остальных, религиозные основы которых они сами заложили и которые были бы им так близки, если бы они их лучше знали (С.298)

Помимо параллелей с этими поэмами напрашивается аналогия с «Крысоловом», — вспомним, Лара подчеркивает, что она рассчитывает на помощь Живаго в войне с крысами, которыми кишит ее юрятинский дом, а Живаго, подобно герою «Крысолова», претендует на лучшую «невесту» Юрятин — Лару.

«Встречи» в снах

Незадолго до встречи с Ларисой Федоровной в Юрятине Живаго записывает свой сон:

Сон вылетел из головы, в сознании осталась только причина побуждения. Меня разбудил женский голос, который слышался во сне, которым во сне оглашался воздух. (С.280)

Проснувшись, он не может вспомнить, кому из его знакомых женщин принадлежит этот голос и, лишь встретившись с Ларой, понимает, что голос — ее. 19 ноября 1922 года Цветаева писала Пастернаку: «Мой любимый вид общения — потусторонний: сон, видеть во сне»³³.

Также и в поэме «С моря» (1926), обращенной к Пастернаку, читаем:

...Из своего сна
Прыгнула в твой.
Снюсь тебе. Четко?...³⁴

В одном из стихотворений упоминавшегося цикла «Провода»:

Авось, увидимся во сне...³⁵

Тема «общения во сне», «через сон» возникает неоднократно и в опубликованной переписке Пастернака и Цветаевой 1926 года. Вновь тот же мотив возникает в романе, когда «умиротворение и ширь» приходят в стихи, обращенные к Ларе, которые пишет навсегда расставшийся с ней Живаго:

Как утешение, лично посланное ему с дороги едущей, как далекий ее привет, как ее явление во сне. (С.447)

«Телеграфные провода»

В недавно опубликованном первоначальном варианте 7-й главы 12-й части Живаго вспоминает разговоры с Ларой:

Два сознания объяснялись друг с другом при помощи мгновенных искр и озарений, как ведут далекие шифрованные переговоры по телеграфу³⁶.

Мотив общения по телеграфу присутствует в большей части стихотворений цикла «Провода»:

...Телеграфное: лю-ю-блю.
...Телеграфное: про-о-щай...³⁷
...Гудят моей высокой тяги
Лирические провода...³⁸

и т. д.

Примечательно, что к этим мыслям о Ларе Живаго обращается, слушая солдатку Кубариху, которая сперва заговаривает большую корову, а затем предлагает приворожить к владелице коровы «хощь Колчака», «хощь Стрельникова». Вспомним одно из стихотворений цикла «Провода»:

Не чернокнижница! В белой книге
Долей донских наострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,

Выстрадаю — и верну назад...
...Сдайся! — Еще ни один не спасся
От настагающего без рук...³⁹

«Морская» символика

Также лишь в первоначальном варианте сохранились слова Живаго в 13-й главе 13-й части:

...Вот как я изображу тебя. Я положу черты твои на бумагу, как после страшной, взрывающей до основания бури откладывает море след предельного своего прибоа глубоко вдавшегося в сушу ломанной линией на песке берега. Это нанос самого легкого и невесомого, что могли поднять со дна морской души <...> волны⁴⁰.

Вся морская символика приведенного отрывка ассоциируется с именем Цветаевой (а также и с обращенной к Пастернаку поэмой «С моря»; в свою очередь поэмой «С моря» тесно связано и непосредственно зависящая от этого фрагмента романа стихотворение «Разлука» из стихов Юрия Живаго, — «И почему ему на ум / Все мысль о море лезет»). Исчезновение же обоих цитированных отрывков из основного текста, также как и имя Марина, которое носит последняя жена Юрия Андреевича, находит объяснение в самом романе:

Он [Живаго] пил и писал вещи, посвященные ей, но Лара его стихов и записей, по мере вымарок и замены одного слова другим, все дальше уходила от истинного своего первообраза <...>. Эти вычеркивания <...> отвечали внушениям внутренней сдержанности, не позволявшей обнажать слишком откровенно лично испытанное и не вымышленно бывшее, чтобы не ранить и не

задевать непосредственных участников написанного и пережитого. (С.447)

«Ревность»

Е.Б.Коркина приводит в качестве комментария к стихотворению «Попытка ревности» цветаевскую запись 1928 года: «<...> К лицу ревновать не будешь, сам полюбишь. Гете не может ревновать к Бетховену — вздор! Либо: не та ревность, боль — иного качества: боль — восторг, за которую благодарность.

Но ревность Гете к помощнику садовника <...>

И чем нулевее соперник — тем полнее ревность: Пушкин — Дантес <...>⁴¹

Несомненна близость к этим рассуждениям слов Живаго, обращенных к Ларе:

Мне кажется, сильно, смертельно, со страстью я могу *ревновать* только к *низшему*, далекому. Соперничество с высшим вызывает у меня совсем другие чувства <...> при столкновении с художником, который покори́л бы меня превосходством своих сил в сходных со мною работах. Я, наверное, отказался бы от своих поисков, повторяющих его попытки, победившие меня. (С.393)

Эти рассуждения о ревности в отношениях между Живаго, Ларой, Стрельниковым и Комаровским приобретают дополнительную окраску, если вспомнить, что в двух последних выделяются прототипические черты Маяковского⁴². Я не буду здесь анализировать как все эти линии отношений в романе накладываются на отношения Цветаевой к Пастернаку и Маяковскому и Пастернака к ним обоим, — это слишком большая отдельная тема. Однако несомненно, что последние строки приведенной здесь цитаты имеют прямое отношение к мотивам, по которым Пастернак последовательно отказывался от поприща художника, музыканта, философа, а познакомившись с Маяковским, думал отказаться и от стихотворства⁴³. Не думал ли вновь Пастернак в конце двадцатых о расставании с литературой? Может быть, по первоначальному замыслу в третьей части «Охранной грамоты» Пастернак предполагал распрощаться с литературой, как в первой — описано прощание с музыкой, а во второй — с философией? Судьба его сложилась иначе. Третья часть «Охранной грамоты» оказалась посвященной смерти Маяковского, а для Пастернака, напротив, наступило «Второе рождение» вместе со встречей с новой возлюбленной — второй женой.

Можно предположить наличие диалога с Цветаевой в написанных в то время пастернаковских «Волнах»:

Ты рядом даль социализма<...>

Ты — край, где женщины в Путивле

Зетзицами не плачут впредь

И я всей правдой их счастливилю,

И ей не надо прочь смотреть⁴⁴.

Я не располагаю данными о том, что в начале тридцатых в Москве был известен «Лебединый стан», но, по утверждению самой Цветаевой (очерк «Герой труда»), стихи о Ярославне («женщине в Путивле») она читала в декабре 1920 года в Москве на вечере поэтесс.

Параллели

«литературно-биографические»

Для Цветаевой известие о женитьбе Пастернака было ударом⁴⁵. Она окончательно уверилась, что хоть они и предназначены друг для друга, но жизнь их всегда роковым образом разделяет⁴⁶. Мотив роковой разъединенности и до этого присутствовал в стихах Цветаевой обращенных к Пастернаку (например, цикл «Двое», 1924), этот же мотив определяющий в описании отношений Спекторского и Ильиной, и, наконец, на роковой разъединенности как бы специально друг друга созданных Лары и Юрия Андреевича построен весь роман «Доктор Живаго».

«Не-встреча» в Париже в 1935 году, о которой я писал выше, подвела финальную черту под заочным романом двух русских поэтов XX столетия.

О.Раевская в упоминавшейся работе отметила сходство расставания Юрия Живаго с Ларой, когда он не находит в себе мужества попрощаться с нею, и письма Цветаевой к Пастернаку, написанного после парижского «расставанья»: «О Вашей мягкости: вы ею — откупаетесь, затыкаете этой гигроскопической ватой дыры ран Вами наносимых... О, Вы добры, Вы при встрече не можете первыми встать, ни даже откашляться для начала прощальной фразы — “чтобы не обидеть”. Вы “идете за папиросами” и исчезаете навсегда и оказываетесь в Москве, Волхонка, 14 или еще дальше»⁴⁷.

* * *

Прочитую в конце первое письмо Цветаевой к Пастернаку 1922 года: «<...> Когда-то (в 1918 г. весной) Мы с Вами сидели рядом за ужином у Цетлинов. Вы сказали: “Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней — как Бальзак”<...>»⁴⁸

Примечания

¹ Среди последних работ необходимо выделить статью И.П. Смирнова «Двойной роман: (О «Докторе Живаго»)», где с изяществом и безупречностью доказательства математической теоремы вскрывается целый пласт черт В.В.Маяковского в Викторе Ипполитовиче Комаровском — «злом гении» главных героев романа. // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 27.

² Грани. 1965. №58. С.26.

³ Автограф в домашнем собрании автора этих строк.

⁴ Нева. 1990. №2. №4.

⁵ Знамя. 1990. №2.

⁶ См. в подготовленной нами книге: Письма Б.Л.Пастернака к жене З.Н.Нейгауз-Пастернак. М., 1992 (в печати).

⁷ См. об этом подробнее в нашей вступительной заметке к публикации двух писем Пастернака к З.Н.Пастернак «Сестра моему дарованию» // Независимая газета. 1992. 5 марта. С.7. Практически вся аргументация повторена в публикации М.И.Фейнберг и Н.А.Пастернак «В центре как всегда — ты» // Арт-фонарь. 1992. №1.

⁸ См., наприм., наши с Е.В.Пастернак комментарии — Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. Т.1., 1989. С.666.

⁹ Там же. Т.4. С.341.

¹⁰ История жизненных и творческих отношений Цветаевой и Пастернака была подробно рассмотрена в прекрасной статье О.Раевской «Борис Пастернак и Марина Цветаева: К истории дружбы» // Вестник РСХД. 1971. №100. Позже эта тема была дополнена публикацией писем Цветаевой к Пастернаку (Цветева М. Неизданные письма. Париж, 1972), их тройственной переписки с Р.М.Рильке 1926 года, воспоминания дочери Марины Ивановны — Ариадны Эфрон и рядом других публикаций писем (прежде всего писем Цветаевой к Р.Н.Ломоносовой. — (Минувшее: Исторический альманах. Вып.8. Париж, 1989; Москва, 1992) и мемуаров. См. также: Thomson R.D.V. Cvetaeva and Pasternak: 1922-1924 // Boris Pasternak and His Times. Berkley, 1989. P.55.

¹¹ Литературная газета. 1992. 2 сент. №36. С.6. (Публикация М.Фейнберг и Ю.Клюкина).

¹² См., Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С.184.

¹³ Пастернак Б. Собр.соч. в 5 тт. Т.3.М.,1990.С.110 (Далее все ссылки на роман по этому изданию, номера страниц будут указаны в скобках после конца цитаты).

¹⁴ Там же, С.312.

¹⁵ См. комментарии Л.Поликовской и М.Долговой в кн.: Цветаева М. «За всех — противу всех». М., 1992. С.348.

¹⁶ Швейцер В. Указ. соч. С.272.

¹⁷ Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М., 1989. С.51.

¹⁸ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С.209.

¹⁹ Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. Т.2. М., 1989. С.48.

²⁰ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990 (БПбс). С.350.

²¹ Раевская О. Борис Пастернак и Марина Цветаева: К истории дружбы // Вестник РСХД. 1971. №100.

²² Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. Т.1. М., 1989. С.359.

²³ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С.403.

²⁴ Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. Мюнхен, 1981. С.163.

²⁵ Цветаева М. Неизданные письма. Париж, 1972. С.291.

²⁶ Пастернак Б. Собр.соч. в 5 тт. Т.1. С.362.

²⁷ Там же. С.359.

²⁸ Там же. С.370.

²⁹ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С.326.

³⁰ Цветаева М. Сочинения в 2 тт. Т.1. М., 1980. С.376.

³¹ Швейцер В. Указ. соч. С.312.

³² Цветаева М. Сочинения в 2 тт. Т.1. М., 1980. С.393.

³³ Цветаева М. Неизданные письма. Париж, 1972. С.271.

³⁴ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С.542.

³⁵ Там же. С.330.

³⁶ Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. Т.3. М., 1990. С.604.

³⁷ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С.325.

³⁸ Там же. С.327.

³⁹ Там же. С.328.

⁴⁰ Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. Т.3. М., 1990. С.613. См. в этой связи: Карлинский С. Пастернак, Пушкин и океан в поэме Марины Цветаевой «С моря» // Boris Pasternak and His Times. Berkley, 1989. P.55.

⁴¹ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С.740.

⁴² Смирнов И.П. Двойной роман: (О «Докторе Живаго») // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 27. S.123.

⁴³ См. об этом в чрезвычайно интересных работах Б.Каца — «... Музыкаль хлынув с дуги бытия»: Заметки к теме «Борис Пастернак и музыка» // Литературное обозрение. 1990. №2. С.82., и «Пробужденный музыкой» — вступительная статья к составленной им книге «Раскат импровизаций: Музыка в творчестве, судьбе и доме Бориса Пастернака». Л., 1991. С.21-22.

⁴⁴ Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. Т.1. М., 1989. С.381.

⁴⁵ Об этом она писала в Лондон их общей знакомой Р.И.Ломоносовой — Минувшее. Вып.8. М., 1992. С.245-247.

⁴⁶ См. об этом в указанной работе О.Раевской, с.285.

⁴⁷ Новый мир. 1969. №4. С.198.

⁴⁸ Цветаева М. Неизданные письма. Париж, 1972. С.266.

А.Т.Никитаев

Ничевоки: материалы к истории и библиографии

С деятельностью российских ничевоков ассоциируется обычно лишь несколько анекдотов из литературного быта 20-х годов и в значительной мере бессодержательные сопоставления их с дадаистами Запада. Иногда даже в серьезных работах можно встретить самые фантастические сведения о ничевоках: о том, что их «вождем» был А.Н.Чичерин (конструктивист); о том, что ничевоками были футурист Василиск Гнедов и «беспредметница» Нина Хабиас; о том, что ничевоки писали стихи только из нецензурных слов; о том, что ничевоки вообще ничего не писали; и тому подобное. Труднодоступность сборников ничевоков и скудость литературы о них объясняют такую ситуацию, но не должны ее оправдывать. Слишком малый объем известного нам сегодня поэтического наследия ничевоков не позволяет дать их творчеству окончательную оценку, хотя традиционная квалификация их как эпигонов имажинизма представляется справедливой. Однако ничевоки оставили достаточно заметный след в литературе XX века — прежде всего своими манифестами.

Ввиду того, что в литературе нет до сих пор ни одной обзорной работы о группе ничевоков, приведем краткую хронику ее деятельности.

1919, август — Рюрик Рок, будущий глава группы, избирается в состав президиума Всероссийского союза поэтов.

1920 — В издательстве «Хобо» в Москве выходит сборник ничевоков «Вам», включающий манифест и стихи Р.Рока, А.Ранова и Л.Сухаребского. Позже этот сборник был аннулирован группой (объявлен сборником 00).

— Р.Рок едет в Ростов н/Д, где организует «Кафе поэтов» (здесь выступали, в частности, В.Хлебников, С.Есенин, А.Мариенгоф и др.)

август — Организационное оформление группы в Ростове н/Д: этим месяцем датированы и все ростовские манифесты.

сентябрь — Внутренняя рецензия В.Брюсова на книгу стихов «От Рюрика Рока чтения» для Госиздата РСФСР; книга вышла в 1921 году в издательстве «Хобо» в Москве.

1921, апрель-июль — Московские манифесты ничевоков.

1921, сентябрь — 1922, январь — выступление на «Двенадцатилетнем юбилее Владимира Маяковского», «Вечере всех поэтических школ и групп» и «Чистке поэтов» в Политехническом музее в Москве.

1922 — Выход сборника декретов-манифестов «Собачий ящик, или Труды Творческого Бюро Ничевоков в течение 1920-1921 гг.»; 2-е издание вышло в конце 1922 года. Четырехстраничное «Бесплатное приложение» ко 2-му изданию было направлено против Маяковского. Здесь, в частности, было опубликовано «Открытое письмо Маяковскому» Петра Митурича, в котором поэт обвинялся в утаивании рукописей Хлебникова. Вторично это письмо было опубликовано И.И.Альвэком: Альвэк. Нахлебники Хлебникова: Маяковский — Асеев // Хлебников В. Всем. Ночной бал. М., 1927. Отклики на него см. ниже в библиографии.

— В Петрограде в результате несчастного случая гибнет Генеральный Секретарь Творничбюро С.Садиков.

1923 — Выход сборника «диалектических поэм» Р.Рока «Сорок сороков» и его перевода кино-поэмы «Чаплиниада» дадаиста Ив.Голля.

— Р.Рок обвинен в подделке печати Всероссийского союза поэтов; распад группы.

Биографические сведения о некоторых участниках группы крайне скудны или вообще отсутствуют.

Рок Рюрик (наст. имя Геринг Рюрик Юрьевич) (1898, Варшава — 1930-е гг.?, Германия?) в 1926 г. в соавторстве со своим братом Марианом опубликовал книгу: Геринг М., Рок Р. Хэп, Хэп, мистер! Очерки искусства Америки. М.: Пролеткульт, 1926. Книга представляла собой обзор экономической ситуации, быта, театра и кино США и была написана на материале корреспонденций М.Геринга из Чикаго, где он работал режиссером в ряде театров. Во второй половине 20-х годов Р.Рок жил в Берлине, откуда информировал Мейерхольда о немецкой театральной жизни. В 1930-е годы следы его теряются.

Мар Сусанна [наст. имя Чалхушьян Сусанна Георгиевна] (14(26) февраля 1900, Ростов н/Д — 27 октября 1965, Москва) — поэтесса и переводчица, впоследствии жена писателя, переводчика и исследователя английского театра И.А.Аксенова; близкий друг Анны Ахматовой и Н.Я.Мандельштам. См. о ней бблгр. № 42.

Эрберг Олег Ефремович (28 июля (9 августа) 1898, Ростов н/Д — 2 марта 1956, Москва) — впоследствии востоковед, работник советских консульств в Иране и Афганистане, писатель (автор «Афганских рассказов»).

Земенков Борис Сергеевич (1902 — 13 ноября 1963, Москва) — в 1919-1921 — участник группы «экспрессионистов», автор кн.: Стеорин с проседью: Военные стихи экспрессиониста. [М], 1920; Корыто умозаключений: (Экспрессионизм в живописи). [М], 1920. См. также его стихотворения в сб.: Земенков Б., Краевский А., Шершеневич В. От мамы на пять минут / Ред. [и ил.] Б.Земенкова. [М., 1921] С.5-14. Впоследствии — художник, оформитель выставок; в течение многих лет — исследователь истории городской культуры Москвы XIX — начала XX веков, автор ряда капитальных работ в этой области.

Сухаревский Лазарь Маркович (р. в 1899) — впоследствии доктор медицинских наук, автор многих книг и брошюр о проблемах памяти, сна, пропаганды медицинских знаний и др. В 1980-е годы — директор Общественного института ювенологии (Москва).

Ранов Аэций (Александр Исаакович) — врач, впоследствии жил и работал в Перми и на Украине. Автор кн.: Театр санпросвета на Украине. Харьков, 1930 и Страж

здоровья: Из истории санитарно-эпидемиологической службы Курганской области. Челябинск, 1968. См. о нем бблгр. № 62.

Николаева Елена Александровна — жена А.Ранова. В сб. «Вам» (бблгр.№1, IV с.обл.) и в справочнике А.Тарасенкова «Русские поэты XX века» (М., 1966) указан ее сб.: Змеиные крыльца: Стихи. Тифлис: Хобо, 1918. 20 с., обнаружить который не удалось.

Садиков Сергей Владимирович (? — 1922, Петроград) — поэт; 30 августа 1920 г. назначен Главным секретарем Творческого Бюро Ничевоков; редактор «Собачьего Ящика». Автор несохранившейся поэмы «Евангелие рук». О нем и его трагической гибели см. бблгр. №№ 49, 59 (с.686).

Уманский Дэвис — организатор (вместе с Р.Роком) «Кафе поэтов» в Ростове н/Д (1920). Известно одно его стихотворение «доничевоческого» периода: Баррикады («Мозолистой рукой...») // Сирена. Воронеж, [1918]. №1. Стб.9-10.

Агабабов Мовсес И. — представитель тифлисского книгоиздательства «Хобо» в Москве; на обл. сб. «Вам» и в справочнике А.Тарасенкова даны несколько различающиеся сведения о его сб.: За лошадьми на велосипедах. Тифлис: Хобо, 1918. [42 с.]. [2-е изд.?), обнаружить который не удалось.

В Ростове-на-Дону с группой ничевоков был тесно связан поэт Владимир Филов (не участвовавший непосредственно в коллективных сборниках ничевоков). Ему посвящена поэма Р.Рока «Requiem Aeternam». Четыре стихотворения Вл.Филова, датированные 1918 годом, были опубликованы в сб.: Вот: Ин.Крашенинников. Илья Березарк. [и др.]. Ростов н/Д: Всероссийский Союз поэтов (Рост. н/Д. отделение), 1921. С.37-41. В начале 1922 г. им была выпущена теоретическая брошюра: Филов В. Кукиш ничевока. Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. РОСТА. 1922. Вскоре он отошел от «ничевочества», став профессиональным журналистом (псевд. М.Вострогин; его очерки, статьи и др. материалы печатались в ростовских газетах 1920-х годов; см. также кн.: Вострогин М. Что и как фотографировать рабкору. М.: Огонек, 1930). Выведен в образе Вадима Железного в «Сентиментальном романе» В.Пановой (1958). См. бблгр. № 41 (с.22-27).

В нижеследующую библиографию, помимо сборников, указанных самими ничевоками в качестве программной продукции группы, мы включили и книги, которые

выходили вне рамок издательской деятельности группы ничевоков, но содержали стихи ее участников. С другой стороны, в библиографию не включены книги фуистов (Б.Перелешина, Н.Лепока, Б.Несмелова), вышедшие в издательстве «Хобо» в апреле 1923 года, но не связанные прямо с выступлениями ничевоков.

I. Публикации текстов

1. Вам / Редакция Л.М.Сухаребского. — М.:Хобо, 1920. — 20 с. — Тир. не указан. — (От ничевоков чтение).

На обл.: Азций Ранов. Рюрик Рок. Лазарь Сухаребский. Вам — М.: Хобо; Представитель в Р.С.Ф.С.Р. Мовсес Агабабов, 1920. — (Ничевоки).

Содержание: Агабабов М., Ранов А., Сухаребский Л. Манифест от ничевоков; Ранов А. Прелюдия к «Мертвому человеку» («Дал удар в дар годов...»); «Золоту чуши пропасть...»; «Возьму вашу силу...»; «Рана губ ваших кровотоцит...»; «И я опоздал к сожалению...»; [Рок Р.] От Рюрика Рока чтения: Ага... («Напрасно бьетесь вы в извивах...»); «Волить, волить красное и кровавого...»; «Как в лугах незабудок — небе...»; Сухаребский Л. Regretium mobile («Грохочет буфер шатаясь...»); Я («Я вождь мировых мечтаний...»).

2. [Рок Р.] От Рюрика Рока чтения: Ничевока поэма. — М.:Хобо, 1921. — 15 с. — Тир. не указан.

Обл.: Миллер Г.

3. Эрберг О. «Мы торговали воском и ладаном...»; «В тумане фонари тяжелы и неярки...» // СОПО [Союз Поэтов]: Первый сборник стихов. — [М., 1921] (На обл.: РСФСР. Четвертый год первого века). — С.28-29.

По заявлению О.Эрберга, в этом сборнике он представлен как «акмеист» без его ведома и согласия (см. №4, с. 13).

4. Труды Творческого Бюро Ничевоков. — М.: Хобо, 1922. — Вып.1. — 16 с. — Тир. 500.

На обл.: Собачий Ящик или Труды Творческого Бюро ничевоков в течение 1920-1921 гг. / Под ред. Главного Секретаря Творничбюро С.В.Садикова. — М.: Хобо, 1921. — Вып.1. — (Ничевоки).

Содержание: В Собачий Ящик введение; Мар [С.], Николаева [Е.], Ранов [А.], Рок [Р.], Уманский [Д.], Эрберг [О.]. Приказ по организационной части; Игра Природы или Дончека на страже интересов Ничевочества: (Истинное происшествие); Мар С., Николаева Е., Ранов А., Рок Р., Эрберг О., Садиков С., Земенков Б. Декрет

о Ничевоках Поэзии; Земенков Б. Декрет о Живописи; Крокодилова слеза: (Ничевоков о Ничевоках); Садиков С. Похороны по последнему разряду; Земенков Б., Николаева Е., Ранов А., Рок Р., Эрберг О., Садиков С. Декрет об отделении Искусства от Государства; От Творничбюро Российского Становища Ничевоков; Воззвание к Дадаистам; Дела Российского Становища Ничевоков: (Архив); Замена литналога литразверсткой.

5. То же. — 2-е изд. — М.: Хобо, [1922]. — Тир. 300.

На обл.: Собачий Ящик. — Книгоиздательство «Хобо», 1923. — (Ничевоки). — Марка изд. раб. Б.Земенкова.

Основной корпус сборника идентичен 1-му изд.; на II с. обл.: Редакция. Предисловие ко второму изданию.

Вкладыш: Бесплатное приложение к Собачьему Ящику. — Книгоиздательство «Хобо» при Творческом Бюро Ничевоков. — 4 с. — Тир.75.

Содержание: Поругание мощей искусства; Земенков Б., Рок Р., Садиков С., С.В.О.Л.О.Ч. или Постановление Ревтрибунала Ничевоков по делу чистки Маяковским сапог поэзии; Митурич П. Открытое письмо Маяковскому / [Предисл. и послесл. Творничбюро].

6. Мар С. Абем. — М.: Показат. типогр. Пром.-показат. выставки ВСНХ, 1922. — 32 с. — Тир. 500.

Обл.: Г.Якулов.

7. [Рок Р.] Сорок сороков: Диалектические поэмы ничевоком содеянные. — М.: Хобо, 1923. — 32 с. — Тир. 1000.

На обл.: Рюрик Рок. Сорок сороков: Поэмы. — 1923.

Обл.: Земенков Б.

Содержание: Необходимое предисловие; Книги Рюрика Рока, От Рюрика Рока чтения («Не дрогнет бровь и губы стыннут строго...»); Requiem Aeternam («Так же просто, как едет...»); Сорок сороков («Васил<ий> Блаженный...»); Фармазоны («Взошел. Зрачки твои ширятся...»).

8. Голль И. Чаплиниада: Кино-поэма / Пер. с нем. и предисл. Р.Рока // Современный Запад: Журнал литературы, науки и искусства. — Пб.; М.: Всемирная литература; Гос. изд-во, 1923. — Кн.3. — С.64-78.

Указанное в №7 (с.4) отдельно издание: Чаплиниада. Кино-поэма Ивана Голля, перевод Р.Рока. К-во Театральная библиотека. Москва 1923 год — разыскать не удалось.

9. От символизма до «Октября» / Сост. Н.Бродский и Н.Сидоров. — [М.]: Новая Москва, 1924.

Из содерж.: Агабабов М., Ранов А., Сухаревский Л. Манифест от ничевоков. — С.233-234; Мар С. [и др.]. Декрет о ничевоках поэзии. — С.234-235.

Перепеч. из №№ 1,4.

10. В Политехническом «Вечер новой поэзии»: Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом. 1917-1923. Статьи. Манифесты. Воспоминания / Сост. В.Муравьев. — М.: Моск. рабочий, 1987.

Из содерж.: Рок Р. Ага... («Напрасно бьетесь вы в извивах...»); «Как в лугах незабудок — небе...»; Сорок сороков («Василий Блаженный...»). — С.190-195; Мар С. [и др.]. Декрет о ничевоках поэзии. — С.327-328; Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии. — С.299; Фефер В. Смотр поэтических школ. — С.334; Миндлин Э. «Чистка поэтов». — С.340-341; Фурманов Д. «Чистка поэтов». — С.349.

Перепеч. из №№ 1,7,4,16,52,43,14.

11 Забытый авангард: Россия. Первая треть XX столетия: Сб. справочных и теоретических материалов / Сост. К.Кузьминский, Дж.Янчек, А.Очеретянский. — Wien, [1988]. — (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 21).

Из содерж.: Агабабов М., Ранов А., Сухаревский Л. Манифест от ничевоков. — С.131; Брюсов В. [Внутр. рец. на рукопись кн.: Рок Р. от Рюрика Рока чтения]. — С.133; Наркевич А. Мар, Сусанна Георгиевна. — С.134; Ройзман М. [Сергей Садиков]. — С.135; Гордеева Н. [Владимир Филов]. — С.136.

Перепеч. из №№ 1,36,42,49,41.

II. Литература о ничевоках

12. Шершеневич В. Ритмический ландшафт. («Занозу тела из города вытащил. В упор...») // Шершеневич В. Лошадь как лошадь: Третья книга лирики. — М.: Плеяда, 1920. — с. [23] (нумер.).

Стихотворение посвящено Р.Року; датировано августом 1919 г.

13. [Городецкий С. Рец.: От Рюрика Рока чтение. М.: Хобо, 1921] // Искусство. — Баку, 1921. — №1. — Стб.40.

14. Фурманов Д. «Чистка поэтов» // Рабочий край. — Иваново-Вознесенск, 1922. — №29, 5 февраля.

Перепеч.: Фурманов Д. Из дневника писателя. — М.: Мол.гвардия, 1934. — С.70; Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. — М.: Гослитиздат, 1959. — Т.12. — С.461; Фурманов Д. Собр. соч.: В 4 т. — М.: Гослитиздат, 1961. — Т.3. — С.280; см. также № 10.

Первый вечер «Чистка современной поэзии» 19 февраля 1922 г.; запись датирована 23 января 1922 г.

15. Анибал Б. [Рец.]: «Ничевоки. “Собачий Ящик” или Труды Творческого Бюро ничевоков в течение 1920-21 гг.» Под ред. Гл. секретаря Творничбюро С.В.Садикова. Вып. 1. Москва, «Хобо», 1922, стр. 16, тираж 500 экз. // Утренники / Под ред. Д.А.Лутохина. — Пб.: Изд. М.С.Кауфман и Д.А.Лутохина, 1922 (июнь). — Кн. 2. С.154-155.

16. Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Печать и революция. — 1922. — Кн.7. — С.61.

Перепеч.: Брюсов В. Собр.соч.: В 7 т. — М.: Худож. лит., 1975. — Т.6: Статьи и рецензии 1893-1924. — С.522; Брюсов В. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. — М.: Сов. писатель, 1990. — С.599, 705 (коммент.); и др. См. также № 10.

Отзыв о №№ 1, 2.

17. Болотин Л. Литературная Москва // Абракас. — Пб., 1922 (октябрь). — [Кн.1]. — С.57.

Отзыв о № 4.

18. Джон. «Ничевоки» в Петрограде // Красная газета. — 1922. — №34; 2 ноября. — Веч.вып.

19. Эренбург И. А все-таки она вертится. — М.; Берлин: Геликон, 1922. — С.43. Ничевоки и Дада. См. также рец. Л.Розенталя // Печать и революция. — 1922. — Кн.8. — С.253.

20. Брюсов В. Среди стихов: О.Мандельштам [и др.] // Печать и революция. — 1923. — Кн.6. — С.68.

Перепеч.: Брюсов В. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. — М.: Сов. писатель, 1990. — С.646.

Отзыв о №7.

21. Ивнев Р. Литературные манифесты // Гостиница для путешествующих в прекрасном / Редактор Коллегия имагинистов. — М.: Изд. «Ассоциация вольнодумцев», 1924. — №4. — С.14.

Отзыв о манифестах ничевоков, перепечатанных в №9.

22. Эфрос А. Дада и дадаизм // Современный Запад: Журнал литературы, науки и искусства. — Пб.; М.: Всемирная литература; Гос. изд-во, 1925. — Кн.3. — С.125.

Ничевоки и Дада.

23. Никитина Е. Русская литература от символизма до наших дней: Литературно-социологический семинарий. — М.: Никитинские субботники, 1926. — С.141.

Библиография текстов ничевоков.

24. Грузинов И. С.Есенин разговаривает о литературе и искусстве. — М.: Всерос.

Союз поэтов. 1927. [на обл.: 1926]. — С.10, 11.

Перепеч. (сокращ.): Воспоминания о Сергее Есенине: Сб. — М.: Моск. рабочий, 1965. — С.276, 278; То же. — [2-е изд.] — С.274, 276; С.А.Есенин в воспоминаниях современников. — М.: Худож. лит., 1986. — Т.1. — С.369, 371.

Выступление ничевоков в кафе «Домино» (1921 г.)

25. Шугаева Н. Чистка поэтов: Страницка из истории новейшей литературы // Читатель и писатель. — М., 1928. — №3, 1 февраля. — С.3.

Первый вечер «Чистка современной поэзии», 19 января 1922 г.

26. Силлов В. Шапочный разбор лесов // Новый ЛЕФ. — 1928. — №11. — С.39. Полемиический отклик на письмо П.Митурича (см. №5).

27. Сельвинский И. Пословица («Лицо-то девичье...») // Сельвинский И. Записки поэта: Повесть. — М.; Л: Гос. изд-во, 1928. — Вклейка между С.24-25.

Предположительно эпиграмма на Р.Рока.

28. Живой Маяковский: Разговоры Маяковского / Записал и собрал А.Крученых. — М.: Изд. группы друзей Маяковского, 1930. — [Вып.1]. — С.4.

Вечер «Чистка поэтов».

29. Хлебников В. Собрание произведений: В 5 т. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. — Т.5. — С.260, 354, 355 (коммент).

Выступление В.Хлебникова в Ростове на Дону «в «Кафе поэтов», на литературном вечере под председательством Р.Рока, август (?) 1920 г.» См. также: Григорьев В. Грамматика идиостилия: В.Хлебников. — М.: Наука, 1983. — С.151.

30. [Б.п.] Ничевоки // Литературная энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1934. — Т.8. — Стб. 108.

31. Шкловский В. О Маяковском. — М.: Сов. писатель, 1940. — С.167.

Перепеч.: Шкловский В. Жили-были. — М.: Сов. писатель, 1964. — С.325-326; То же. — [2-е изд.]. — С.373-374; [Отр.]: Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. — 5-е изд, доп. — С.215.

Ничевок (имя не указано) на «Двенадцатилетнем юбилее» В.Маяковского, 19 сентября 1921 г.

32. Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Правда. — 1946. — 21 сентября; То же — М.: Гослитиздат, 1946. — С.15; и др.

33. [Афиша «Вечера всех поэтических школ и групп» в Политехническом музее 17 октября <1921 г.>, фото] // Советская литература: Путеводитель по выставке фондов. — М.: Сов.Россия, 1958. — (Гос. литературный музей). — С.25. — То же // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. — М.:

Худож. лит., 1975. — Т.6. — Вклейка между С.352-353.

Текст афиши см. также в № 56, С.217.

34. Маяковский В. Записи к выступлению на первом вечере «Чистка современной поэзии» // Маяковский В. Поли. собр. соч.: В 13 т. — М.: Гослитиздат, 1961. — Т.13. — С.175, 388 (коммент.).

35. Динерштейн Е. [Комментарий] // Есенин С. Собр. соч.: В 5 т. — М.: Гослитиздат, 1962. — Т.5: Автобиографии, статьи, письма. — С.337, 394.

Прием Р.Рока в члены «Дворца искусств» по рекомендации С.Есенина; о публикации письма П.Митурича в №5.

36. Брюсов В. [Внутр. рец. на рукопись кн. «От Рюрика Рока чтения», для Госиздата РСФСР] // Лит. Россия. — 1963. — №51, 20 декабря. — С.19.

Датир: 22 сентября 1920 г.

37. Березарк И. Встречи с В.Хлебниковым // Звезда. 1965. — №12. — С.173-176.

Выступление В.Хлебникова в ростовском «Кафе поэтов» организованном Р.Роком. См. также №47.

38. Каверин В. «Здравствуй брат. Писать очень трудно...»: Портреты, письма о литературе, воспоминания. — М.: Сов. писатель, 1965. — С.179.

Ничевоки на вечере буриме в «Стойле Пегаса». См. также № 50.

39. Goriely B. Dada en Russie // Cahiers de l'association internationale pour l'etude de dada et du surrealisme. — Paris, 1966. — №1. — P.38-39.

Ничевоки и Дада, отзыв о №№ 4, 5, включает перевод на французский язык «Воззвания к Дадаистам» из № 4.

40. Цветаева М. Пленный дух: (Моя встреча с Андреем Белым) // Москва. — 1967. — №4. — С.123-125; То же // Цветаева М. Сочинения: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т.2: Проза. — С.272-275; и др.

Впервые: Современные записки. — Париж, 1934. — №55.

Беседа ничевоков с Андреем Белым <1920 г.>.

41. Гордеева Н. Литературный Ростов 20-х годов. — Ростов: Изд-во Рост. Ун-та, 1967. — С.17, 20-21.

Ничевоки в Ростове на Дону, 1920-1922 гг.

42. Наркевич А. Мар, Сусанна Георгиевна. // Краткая литературная энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия. 1967. — Т.4. Стб. 597-598.

43. Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М.: Сов. писатель, 1968. — С.64, 102-103; То же. — 2-е изд. — М.: Сов. писатель, 1979. — С.72, 114-115.

О №4; о вечере «Чистки поэтов» 1922 г.

44. Markov V. Expressionism in Russia // California Slavic Studies. — Berkeley, 1971. — Vol.6. — P.153.
О манифесте ничевоков в №1.
45. Березарк И. Из литературных воспоминаний // Звезда. — 1969. — №2. — С.185-186.
Ничевоки в Ростове на Дону; «Кафе поэтов». См. также №47.
46. Мануйлов В. О Сергее Есенине // Звезда. — 1972. — №2. — С.176; То же // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. — М.:Худож. лит., 1986. — Т.2. — С.165.
Р.Рок и С.Мар в «Стоиле Пегаса», август 1921г.
47. Березарк И. Память рассказывает: Воспоминания. — Л.:Сов. писатель, 1972. — С.86-89, 96-103.
См. аннотации к № № 37, 45.
48. [Розанова Н.] Петр Васильевич Митурич: Альбом. — М.: Сов.художник, 1973. — С.7.
О публикации письма П.Митурича в №4.
49. Ройзман М. Все, что помню о Есенине. — М.: Сов.писатель, 1973. — С.83-85.
История группы ничевоков; ее распад.
50. Каверин В. Освещенные окна // Звезда. — 1974. — №12. — С.82, 103, 105, 127-128; То же// Каверин В. Собр. соч.: В 8 т. — М.: Худож. лит., 1983. — Т.7 — С.269-270, 303, 306, 340-341; и др.
Эпизоды истории группы ничевоков. Датировка событий неточна.
51. Лурье А. Поэтический эпос революции. — Л.: Наука, 1975. — С.97.
Отзыв о №36.
52. Суворова К. [Предисловие к публ: Брюсов В. Пятилетие Союза поэтов]; Фефер В. Брюсов в «Школе поэтики» // Литературное наследство. — М.: Наука, 1976. — Т.85. Валерий Брюсов. — С.232,812.
Р.Рок в составе президиума Всероссийского союза поэтов (август 1919); ничевоки на «Смотре поэтических школ» 17 октября 1921 г.
- 52a. Markov V. Russian Imagism. 1919-1924 — Giessen: Schmutz, 1980 — Bd.1 — S.81-82, 109-110 — (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd.15).
Ничевоки и имажинизм.
53. Олери [Рисс О.] Литературные пенаты на Фонтанке // Нева. — 1982. — №3. — С.199-200.
Ничевоки и обэриуты.
54. Родченко А. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. — М.: Сов. художник, 1982. — С.154.
Ничевок (имя не указано) на «Двенадцатилетнем» юбилее» В.Маяковского. Ср. №31.
55. Dada Russo: L'avanguardia fuori della Rivoluzione / A cura di M.Marzaduri. — [Bologna]: Il cavaliere azzurro, 1984. — P.35-38,193-197.
Сборник включает также перевод поэмы Р.Рока «Сорок сороков» на итальянский язык (р.198-202).
56. [Афиша «Вечера всех поэтических школ и групп» в Политехническом музее 17 октября 1921 г.]; Крученых А. Наш выход. [Отр.]; Катанян В. [Коммент. к ст. В.Маяковского «В.В.Хлебников (1922)»]// Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. — 5-е изд., доп. — М.: Сов. писатель, 1985. — С.217, 548, 550.
Первый вечер «Чистка современной поэзии» 19 января 1922 г.; о публикации письма П.Митурича в № 5.
57. Чуковский Н. Салон Наппельбаумов // Чуковский Н. Правда и поэзия. — М.: Правда, 1987. — С.25. — (Б-ка «Огонек», №12); То же — Чуковский Н. Литературные воспоминания. — М.: Сов. писатель, 1989. — С.109.
Ничевоки в Салоне Наппельбаумов в Петрограде.
58. Нерлер П. Мандельштам и Шершеневич// Михаил Кузмин и русская культура XX века. — Л., 1990. — С.98-99.
Р.Рок — секундант О.Мандельштама на несостоявшейся дуэли Мандельштама с В.Шершеневичем, апрель 1921 г.
59. Шершеневич В. Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910-1925 гг.; Грузинов И. Маяковский и литературная Москва // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. — М.: Моск.рабочий, 1990. — С.629, 655, 679-686.
Эпизоды истории группы ничевоков.
60. Шварц Е. Живу беспокойно...:Из дневников. — Л.:Сов.писатель, 1990. — С.351-352, 718 (коммент.).
Хлебников в ростовском «Подвале <Кафе> поэтов», организованном Р.Роком.
61. Грюбель Р. Ханс Арп и русский авангард // Ханс Арп (1886-1966): Скульптура. Графика: [Каталог выставки] / Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. — [Роландсек; М.], 1990. — С.24.
Ничевоки и Дада.
62. Левин Л. Такие были времена: Записки литератора. — М.: Сов.писатель, 1991. — С.321-324.
А.Ранов и Е.Ранова (Николаева) в Перми, ок. 1926-1928 г.

Текущая библиография по русской литературе 1890-1930-х гг., о необходимости которой так долго говорили между собой специалисты — одно из основных направлений деятельности «De Visu».

Составляя книжный, журнальный и газетный обзоры, мы, конечно, не претендовали на исчерпывающую полноту. Финансовые возможности редакции ограничены, и мы остановились лишь на 40 журналах и 70 газетах для сквозного просмотра, — причем только Москвы и Петербурга (для газет). В наши (особенно — газетный) обзоры включено описание публикаций, имеющих порой курьезный характер и не представляющих научного интереса. Но, во-первых, отбор и оценка материала — не задача библиографа, и во-вторых, мы преследовали и другую цель — продемонстрировать количество публикаций, появляющихся в самых разных изданиях.

Для нулевого номера мы выбрали два месяца второго полугодия 1992 г., июль и август. Нашу работу мы продолжим в следующих номерах: в №1 будет помещен обзор прессы за сентябрь 1992 г., в №2 — за октябрь и т.д.

Ни одна библиография не бывает полной, и мы будем признательны читателям за любые дополнения к нашим журнальным и газетным обзорам; эти дополнения будут опубликованы и со временем, мы надеемся, войдут в общую базу данных по русской литературе 1890-1930-х гг.

Примечание: аннотации к книгам, статьям и публикациям основаны исключительно на данных, сообщаемых в обозреваемом издании. Ответственности за неточные сведения, ошибки и пр. публикаторов и авторов «DV» не несет.

КНИГИ

За последние месяцы издано несколько книг, представляющих интерес для специалиста по литературе первой трети XX века.

Неизвестная Россия. XX век. — М.: Изд-во «Историческое наследие», 1992. — 352 с. Тир.: 50 тыс. экз.

Сборник вышел под грифом Московского городского объединения архивов и подготовлен из архивных материалов, хранящихся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ — бывший Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС и ЦПА ИГИС ЦК КПСС), Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГА-ОР СССР) и Центральном государственном архиве народного хозяйства (ЦГАНХ СССР). Большая часть публикаций — историческая (письма к Ленину, документы из личного архива Дзержинского, материалы о спецпереселенцах); собственно литературы посвящена только одна публикация — «Дело об «отравлении»: Михаил Зощенко объясняется с начальством» (подготовил Д.Л.Бабиченко). Под этим названием легкомысленным названием объединены документы: протокол беседы Зощенко с сотрудником Ленинградского управления НКГБ от 20 июля 1944 г., справка МГБ СССР на М.М.Зощенко от 10 августа

1946 г., поданная в ЦК ВКП(б), письмо Зощенко Сталину от 27 августа 1946 г. и Жданову от 10 октября 1946 г. Все документы связаны с «дискуссиями» о повести Зощенко «Перед восходом солнца» и рассказе «Приключения обезьяны». Комментарий носит самый общий характер («Клюев — русский советский поэт», «Хлебников — русский поэт»), хотя публикуемые документы требуют большего.

Во второй книге сборника «Неизвестная Россия: XX век» анонсированы: документы к биографии М.А.Спиридоновой, история куполов Храма Христа Спасителя, публикации по национальным конфликтам 1920-х гг., материалы обсуждения Конституции 1936 г. (по данным НКВД), «Доносы 1938 года» и т.п., а также: «В ожидании Палестины» (17 писем С.А.Булгакова М.О.Гершензону и его жене 1897-1925 гг.).

«Неизвестная Россия» — первая книга нового издательства «Историческое наследие». Относительно молодо и издательство «Наследие», организовавшееся при ИМЛИ РАН и занимающееся изданием преимущественно филологической литературы. «Наследием», в частности, были изданы книги:

Голубков М.М. Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы: 20-30-е годы. — М.: Наследие, 1992. — 203 с. Тир.: 5 тыс. экз.

Автор книги решительно настаивает на «пересмотре традиционных концепций истории русской советской литературы» и требует переоценить «концепцию о единственности метода социалистического реализма» (из предисловия к книге). Исследование посвящено во-первых, «формированию и внедрению в жизнь монистической концепции советской литературы» (часть 1-я — обзор взглядов Троцкого, партийных постановлений о литературе и печати, дискуссий 1930-х гг.) и, во-вторых, «альтернативным эстетическим системам» (часть 2-я; под ними, в частности, понимается «соцреализм», возникший, по мысли автора, в двадцатые годы и трансформировавшийся впоследствии в «нормативную нереалистическую систему», а также «импрессионизм» и «экспрессионизм»; представителем первого является «Гольый год» Пильняка и «Египетская марка» Мандельштама, а второго — «Котлован» Платонова). «De Vix» предполагает более подробно поговорить об этой книге, представляющей, на наш взгляд, интереснейший психологический документ.

Царственное слово: Ахматовские чтения. Вып. I / Ред.-сост. Н.В.Королева и С.А.Коваленко. — М., Наследие, 1992. — 240 с. Тир.: 2 тыс. экз.

Сборник составлен в основном из материалов научной конференции, прошедшей в ИМЛИ 15-17 июня 1989 г. и посвященной 100-летию со дня рождения Ахматовой. Книга открывается статьями поэтов М.А.Дудина («Невеселые признания при радостном событии») и В.Н.Соколова («Слово об Ахматовой»). Далее, после этой торжественной части, следуют научные работы, различные как по темам, так и по своему уровню: Кейс Верхейл (Голландия) — «Тишина у Ахматовой»; В.Г.Воздвиженский — «Судьба поколения в поэзии Анны Ахматовой»; В.Г.Адмони — «Лаконичность лирики Ахматовой»; Н.Г.Полтавцева — «Ахматова и культура “серебряного века”»: (“Вечные образы” культуры в творчестве Ахматовой); О.А.Клинг — «Своеобразие эпического в лирике А.А.Ахматовой»; А.Тамарченко (США) — «“Так не зря мы вместе бедовали”»: (Тема эмиграции в поэзии Анны Ахматовой); И.А.Бернштейн — «Скрытые поэтические циклы в творчестве Анны Ахматовой»; В.В.Мусатов — «К проблеме анализа лирической системы Анны Ахматовой»; Айза Пессина Лонго (Италия) — «“Я” лирическое и “я” биографическое в поэме Ахматовой “У самого моря”»; Мицумаса Тамура (Япония) — «О чужом голосе в ранних стихах Анны Ахматовой»; Наталья Салма (Венгрия) — «Анна Ахматова и Иннокентий Анненский: (К вопросу о смене моделей мира на рубеже двух веков)»; Д.М.Магомедова — «Анненский и Ахматова: (К проблеме “романизации” лирики)»; Н.Г.Прозорова — «Опыт сравнительного анализа двух стихотворений: (Александр Блок. “Красота страшна — вам скажут”, Анна Ахматова. “Я пришла к поэту в гости”); С.П.Ильев — «“Петербургские повести” Андрея Белого и Анны Ахматовой: (“Петербург” — “Поэма без героя”); С.А.Коваленко — «Ахматова и Маяковский»; А.А.Саакянц — «Анна Ахматова и Марина Цветаева»; Т.Э.Хзмалян — «Два перевода Ахматовой из Чаренца в свете воздействия Мандельштама»; В.И.Сахаров — «А.Ахматова и М.Булгаков»; В.А.Черных — «Рукописное наследие Анны Ахматовой и проблемы его публикации»; Л.А.Шилов — «Звучащие тексты Анны Ахматовой».

Эта книга является первой из серии «Ахматовские чтения»; насколько нам известно, в ближайшее время должны появиться второй и третий выпуски чтений (соответственно под названиями «Тайны ремесла» и «Своею меж вас еще оставив тень...»); эти выпуски также основываются на материалах Ахматовской конференции 1989 г.

Из издательского анонса «Наследия» мы узнаем, что оно готовит к выпуску сборник «Быть знаменитым некрасиво...» (посвященный Пастернаку, среди авторов — С.С.Аверинцев, Вяч.Вс.Иванов, Е.Б.Пастернак «и др. заслуженные ученые и критики», как сказано в аннотации); сборник «Связь времен: К проблеме традиции и новаторства в русской литературе конца XIX — начала XX веков» (среди авторов уже «ученые с мировым именем» С.С.Аверинцев, М.Л.Гаспаров, Вяч.Вс.Иванов); очередной выпуск «Контекста» за 1992 год (неопубликованные материалы В.В.Розанова, А.Ф.Лосева и Г.Г.Шпета) и др.

В другом институте РАН, Институте славяноведения и балканистики, вышел сборник:

Балканские чтения-2: Симпозиум по структуре текста: Тезисы и материалы / Ред.-сост. Н.П.Гринцер и Т.В.Цивьян. — М.: 1992. — 182 с. Тир.: 400 экз.

Среди авторов второго выпуска «Балканских чтений» (первый выпуск вышел в 1990 г.) — Н.П.Гринцер, Н.В.Брагинская, Н.И.Толстой, В.Н.Топоров, Т.В.Цивьян и др. Русской литературе XX века посвящены, в частности, статьи: С.И.Гиндин — «Ранние бросовские переводы из древнегреческих классиков»; его же — «Два обращения к Малакасису; “Перевод-подражание” в переводческой системе Брюсова»; С.Б.Ильинская — «“Александрийское урочище” в поэзии К.Кавафиса и М.Кузмина»; О.В.Шиндина — «К выявлению античного слоя в романе Вагинова “Козлиная песнь”»; А.Е.Парнис — «Хлебников: В поисках нового пространства и о преодолении Европы»; в сборнике напечатана также статья В.Хлебникова «Кто такие урossos?».

Череповецким государственным педагогическим институтом им. А.В.Луначарского подготовлено издание:

Традиции в контексте русской культуры: Материалы к научной конференции / Отв. ред. В.А.Кошелев. — Череповец, 1992. — 116 с. Тир.: 250 экз.

В книгу, в частности, вошли статьи: С.К.Рябинин — «Преодоление абсурда и приобретение смысла: (Л.Шестов и А.Камю)»; Д.В.Афанасьев — «Сборник “Вехи” в контексте проблемы философских традиций»; А.А.Смирнов — «Гегелевская концепция идеала и действительности в трактовке И.А.Ильина»; А.Н.Севелов — «Н.А.Бердяев об общественном процессе»; В.Е.Хализеев — «А.А.Золотарев о роли духовенства в истории русской культуры»; Н.Н.Халфина — «М.О.Гершензон как исследователь “памятник жизни”»; А.И.Иванов — «Березовские Починки в мировоззрении В.Г.Короленко»; А.Б.Рогачевский — «Эпизод из культурной жизни Вологды 1900-х годов: (Письмо А.А.Богданова В.В.Вересаеву)»; Ю.Б.Орлицкий — «Генезис русского свободного стиха как историко-культурная проблема» (на материале, в частности, М.А.Кузмина, А.М.Ремизова, С.Вермеля и др.); Н.В.Пращерук — «Проза И.А.Бунина как

творческий диалог с предшественниками: (К типологии художественных взаимодействий)»; Л.А.Орехова — «О традициях русской дневниковой прозы: (Дневники А.Блока)»; И.А.Тихонов — «Традиции древнерусской литературы в романе Л.Н.Андреева "Дневник Сатаны"»; Л.И.Ерменко и Г.И.Карпова — «Преломление традиций русской классической литературы в прозе М.П.Арцыбашева»; А.С.Барбачаков — «Проблема традиции в русском символизме: (К постановке вопроса)»; С.П.Ильев — «Проблема жанра и художественного синтеза в творчестве Валерия Брюсова»; Н.В.Серебрянников — «Образ камня в культуровосприятии О.Мандельштама»; С.Д.Титаренко — «Понятие "внутренний канон" в эстетике Вяч.Иванова и проблема традиций»; Я.В.Хихловская — «Концепция образа Дон-Жуана в творчестве Н.С.Гумилева»; Л.В.Павлова — «Парадигмы фольклорных образов в книге С.Городецкого "Ярь"»; В.Ш.Кривонос — «М.Булгаков и Гоголь: (Мотив "заколдованного места")»; М.А.Резун — «Традиции народной культуры в повестях Е.И.Замятина»; Т.П.Кабинетская и В.А.Сапогов — «Заметки о северянском ономастиконе»; В.В.Мароши — «Мифологема "закона и благодати" в прозе А.Платонова»; В.А.Колотаев — «Архаические традиции и образ Дома в романе А.Платонова "Чевенгур"»; М.В.Строганов — «"Ты, Мария — гибнущим подмога": Мандельштам и Пушкин»; М.Н.Капрусова — «Народная и литературная традиция в поэзии В.Наседкина».

Из новой мемуарной литературы несколько книг посвящено Есенину:

Как жил Есенин: Мемуарная проза / Сост., послесловие и коммент. А.Л.Казакова — Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. — 384 с. Тир.: 100 тыс. экз.

В книгу включены воспоминания журналистки С.С.Виноградской (1901-1964) «Как жил Есенин» о встречах с поэтом в 1923-1925 гг. (эти воспоминания вышли отдельным изданием в Москве в 1926 г., серия «Библиотека "Огонька"»); и мемуарная книга В.И.Эрлиха «Право на песни» (впервые — Л., 1930), достаточно известная исследователям Есенина. Два других текста — «Роман без вранья» А.Б.Мариенгофа и «Великолепный очевидец» В.Г.Шершеневича (в отрывках) — публиковались за годы перестройки неоднократно.⁵ Наибольший интерес в книге «Как жил Есенин» представляют впервые публикуемые воспоминания ныне здравствующей Надежды Давыдовны Вольпин (р.1900) — поэта и переводчика,

⁵ Единственный раз, насколько нам известно, они были переизданы — в виде брошюры в издательстве «Газета» с под- и надзаголовками: «Клад с книжной полки», «Старинные и редкие издания», «Архив-Газета». Предисловие и подготовка текста — А.Л.Казакова. Брошюра вышла в 1990 г. в Миассе тиражом 50 тыс. экз.

⁶ Особо хотелось бы отметить их переиздание в книге «Мой век, мои друзья и подруги», М., 1990 (составление К.С.Юрева и В.С.Шумихина); в книгу вошли также воспоминания Мариенгофа «Мой век, мои друзья и подруги» и Ивана Грузинова «Маяковский и литературная Москва», письма Есенина; все тексты сопровождается обширный комментарий С.В.Шумихина, иллюстрации, именной указатель. В книжных магазинах Москвы эту книгу еще можно встретить по старой цене 3 руб. 80 коп.

возлюбленной Есенина. В них — не только рассказ о поэте и личных взаимоотношениях, но и воспоминания об участии автора в литературной группе «Зеленая мастерская» при Всероссийском союзе поэтов (Е.Кумминг, Я.Полонский, З.Хацревин, Н.Кугушева, В.Зильбер — в будущем В.Каверин), встречах с А.Белым, Б.Пастернаком, И.Соколовым, И.В.Грузиновым, О.Мандельштамом, В.Маяковским, С.Мар и др., о «Кафе поэтов», «Столе Пегаса». Воспоминания Н.Д.Вольпин «Свидания с другом» написаны в 1984 г. и охватывают 1919-1925 гг.; объем — более 100 книжных страниц.

В книге — послесловие А.Л.Казакова «...Как о цветке неповторимом» и его же комментарий (8 стр.)

Наседкин В. Последний год Есенина / Подгот. текста и вступит. ст. А.Л.Казакова — Челябинск: МП «Форум-издат», 1992. — 40 с. Тир.: 30 тыс. экз.

Воспоминания поэта В.Ф.Наседкина посвящены встречам с Есениным в феврале-декабре 1925 г., впервые изданы в 1927 г. (Москва, «Никитинские субботники») В книгу включены также несколько стихотворений Наседкина 1924-1934 гг. В предисловии А.Л.Казакова «Эхо есенинского бытия» — сведения о жизненном и творческом пути Наседкина.

Недавно появилась еще одна книга, посвященная Есенину: Любовь и смерть Сергея Есенина: Сб. — М.: МП «Дефант», 1992. — 158 с. Тир.: 100 тыс. экз.

Более подробно об этом издании, вышедшем в серии «Библиотека журнала "Чудеса и приключения"» (sic!), будет рассказано после просмотра его — de visu.

Воспоминания Айседоры Дункан «Моя жизнь» (1927) уже издавались на русском языке⁶. Однако новое их переиздание заслуживает внимания.

Дункан А. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин: Воспоминания / А.Дункан. Нерассказанная история / М. Дести. — М.: Политиздат, 1992. — 397 с. Тир.: 100 тыс. экз.

Перевод «Моей жизни» уточнен, пропущенные в издании 1930 г. фрагменты восстановлены. В «Моей жизни», в частности, и воспоминания о гастролях в России до революции, встречах с Л.С.Бакстом, К.С.Станиславским, С.И.Мамонтовым, А.П.Павловой и др. Книга Дункан доведена до отъезда в Советскую Россию в 1921 г. К мемуарам Дункан примыкают воспоминания ее подруги Мэри Дести «Нерассказанная история» (1927), с некоторыми сокращениями воспроизведенные в обозреваемом издании. Большая часть их посвящена взаимоотношениям Дункан и Есенина.

Мемуарный жанр представлен и в другом издании:

Гуль Р. Ледяной поход / Сост., предисл. П.Г.Горелова. — М.: Вoenиздат, 1992. — Тир.:100 тыс. экз.

Книга составлена бессистемно и пестрит, как лоскутное одеяло. Открывается она «Моей биогра-

⁶ См. напр., вышедшую в Киеве книгу, в которую помимо «Моей жизни», включена книга Дункан «Танец будущего» и воспоминания И.Шнейдера «Встречи с Есениным» (Киев: Мистецтво, 1989. — 349 с.)

фией» (перепечатываемой из нью-йоркского «Нового журнала», 1986, №164), в которой рассказ доведен до конца 1950-х гг. Далее — уже хорошо известная по многочисленным перепечаткам и переизданиям мемуарная книга «Ледяной поход» (печатается почему-то по журналу «Кубань», 1989, №1-3, хотя, кажется, правильнее было бы взять текст ее первого берлинского издания). В цикл «Красные маршалы» вошли очерки о Тухачевском (впервые — отдельным изданием: Берлин, 1923), Ворошилове, Блюхере и Котовском (под названием «Красные маршалы» — отдельным изданием в Берлине, 1933 г.) «Желая как можно шире представить жанровое разнообразие творчества Гуля» (из издательской аннотации), составитель включил в сборник и статью «Прогулки Хама с Пушкиным», посвященную книге А.Д.Синявского «Прогулки с Пушкиным»; в редакционном примечании указывается, что статья печатается по газете «Литературная Россия», 1986, №26. Но Р.Б.Гуль, напомним, писал ее не для этой газеты, а для «Нового журнала», в №124 за 1976 г. которого и появилась эта статья (что, впрочем, ничего в ней не меняет).

В книге — краткое предисловие «От составителя», в котором особо подчеркивается «национальная и религиозная глубина души» Гуля.

Из писателей русской эмиграции в 1992 г., похоже, особо повезло М.А.Осоргину, четыре книги которого вышли в Москве, Воронеже, Екатеринбурге и Перми.

Осоргин М. Вольный Каменщик. Повесть. Рассказы / Предисл. О.Ю.Алдеевой и А.И.Серкова. — М.: Моск.рабочий, 1992. — 336 с. Тир.: 35 тыс.экз.

Новое издание художественной прозы Осоргина знакомит с повестью «Вольный каменщик» (1935) и 18 рассказами 1925-1938 гг. (из его книги «По поводу белой корбочки», Париж, 1947). В предисловии, основанном на архивных материалах и многочисленных литературно-критических и публицистических статьях Осоргина в эмигрантской печати, — важнейшие биографические сведения об авторе. Большая часть этой добротной статьи¹ посвящена разбору повести «Вольный каменщик» и реакции русских масонов во Франции на ее публикацию; впервые обильно цитируются фрагменты из неопубликованных воспоминаний П.А.Бурьшкина «История Досточтимой Ложи Северной Звезды» (хранятся в Париже, предоставлена авторам статьи вдовой Осоргина, Т.А.Бакуниной-Осоргиной). В воспоминаниях Бурьшкина (книга которого «Купеческая Москва», кстати, уже дважды переиздана в России) — уникальные сведения о деятельности Осоргина в масонской мастерской в 1925-1939 гг. В книге — подробный реальный комментарий.

Осоргин М. Времена: Романы и автобиографическое повествование / Сост. в примеч. Е.С.Зашихина. — Екатеринбург; Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. 608 с. Тир.: 150 тыс.экз.

¹ Одним из авторов ее, О.Ю.Алдеевой, было подготовлено ранее и другое переиздание прозы Осоргина (см.: Осоргин М. Сивцев Вражек: Роман. Повесть. Рассказы. — М., 1990), также отличающееся профессионализмом.

Книгу составили три романа: «Сивцев Вражек» (1928), «Свидетель истории» (1932) и «Книга о концах» (1935), а также автобиографическое произведение «Времена» (опубликовано впервые в 1955 г.), повествование в котором доведено до 1922 г., когда М.А.Осоргин был выслан из России. В книге — краткий реальный комментарий.

Осоргин М.А. Воспоминания. Повесть о сестре / Сост., вступит ст. и примеч. О.Г.Ласунского. — Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. 416 с. Тир.: 30 тыс. экз.

«Повесть о сестре» (1931) уже известна нашему читателю (по публикации в журнале «Подъем», другим книгам Осоргина). Наибольший интерес в обозреваемом издании представляет цикл из 45 мемуарных очерков, озаглавленных составителем «Воспоминания». Очерки печатались в парижской газете «Последние новости» в 1939 гг. и с тех пор ни разу не собирались воедино и не переиздавались; составителем они расположены «в такой последовательности, чтобы осветить основные этапы в жизни автора» (из примечаний). В очерках, в частности, выведены М.Горький, В.Г.Короленко, Н.Н.Златовратский, И.А.Белюсов, Г.А.Лопатин, А.В.Амфитеатов, П.Г.Боборыкин, Вас.И.Немирович-Данченко, В.Я.Брюсов, Б.К.Зайцев, А.Соболь, А.Белый и др.; интересны воспоминания о работе в московской Книжной лавке писателей, о высылке 1922 г. предисловие О.Г.Ласунского представляет собой краткий очерк жизни и творчества Осоргина; книгу заключает реальный комментарий, к достоинствам которого, в частности, следует отнести и то, что в нем даны сведения о всех первых публикациях вошедших в книгу текстов.

В Перми также вышла книга Осоргина, которая нам пока не доступна: Осоргин М. Мемуарная проза / Сост., предисл., примеч. О.Г.Ласунского. — Пермь: Кн. изд-во, 1992. — 286 с. Тир.: 5 тыс.экз.

Но в ближайших номерах мы надеемся рассказать о ней подробнее.

Аверченко А.Т. Записки Простодушного / Сост., послесловие и примеч. О.В.Сергеева. М.: А/О «Книга и бизнес», 1992. — 365 с. Тир.: 140 тыс.экз.

В книге собраны произведения А.Т.Аверченко, написанные (и частично опубликованные) в Крыму в 1919-1920 гг., а также в изгнании в начале 1920-х гг. В полном составе воспроизводятся книги «Дети» (1922), «Пантеон советов молодым людям» (1924), «Кипящий котел» (1922), «Записки Простодушного» (1923), «Дюжина ножей в спину революции» (1921), «Нечистая сила» (1920), вышедшие в книгоиздательствах Константинополя, Берлина, Парижа, Севастополя. Такой принцип составления представляется вполне оправданным: творчество Аверченко этого периода наименее изучено, его публикации в крымских изданиях врангелевского периода, константинопольских и болгарских русскоязычных журналах и газетах почти не учтены. Жаль, что составитель книги, который, судя по послесловию, владеет этим материалом, очень скупо использовал его в своем

¹ Отдельное издание другого газетного цикла Осоргина было подготовлено О.Г.Ласунским ранее (см.: Осоргин М. Заметки старого книгоеда. — М., 1989); эта книга была первой книгой Осоргина, вышедшей в России после его высылки за границу.

комментарии, — хотя и комментарий, и послесловие подготовлены тщательно, с любовью к источникам, и вводят в научный оборот новый историко-литературный материал.

Традиционно завершим наш обзор библиографией.

Бывшей Государственной библиотекой им. В.И.Ленина выпущен указатель:

Чтение в России в XIX — начале XX века: Аннот. библиогр. указ. /Сост. А.И.Рейтблат. — М., 1992. — 46 с. Тир.: 500 экз.

В указателе 369 позиций, описывающих публикации по указанной проблеме в книгах и сериальных изданиях. Указатель состоит из трех частей: «Публикации, охватывающие весь период»; «Чтение в первой половине XIX в.» («Наблюдения современников», «Работы ретроспективного характера»); «Чтение во второй половине XIX начале XX в.» («Наблюдения и исследования современников», «Работы ретроспективного характера»). Именной указатель.

Параллельно библиотекой издан и сборник научных трудов, посвященных той же проблеме:

Чтение в дореволюционной России: Сб. научн. тр. / Сост. А.И.Рейтблат. — М., 1992. — 153 с. Тир.: 500 экз.

В сборник вошли статьи: Чернец Л.В. «Адресат» и «реальный читатель» в литературоведческом исследовании: (На материале исследования чтения в России во второй половине XIX в.); Добрынина Н.Е. «Литература в сфере культурного взаимодействия народов дореволюционной России»; Колганова А.А. «Роль заглавия в формировании читательского интереса (в русской литературе XIX в.)»; Рейтблат А.И. «В.Ф.Булгарин и его читатели»; Кельнер В.Е. «Правительственные издания для народа и их читатель в годы второй революционной ситуации»; Брукс Дж. «Грамотность и печать в России: 1861-1928»; Равинский Д.К. «Прорываясь к читателю: Персональные периодические издания второй половины XIX — начала XX в.» В последней работе, в частности, рассмотрены персональные издания: «Листок писателя Всеволода Чешехина» (1919), издания С.Ф.Шарапова, журнал «Летописец» И.Ф.Романова (более известного под псевдонимом «Рцы») и его же «Литературная газета Рцы», выходившие в 1904-1913 гг., «Мой журнал» В.В.Каменского (1922), а также книга Б.М.Эйхенбаума «Мой временник» (Л., 1929). К статье приложен список персональных периодических изданий (18 позиций).

Журналы

Журналы., просмотренные «De Visu» (июль-август 1992 г.): Азазель, Библиография, Вестник МУ: Серия 7. Философия, Вестник МУ: Серия 8. История, Вестник МУ: Серия 9. Филология, Вестник МУ: Серия 10. Журналистика, Военно-исторический журнал, Волга, Вопросы истории, Вопросы философии, Даугава, Дальний Восток, Детская литература, Дружба народов, Журналистика, Звезда Востока, Знамя, Известия АН: Серия литературы и языка. Т.51, Иностранная литература, Искусство кино, Кентавр, Кодры, Литература в школе, Литературный Киргизстан, Молодая гвардия, Москва, Московский журнал, Московский наблюдатель, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Нева, Неман, Новое время, Новый мир, Общественные науки и современность, Огонек, Октябрь, Отечественные архивы, Памир, Подъем, Полярная звезда, Посев, Работница, Радуга (Таллинн), Родина, Русская речь, Свободная мысль, Север, Сельская молодежь, Смена, Советский музей, Согласие, Социологические исследования, Столица, Театр, Театральная жизнь, Фотография, Человек, Ясная Поляна.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Азазель:

В №1 (вышел в июле) — неопубликованные стихотворения Ф.Сологуба 1889-1927 гг. (без указания имени публикатора), сопровождаемые некрологическим очерком о Сологубе К.В.Мочульского (из парижского еженедельника «Звено», 1928); к статье К.В.Мочульского — предисловие С.Федякина.

Библиография:

В №3/4 (за май-август) — биографический очерк С.П.Бовина «Владимир Нарбут», сопровождаемый трогательной библиографией из 26 позиций.

Там же — статья М.Д.Эльзона «О дате смерти Б.И.Коплана».

Там же — «Воспоминания об Алексее Максимовиче Пешкове и его окружении» М.Д.Беляева (музейный работник, младший брат Ю.Д.Беляева).

Там же — в рубрике «Библиографическая реабилитация» очерк М.Н.Белгородского «Откровения о невидимых мирах» и библиография Д.Л.Андреева.

Вестник МУ: Серия 7. Философия:

В №4 — статья М.О.Васильевой «Философия существования Андрея Платонова».

Вестник МУ: Серия 9. Филология:

В №4 — подборка статей «Маяковский в критике русского зарубежья»: Ф.Иванов (из его книги «Красный Парнас», Берлин, 1922), Г.Иванов (из парижской газеты «Возрождение», 1950), Г.Адамович (из его книг «О книгах и авторах: Заметки из литературного дневника», Париж, 1967, и «Комментарии», Вашингтон, 1967); подготовка текста, вступление и комментарий В.Н.Терехиной и А.Н.Зименкова.

Волга:

В №7/8 — рецензия О.Шиндиной на книгу К.Вагинова «Козлиная песнь: Романы» (М., 1991).

Там же — «Ненаписанные воспоминания: Интервью с А.И.Вагиновой» (воспоминания, в частности, о литературной студии Гумилева); подготовил С.Кибальник.

Вопросы философии:

В №7 — в подборке материалов об А.А.Мейере, в частности, его впервые публикуемая статья «Петербургское религиозно-философское Общество» (не ранее 1919 г., Блок, Розанов, Мережковский и др.)

В №8 — впервые публикуемая статья Г.И.Чулкова «Автоматические записи Вл.Соловьева»; предисловие М.В.Михайлова.

Даугава:

В №4 — перепечатка материалов из русского журнала «Перезвон», выходявшего в Риге в 20-е гг.: статья И.Ильина «О России», анонимный некролог «Светлой памяти проф. К.Ф.Жакова», мемуарный очерк Б.Зайцева «Светлый путь», посвященный А.Герцк (у Зайцева — под инициалами А.Г.) и очерк А.Г.<ерцк> «Подвальные очерки: К смерти созревшие», сопровождаемые послесловием [Ю.Абызова] «Кто же такая А.Г.?».

Там же — обширная подборка материалов под названием «В.Ф.Ходасевич и газета «Сегодня»», подготовленная Б.Равдиным: впервые публикуются семь писем Ходасевича Б.И.Харитону 1937 г., связанные с его сотрудничеством в этой рижской газете, а также перепечатываются две статьи Ходасевича из «Сегодня» за 1938 г. — «Война и поэзия» (с дополнением по рукописи) и «Завтрак в Сорренто» (о Горьком).

Дальний Восток:

В №7 — статья С.Якимовой «Из России — с Россией: Заметки о творчестве Вс.Н.Иванова периода эмиграции» (1922-1945 гг.)

Дружба народов:

В №8 — статья В.Гудковой «От салона к самиздату» (о литературном быте 1930-х гг., в частности, о М.А.Булгакове).

Знамя:

В №7 — под заглавием «И один в поле воин» публикуются заметки, дневник, стихотворения и письмо К.И.Чуковскому (декабрь 1940 г.) Б.А.Садовского; вступительная статья и публикация И.Андреевой.

Известия АН: Серия литературы и языка. Т. 51:

В №4 — статья С.И.Кормилова «Русская метризованная проза 1900-х годов» (В.И.Нагорный, М.С.Налин, М.Горький, А.Ремизов, А.Белый).

Там же — статья Л.Ф.Кациса «...«Но слово мчится, подтянув подруги...»: Полемиические заметки о Владимире Маяковском и его исследователях» (под

последними понимается едва ли не единственный Ю.Карабчиевский).

Иностранная литература:

В №8/9 — переводы из бразильской поэзии В.Перелешина; вступительная статья Е.Витковского.

Кентавр:

В июльско-августовском номере — статья Г.П.Федотова «Сталинокрапия» (из «Современных записок» за 1937 г.).

Там же — статья П.А.Сорокина «Николай Бердяев», впервые переведенная на русский язык.

Литература в школе:

В №3/4 (за май-август) — статья Е.П.Бернштейн «Просветленная страданием красота: Поэтический мир Иннокентия Анненского».

Там же — статья Е.С.Ефимовой «Священное, древнее, вечное...: Мифологический мир «Лета Господня» [И.С.Шмелева]».

Там же — рекомендации Н.А.Поповой и Е.П.Мироновой по проведению урока по «Лету Господню» И.С.Шмелева.

Литературный Киргизстан:

В №7/8 — статья В.Вакуленко «Триумф и трагедия Александра Фадеева» (история самоубийства, отношения с А.П.Платоновым).

Молодая гвардия:

В №7 — глава из романа М.А.Шолохова «Они сражались за Родину» (с восстановлением пропущенных цензурой фрагментов); публикация С.Шолоховой.

Там же — статья Ю.Баранова и Л.Боброва «Дискриминация великой литературы» (о Нобелевской премии, в частности, о присуждении ее Пастернаку и Бунину).

Там же — статья В.Васильева «Сатанизм в русской литературе: (Трагедия реализма)» (в частности, о Бабеле, Горьком, Маяковском, Платонове, Шолохове).

Там же — статья С.Семанова «Быт и бытие «Тихого Дона»».

Там же — статья Э.Хлысталова «Он не предал русского знамени: (Тайна гибели Николая Гумилева)».

Москва:

В №7/8 — очерк Б.К.Зайцева «Венец Патриарха» (о патриархе Тихоне, из рижского журнала «Перезвон» за 1926 г.); публикация, предисловие и примечания А.Любомудрова.

Там же — продолжение документального повествования В.Сукача «Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть»».

Там же — «круглый стол» «Меж двух берегов: Литература русского зарубежья вчера и сегодня» с участием О.Михайлова, А.Мулярчика, В.Лаврова, Ю.Кублановского, А.Ушакова, М.Голубкова, В.Крупина, Ю.Кашкарова.

Музыкальная жизнь:

В №17/18 (август) — статья Я.Платека «Ясный холод вдохновения» (темы музыки и песенные мотивы в творчестве Ф.Сологуба).

Наука и религия:

В №6/7 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало в №4/5), посвященной истории тайного ордена розенкрейцеров, учреж-

денного в 1920 г. (Б.М.Зубакин, С.М.Эйзенштейн, П.А.Аренский, Л.А.Никитин и др.). В тексте — цитаты из следственных дел членов общества, арестованных в 1930 г. по обвинению в создании «контрреволюционной организации» (в частности, отца автора статьи Л.А.Никитина).

Наш современник:

В №7 — статья С.Куняева «Огонь под пелюгом: Дело «сибирской бригады»»; в тексте статьи — отрывки из протоколов допросов арестованных по этому делу Н.Анова, Е.Забелина, Л.Мартынова, С.Маркова, П.Васильева, Л.Черноморцева (март-май 1932 г.), их стихотворения (посвященные преимущественно А.В.Колчаку).

В №8 — статья С.Волкова «Что ни верста — то крест. До енисейских мест...: ("Дело" Есенина-Кусиковых 1920 года)»; в тексте статьи — отрывки из протоколов допросов, «арестантских карточек» и др. С.А.Есенина и А.Б. и Р.Б. Кусиковых, поручительства Я.Г.Блюмкина и А.В.Луначарского.

Новое время:

В №33 — политическая публицистика Е.В.Аничкова (отрывок из его статьи «Две струи русской политической мысли», 1930); публикация И.Задорожнюка.

В №34 — политическая публицистика П.Я.Рысса (отрывок из его книги «Русский опыт», Париж, 1921).

Новый мир:

В №7 — подборка стихотворений 1923-1929 гг. и писем Горькому 1926-1927 гг. Б.Зубакина; подробная вступительная статья, примечания А.И.Немировского.

Там же — рецензия В.Сажина «Наказание Хармса» на №11 журнала «Театр» за 1991 г. (посвященный ОБЭРИУ) и книгу Д.Хармса «Горло бредит бритвою» (1991).

В №8 — рецензия В.Камянова на книгу С.Кржижановского «Сказки для вундеркиндов» (М., 1991).

Общественные науки и современность:

В №4 — статьи Х.Гюнтера «Государство как "тотальное произведение искусства"» и «М.Бахтин и "Рождение трагедии" Ф.Ницше»; предисловие Е.Добренко.

Октябрь:

В №7 — «Книга о последнем царствовании» Г.Иванова (о Николае II); предисловие, комментарии и публикация В.Крейда.

Там же — работа И.Волгина «Неудостоенные света: Булгаков и Мандельштам: Опыт синхронизации».

Там же — окончание публикации писем И.Бабеля Т.В.Ивановой за 1927-1928 гг. (см. №№ 5 и 6), озаглавленной «Иванова Т. Глава из жизни: Воспоминания. Письма И.Бабеля».

В №8 — републикация статей З.Н.Гиппиус 1916-1924 гг., озаглавленная «Неугасим огонь души...»; предисловие и публикация Н.И.Осьмаковой.

Отечественные архивы:

В №4 — в подборке «Литераторы о Льве Толстом: (Материалы из архива В.В.Водовозова)» публикуются статьи А.Белого, Е.Аничкова, И.Бодуэна-де-Куртене, написанные для невышедшего сборника статей о

Толстом в 1908 г.; вступительная статья, комментарии и подготовка текста Ф.Л.Федорова.

Там же — в подборке «"Изъятие... произвести без оставления... копии"»: (Где хранились и куда переданы документы о предках Ленина)» цитируются протоколы заседания «шестерки» Президиума Союза писателей 1938 г., осудившей публикацию первой части романа М.С.Шагинян «Билет по истории»; вступительная статья, комментарии и подготовка текста Т.И.Бондаревой.

Подъем:

В №7 — републикация повести А.Н.Новикова «Комбинат общественного питания: Тихие мотивы многоликой жизни» (из журнала «Октябрь», №8 за 1931 г.); предисловие Т.Новиковой.

Там же — письмо в редакцию М.Д.Эльзона, секретаря комиссии по литературному наследству А.Н.Новикова, об ошибках, допущенных при републикации повести Новикова «Причины происхождения гуманностей» в «Подъеме» за 1991 г.

Работница:

В №7/8 — под общим заглавием «Подруги» перепечатка стихотворений М.Цветаевой и С.Парнок, обращенных друг к другу. Предисловие Н.Аришиной (упоминающее и о «сафических мотивах» у Цветаевой).

Родник:

В №8 — статья Л.Колодяжной «Стихотворение Бориса Пастернака "Август". Медленное прочтение».

Русская речь:

В №4 — статья Е.З.Тарлановой «"Чужое слово" в поэзии Константина Фофанова».

Там же — статья Н.И.Харджиева «Необычайные приключения поэмы Маяковского» (текстологические и комментаторские ошибки в публикациях стихотворения Маяковского «Необычайное приключение...»); в приложении — новая редакция стихотворения.

Там же — Пастернак Б. Анкеты, заявления, ходатайства 1920-х годов / Публ. Е.В.Пастернак (в Профессиональный союз писателей и поэтов, в ЛИТО Наркомпроса, Госиздат и пр., 1919-1928).

Свободная мысль:

В №11 — статья С.Земляного «Михаил Булгаков и проблемы национального сознания русских».

В №12 — полемический отклик «Без Булгакова» Л.Аннинского на статью С.Земляного.

Там же — рецензия И.Дедкова «И к дальним — тоже» на книгу М.О.Меньшикова «Из писем к ближнему» (М., 1991).

Север:

В №7 — повесть Л.Зурова «Поле»: публикация Ю.В.Линника.

Там же — подборка материалов, посвященных К.Ф.Жакову: вступительная статья С.А.Югова, послесловие Г.Лисовской («Возвращение К.Ф.Жакова»), два текста К.Ф.Жакова (глава «История лимитизма, т.е. синтетически-эволюционной философии» и «Открытое письмо профессора Жакова Ленину», 1920 г.; первый печатается по книге Жакова «Лимитизм», Рига, 1929; второй впервые переводится на русский с эстонского, переводчик и публикатор А.И.Туркин).

В №8 — отрывок из автобиографического повествования П.А.Сорокина «Долгий путь»; перевод с английского С.Гладкова.

Там же — статья М.А.Волошина «Соломонов суд» (по рукописи из Пушкинского Дома); публикация и вступительная заметка С.В.Захарова и Г.Ф.Миннина.

Сельская молодежь:

В №8 — статья В.Пьецуха «Курская аномалия» (о М.М.Зоценко).

Смена:

В №8 — очерк И.С.Лукаша «Боярыня Морозова» (1936); предисловие и публикация А.Каретникова.

Согласие:

В №6/7 — сатирический рассказ В.Г.Короленко «История одной газеты» [1879]; вступительная заметка, публикация и примечания М.Г.Петровой.

В №8/9 — статья А.Марченко «Будетлянка» (о воспоминаниях Н.Н.Берберовой «Курсив мой»).

Там же — статья Д.В.Философова «Суд современников» (без даты, без указания места первой публикации, имени публикатора и т.п.).

Столица:

В №35 — рецензия Н.Малинина на 98-й том «Литературного наследства» («Брюсов и его корреспонденты»).

Там же — воспоминания С.Я.Эфрона «Декабрь 1917 г.» (из неопубликованной книги «Записки

добровольца», хранящейся в Базельском университете); вступление и публикация М.Фейнберг и Ю.Клюкина.

Театр:

В №8 — статья Э.Ватеманс «Постбольшевистская Россия: Утопический роман П.Н.Краснова» («За чертополохом», 1922).

Человек:

В №4 — статья И.Ю.Промптовой «Наше будущее принадлежит России...» (о И.П.Никитине, русском поэте-эмигранте, организаторе общества «Восход» в 1926-1936 гг.)

Там же — в рубрике «Поэты русского зарубежья — соотечественникам» беседа А.И.Богословского с А.Р.Небольсиным об Ю.П.Иваске и публикация стихов Иваска 1936-1979 гг.

Ясная Поляна:

В №4 — статья В.Чалмаева «“Твой брат, Петрополь, умирает...”: О России, революции, культуре» (в частности, о Ремизове, Розанове, З.Гиппиус, Бунине).

Там же — воспоминания П.Н.Краснова «На внутреннем фронте» (начало в №3).

Газеты

Газеты Москвы и Петербурга, просмотренные «De Visu» (июль-август 1992 г.): Аргументы и факты, Арена, Арт-фонарь, Век, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерний Петербург, Вечерняя Москва, Восточный экспресс, Гласность, Голос, Голос Родины, Гуманитарный фонд, Деловой мир, Двадцать четыре, День, Домострой, Досье ЛГ, Известия, Карьера, Книжное обозрение, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Кузница, Культура, Куранты, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские новости, Московский комсомолец, Московский литератор, Народная газета, Начало, Неделя, Независимая газета, Патриот, Подмосковные известия, Подмосковье, Политика, Правда, Рабочая трибуна, Российская газета, Российские вести, Россия, Русский вестник, Русский рубеж, Санкт-Петербургские ведомости, Семь с плюсом, Семья, Смена, Собеседник, Совершенно секретно, Советская Россия, Статский советник, Сын Отечества, Третье сословие, Труд, Учительская газета, Федерация, Час пик, Экран и сцена.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Арена:

В №27/28 и 29/30 — повесть Саши Черного «Черт на свободе» (из его книги «Белка-мореплаватель», вышедшей в 1933 г. в Париже в приложении к журналу «Иллюстрированная Россия»); вступительная статья В.Приходько.

Арт-фонарь:

В №1 — «... Как всегда, ты в центре»: Неопубликованное письмо Б.Пастернака [З.Н.Пастернак] из Парижа [конец июля 1935 г.] /Подгот. текста и публ. Н.Пастернак, М.Фейнберг; Вступит. заметка и коммент. М.Фейнберг.

Век:

В №4 — запись устного рассказа Е.Ауэрбах «Розыгрыш» (об истории Черубины де Габриак); предисловие редакции. Стихи Е.И.Дмитриевой (Черубины де Габриак) 1909-1927 гг.

Вечерний клуб:

В №143/144 — воспоминания И.Прута «Пасхальные каникулы» (посвященные, в частности, встречам с Луначарским в начале 1920-х гг.)

В №168/169 — анонимная статья «Женщины Есенина».

Вечерний Петербург:

В №176 — статья Е.Белодубровского «Домик деревянный... Барельеф» (в связи с установлением мемориальной доски А.А.Ахматовой в Хювьяя, Финляндия).

В №184 — статья С.Голубовского «Там, где жил автор "Аристократки"» (к открытию музея М.М.Зощенко).

В №191 — рецензия без подписи на книгу Н.П.Анциферова «Непостижимый город...» (Л., 1991).

В №195 — статья И.Запаладова «„Лебедь с сердцем проколотым я?“ К годовщине гибели Н.С.Гумилева» (в тексте — воспоминания матери автора о постановке гумилевской «Гондлы» в Петрограде).

Вечерняя Москва:

В №125 — рецензия Н.Путинцева «Пленный дух» на спектакль Российского государственного театра «На Покровке» по стихам, прозе, письмам и воспоминаниям М.И.Цветаевой.

В №138 — интервью с И.Бурденковой «Я люблю этот город вязевый...» с М.Маловой, членом Есенинского общества «Радуница», о создании музея С.А.Есенина в Москве.

В №154 — подборка стихов Ольги Анстей «...В душе, стихом помытой» (1930-1940-е гг.); вступительная статья В.Приходько.

В №156 — подборка стихов 1923-1932 гг. Саши Черного «Я хочу немного света...»; вступительная заметка, публикация и комментарий В.Приходько.

Восточный экспресс:

В №28 — статья А.Франковского «Поэт под грифом "секретно": Поэт трагической судьбы Анна Баркова» (в связи с передачей сотрудниками Ивановского областного управления МБ России литературному музею Ивановского университета десяти папок с произведениями, дневниками и др. Анны Барковой; в тексте статьи — интервью сотрудника Управления В.Панова, пересказавшего одно из писем Барковой Сталину).

Гласность:

В №29 — статья Н.Ковылина «Загадки серой папки» (по поводу телевизионного фильма «Пожалуйста, не сплетничайте... или Новое о Маяковском» и статьи В.Скорятина в №5/6 «Журналисте» за 1992 г. о самоубийстве Маяковского).

Голос:

В №30 — статья В.В.Набокова «Юбилей» (едва ли не единственная его публицистическая статья, написанная в связи с 10-летним юбилеем Октябрьской революции; печатается по берлинской газете «Руль»); вступительная статья «Мы волна России, вышедшей из берегов» Ив.Толстого.

Там же — Руденко С. Рассказ Фадеева [о М.Е.Кольцове] / Публ. А.Дубинской.

Голос Родины:

В №27 — начало публикации «Биографического словаря российской эмиграции», составленного Ю.Фединским (самые краткие биографические справки, часто не содержащие даже дат жизни и смерти; многочисленные неточности и пропуски). В первом выпуске, в частности, справка об А.Т.Аверченко.

Там же — подборка из писем А.В.Луначарскому и др. В.Г.Короленко «Земли! Земли!»; предисловие М.Крылова.

В №28 — продолжение «Биографического словаря» (в частности, справки о М.Алданове и А.Азимове). Обращение редакции с предложением о размещении биографической справки о любом деятеле российской эмиграции после уплаты редакции 500 рублей (или 5 долларов).

Там же — заметка «Бунин возвращается в Воронеж» (к открытию его музея в Воронеже).

В №29 — продолжение «Биографического словаря» (в частности, справка о Ш.Азнавуре и Ю.Анненкове).

В №30 — продолжение «Биографического словаря» (в частности, справки о К.Д.Бальмонте, Г.В.Адамовиче, Л.Н.Андрееве).

В №31 — подборка текстов В.А.Мякотина (в частности, интервью берлинской газете «Руль», 1922, октябрь, о высылке русской интеллигенции) и биографический очерк о нем В.Дурновцева и Е.Иогансон «Неподкупный идеалист».

Там же — продолжение «Биографического словаря».

В №32 — продолжение публикации «Биографического словаря» (в частности, справка о А.Н.Бенуа).

Там же — подборка стихов Дона-Аминадо «Если бы узкоколейка шла из Парижа в Елец...»; вступительная статья «Дым без отечества» М.Крылова.

В №33 — продолжение «Биографического словаря» (в частности, справки о Н.А.Бердяеве, Н.Н.Березровой, П.М.Бицилли).

Гудок:

В №126 — статья В.Карпова «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед» (к 100-летию со дня рождения Цветаевой), включающая в себя интервью с А.Б.Трухачевым и директором Цветаевского музея в г.Александрове Л.К.Готфельд.

Деловой мир:

В №167 — впервые публикуемый рассказ А.П.Платонова «Эпизоды из жизни массового человека: Наша боль» (1929); подготовка текста Н.В.Корниенко, публикация М.А.Платоновой (из редакционного портфеля «Нового мира» на 1993 г.)

День:

В №28 — стихотворения И.В.Сталина «Когда луна своим сияньем...» и «Ходил он дома к дому...» (перепечатываемые из газеты «Детское чтение для сердца и разума», 1991, №1); публикация Дм.Кузьмина.

В №31 — статья П.Савицкого «Обустройство континента»; предисловие С.Данилова. Редакционное предисловие посвящено памяти Л.Н.Гумилева.

В №32 — стихотворение Н.С.Гумилева «Туркестанские генераль», публикуемое в связи с положением в 7-й армии.

Динамо-экспресс:

В №2 — подборка стихотворений К.Д.Бальмонта (в связи с 125-летием со дня рождения).

В №8 — отрывок из книги П.А.Флоренского «Детям моим: Воспоминания прошлых лет» (под названием «Духовное электричество»); редакционное предисловие.

Известия:

В №153 — статья Л.Наврозова «Как виделся Сталин советскому большинству» (в частности, об отношении к Сталину Пастернака и Мандельштама).

В №174 — статья Л.Шаповаловой «Англичанин [А.Моллин] издал продолжение “Доктора Живаго”. Наследники Пастернака против».

Карьера:

В №4/5 — отрывки из книги С.В.Дмитриевского «Советские портреты» о быте советских сановников в 20-е гг. (начало в №2, печатается по изданию, вышедшему, как сказано в редакционном предисловии, за границей в начале в 1930-х гг.); в №3, в частности, воспоминания о А.В.Луначарском.

Книжное обозрение:

В №27 — статья А.Пальма «Гюйс на могиле Грина» (очерк творчества к 100-летию со дня смерти).

Там же — статья М.Белкиной «Скрещение судеб» (о дополнениях к ее одноименной книге, выходящей 2-м изданием к 100-летию со дня рождения Цветаевой).

В №29 — эссе С.Яценко «Очаровательное время распада...» (о М.А.Осоргине).

В №33 — статья Ю.М.Нагибина «Рассказы тридцатых годов» (о творчестве А.П.Платонова, А.Грина, Л.Добычина).

В №34 — воспоминания П.Бунина о К.И.Чуковском (1960-е гг.)

Крестьянские ведомости:

В №29 — отрывок из романа Пимена Карпова «Пламень» (под названием «Князь тьмы»); вступительная заметка В.Степаненко.

В №32 — рассказ И.А.Бунина «Чистый понедельник».

Криминальная хроника:

В №6 — очерк В.М.Дорошевича «Легендарная Сонька» (из книги «Сахалин»).

Кузница:

В №1 — стихотворение К.Д.Бальмонта «Кузнец».

Культура:

В №18 — рецензия О.Игнатюк «Вновь о Марине» на спектакль «Пленный дух» по произведениям Цветаевой (театр «На Покровке»).

В №21 — заметка В.Удовика «В гости к Зощенко» (в связи с открытием музея в Петербурге).

Лесная газета:

В №79 — рассказ Пантелеймона Романова «Дым».

Литературная газета:

В №27 — «В Хлебникове есть все!» (воспоминания Д.Д.Бурлюка, Н.А.Удальцовой, Н.Н.Барюткина, написанные в 1935-1956 гг. по просьбе Н.И.Харджиева; запись устных воспоминаний и высказываний Мандельштама о Хлебникове); публикация Н.И.Харджиева.

В №28 — рецензия В.Радзишевского на переиздание книги Л.В.Ивановой «Воспоминания: Книга об отце» (М., 1992).

В №29 — републикация забытого фельетона М.Горького «О самокате» (из газеты «Нижегородский листок», 1898); вступительная статья и публикация М.Г.Петровой.

Там же — статья Ж.Васильевой «Болшево: “Постепенное щемление сердца”» (к открытию музея М.И.Цветаевой в Болшево).

В №30 — статья И.Волгина «Дом в Нащокинском» (Мандельштам и Булгаков). (Эта публикация, как и публикация в «Литературных новостях», см. ниже, представляет собой фрагмент из исследования «Неудостоенные света. Булгаков и Мандельштам: Опыт синхронизации», полностью опубликованного в №№7-8 журнала «Октябрь»).

В №31 — подборка материалов под заглавием «Искусствоведы из ПБ», связанных с цензурной судьбой пьес Булгакова «Бег» (отзыв П.М.Керженцева, представленный в Политбюро ЦК, 1929 г.) и «Мольер» (его же отзыв, направленный Сталину и Молотову; здесь же — резолюции Сталина, Молотова, Кагановича и др.); публикация Н.А.Кривовой, вступительная статья А.Борщаговского.

Там же — рецензия Д.Лекуха на книгу М.Осоргина «Вольный каменщик» (М., 1992).

В №32 — Пастернак Б. «Хочу жить с тобой хорошо долго, долго...»: (Письма Б.Л.Пастернака З.Н.Пастернак) / Подгот. текста и публ. Н.Пастернак, М.Фейнберг; Вступит. ст. и коммент. М.Фейнберг.

В №33 — отзыв И.Фонякова «Время собирать камни» о книге «Харбин: Ветка русского дерева» (Новосибирск, 1991).

Там же — информация Е.Якович о работе по составлению аннотированного указателя мемуаров русской эмиграции (Стэнфордский университет и Гуверовский институт совместно с бывшей Библиотекой им. Ленина и Исторической библиотекой); И.В.Леонидова — о коллекции изданий русской эмиграции в библиотеке Фонда культуры.

В №34 — отклик П.Б. на статьи В.Пьецуха, Л.Аннинского, Б.Парамонова и Г.Адамовича о Горьком.

Там же — статья И.Фонякова «Он никогда не был “отличником”» (в связи с открытием музея М.М.Зощенко в С.-Петербурге).

Там же — статья П.Куприяновского «Бальмонт или Бальмонт?».

Там же — статья Л.Озерова «Даль века вижу невозбранно...» (о Данииле Андрееве); два неизвестных стихотворения Д.Л.Андреева 1950 г. (публикация А.А.Андреевой).

В №35 — рецензия Т.К. на публикацию неизвестных стихов К.К.Вагинова (Звезда. 1992. №2).

Литературная Россия:

В №28 — статья Вс.Сахарова «Издательский детектив: Михаил Булгаков в лабиринте реальной политики» (история издания «Белой гвардии», взаимоотношения Булгакова и И.Г.Лежнева и др.)

В №30 — статья Л.Калининой «Веселой злобы не тая» (по материалам следственного дела Бориса Корнилова; в частности, цитируются протоколы допросов, анкеты и др.)

Литературные новости:

В №8 — статья Л.Аннинского «“Я виновен... Я ошибся... Я ее не узнал...”»: О судьбе Виктора Шкловского (по поводу публикации писем Шкловского 1939-1947 гг. в журнале «Странник», 1991, вып.2).

В №9 — воспоминания Льва Повицкого «Сергей Есенин в жизни и творчестве» (начало в №№3-5).

Там же — статья Ю.Рябинина «Поэт казнит палача» (о Л.Канигиссере).

Там же — анонимная рецензия на «Солнце мертвых» Шмелева (М., 1992).

В №10 — статья И.Волгина «Булгаков и Мандельштам».

Медицинская газета:

В №58 — статья Ю.Виленского «Лечить по Булгакову» (Булгаков как венеролог, передача киевским мединститутом Дому-музею М.А.Булгакова нескольких муляжей, по которым будущий писатель «постигал таинства диагностики в венерологии»).

Москвичка:

В №20 — статья Н.Рериха «Души народов» (1932).

Московская правда:

В №139 — статья Г.Хальзовой «С днем рождения, Маяковский!»

Московские новости:

В №31 — статья Льва Наврозова «История русской литературы XX века в эмиграции» (Цветаева, Замiatин, Набоков и др.)

В №32 — «Изъять всякие упоминания: Уроки цензуры» / Подгот. Т.Горяевой. Материалы архива Общего отдела ЦК КПСС, экспонировавшиеся на выставке в Вашингтоне «Открытия в российских архивах»; приведены отрывок из отчетного доклада Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита РСФСР за 1939 г. (в частности, о цензурных вычерках в повести М.М.Пришвина «Лисичкин хлеб»), приказ Уполномоченного Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати от 26 августа 1949 г. об изъятии книг К.Симонова, Н.Тихонова, И.Эренбурга, письма Б.Пастернака Д.А.Поликарпову от 1 апреля 1959 г. и в Управление авторских прав от 29 апреля 1959 г., касающиеся Нобелевской премии, а также резолюции на них Д.А.Поликарпова и Е.А.Фурцевой.

Московский литератор:

В №24 — статья Н.Карташовой «Чем человек жив» (о поэтессе-эмигрантке из Харбина А.Ф.Кузьминской); в тексте статьи — отрывки из ее писем автору. Стихи А.Ф.Кузьминской.

В №26 — статья Ю.Прокушева «О “безнравственности” Есенина и о том, как поэт “исчерпал” себя: Открытое письмо профессору Б.С.Свадковскому» (в связи со статьями последнего о причинах смерти Есенина и его жизни в последний год).

Народная газета:

В №147 — статья М.Маловой «В деревне Дубровка» (об открытии дома-музея С.А.Клычкова).

В №167 — статья В.Балдина «Человек труда» (о поэте-суриковце М.А.Козыреве).

Начало:

В №30 — статья Льва Колодного «Кто написал “Тихий Дон”».

Независимая газета:

В №134 — рецензия Б.Соколова на книгу П.Флоренского «Детям моим: Воспоминания прошлых лет» (М., 1992).

В №135 — подборка из текстов М.Волошина, С.Соловьева, А.Белого и М.Кшесинской, посвященных А.Дункан; предисловие Е.Суриц (из книги «Айседора Дункан: Гастроли в России», готовящейся к выходу в издательстве «Артист. Режиссер. Театр»).

В №143 — статья Л.Кациса «В начале пути: Иудео-христианский диалог в русской культуре» (в частности, о В.В.Розанове).

В №144 — рецензия Б.Соколова на сборник «Возвращение», составленный из произведений репрессированных писателей (М., 1991).

В №148 — статья В.Гаевского «Азбука Акима Вольнского», посвященная «Книге ликований»; отрывок из «Книги ликований» Вольнского.

Там же — интервью с Н.М.Любимовым «Перемысль» (в частности, о встречах в 20-е гг. и позднее с Г.Алексеевым, С.Клычковым, Б.Пастернаком, М.Бахтиным); беседу вела Е.Шубина.

В №151 — воспоминания А.Райкина о К.И.Чуковском (литературная запись В.Семеновского; из готовящейся к изданию книги воспоминаний).

В №155 — рецензия Н.Г. на репринтное переиздание 1-го тома Собрания сочинений В.С.Соловьева (М., 1992).

Патриот:

В №32 — статья Н.Романович «Дом поэта» (о доме М.А.Волошина в Коктебеле; в частности, о пребывании там А.Н.Толстого, М.И.Цветаевой, О.Э.Мандельштама).

Подмосковные известия:

В №129 — статья А.Яблоновского «Новый Шаляпин» (из парижской газеты «Возрождение», 1929).

В №133 — рассказ А.И.Куприна «Песик — черный носик» (из парижской газеты «Отечество»); предисловие и публикация О.Фигурновой.

Там же — статья О.Уваровой «Здесь живет душа поэта» (к открытию в с.Дубровка Талдомского района Дома-музея С.А.Клычкова).

В №142-143 — отрывок из книги А.Сенкевича «Рерихи и Лубянка» (под названием «В Шамбалу сияющую через коридоры Лубянки»).

В №144 — статья И.С.Лукаша «Лавр Корнилов» (из парижской газеты «Возрождение», 1939).

В №146 — статья А.Руднева «Царицыно, воздушный сад» (о пребывании Л.Н.Андреева в Царицыно).

В №150 — фельетоны А.И.Куприна «Рубец» (о М.Горьком) и «Еда» из ревельских газет 1919-1920 гг.

В №157 — фельетон А.Т.Аверченко «Отцы города Нарвы» (из ревельской газеты «Последние известия», 1923); предисловие и публикация О.Фигурновой.

Там же — статья С.Позднышева «Пятьдесят лет на службе России» (о П.Н.Краснове, из парижской газеты «Русский инвалид», 1939).

В №167 — отрывок из посвященной М.И.Цветаевой книги С.М.Волконского «Быт и бытие» (под названием «Моя лучшая дружба за жизнь...»); вступительная статья без подписи.

Там же — статья Г.В.Адамовича «Павлова» (из парижского еженедельника «Звено», 1928); предисловие И.Хабарова.

Подмосковье:

В №27 — интервью с вдовой Бориса Лавренева Е.М.Лавреневой «Сквозь призму времени» (воспоминания о Зоценко, Федине, изложение истории написания статьи Б.Лавренева «Казненный дегенератами», фрагменты статьи по рукописи); беседу вел А.Лютер.

В №31 — статья С.Половинкина «Пора начинать великую литургию» (очерк о Е.Н.Трубецком).

Рабочая трибуна:

В №84 — статья А.Наджарова «Тайны фонда №7» (об архивах Лубянки, в частности, о недавней находке писем Шолохова, раскрывающих, по мнению автора, историю написания «Тихого Дона»).

Радикал:

В №28 — статья П.Басинского «Постмодернизм и Максим Горький».

В №32 — начало статьи О.Соколова «Это памятная первая высылка...» (о высылке русской интеллигенции в конце 1922 г.).

Российская газета:

В №157 — статья С.Лесневского «Прощай, соловьиный сад!» (о положении в блоковском Шахматове).

Российские вести:

В №29 — публикация «НКВД о литературе и литераторах: (Спецсправка о настроениях среди писателей)»; воспроизведена в настоящем номере «De Visu».

В №37 — заметка Т.Семашко «Из Парижа в Москву» (в связи с приобретением для Фонда культуры рукописей Цветаевой, Бенуа, Лифаря, Алданова).

Русский вестник:

В №30/31 — отрывок из книги воспоминаний В.Н.Столярова-Оболенского «Возвращение корнета Оболенского» («Смерть корнета Оболенского»; в частности — о приеме А.И.Куприна Л.Б.Каменевым весной 1918 г.); предисловие Е.Митарчук.

Русский рубеж:

В №7 — материалы к юбилею Бородинской битвы, в частности, статья М.Филина «1812 год и русская эмиграция» (обзор исторических работ и художественных произведений, посвященных этой теме, а также однодневной газеты «Бородино», вышедшей в 1937 г. в Харбине).

Сельская жизнь:

В №56 — стихотворение И.А.Бунина «Детство».

Семь с плюсом:

В №26 — очерк Юрия Хечикова «Крутые дороги Александры Толстой» (из его книги «Война и милосердие»).

Семья:

В №27 — воспоминания А.М.Ремизова «Петербургский буерак» (из книги «Встречи», с сокращениями).

В №32 — очерк Зинаиды Шаховской «Набоков в жизни».

В №34 — стихотворение Саши Черного «Балбес», рассказ А.Аверченко «Невозможное».

Смена:

В №163 — рецензии С.Тюсова «Дешевое прекрасное» (на сборник текстов обэриутов «Ванна

Архимеда», Л., 1991), С.Никольского «Красота сомнений» (на книгу Д.С.Мережковского «Большая Россия», Л., 1992), Р.Петропавловского «Философия общих мест» (на двухтомник Г.П.Федотова «Судьба и грехи России», СПб., 1992).

В №165 — статья М.Золотоносова «Булгаковский год: Неюбилейные размышления об итогах “булгаковского года”».

В №184 — статья Н.Стрижак «Самый веселый писатель, самая нелепая судьба» (к открытию музея М.М.Зоценко в С.-Петербурге).

Статский советник:

В №3 — интервью с А.Т.Рыбиным «Сотрудник НКВД о “деле врачей”» (в частности, о подробностях убийства М.Горького); беседу вел Н.Леонтьев.

Сын Отечества:

В №34 — стихи Ф.Касаткина-Ростовского; первая публикация из цикла «Поэзия белой гвардии и эмиграции», готовящегося по фондам Российского государственного военного архива (бывший Центральный государственный архив Советской армии); предисловие И.В.Успенского.

Третье сословие:

В №5 — стихотворение М.Цветаевой «Отказываясь — быть...».

Там же — под заглавием «Коммунизм, загнав жизнь внутрь, дал выход душе» ответы М.Цветаевой, М.Алданова, И.Шмелева, А.Ремизова на вопросы редакции пражского журнала «Своими путями» о будущем русской литературы (перепечатываются из №8/9 журнала за 1925 г.); публикация М.Ванделовской.

Учительская газета:

В №24 — статья В.Дядичева «Ахматова и Маяковский» (по известным документам и воспоминаниям).

В №25 — статья А.Княжицкого «Уроки Михаила Булгакова: Страницы из книги для учителя» (о рассказе «Полотенце с петухом» и его значении для воспитания ребенка).

Там же — статья Б.Волкова «В поисках музыкального смысла» (о музыковедческих работах А.Ф.Лосева).

В №26/27 — продолжение статьи А.Княжицкого (о рассказе «Тьма египетская»).

В №28 — статья А.Герасимовой «Странный писатель» (очерк жизни и творчества Д.Хармса).

В №29 — статья Б.Волкова «Запечатленный свет» (о научном наследии А.А.Потебни).

Федерация:

В №29 — статья П.Н.Краснова «Когда рассеется исторический туман» (о русском казачестве); публикация А.Брежнева.

Час пик:

В №29 — воспоминания В.Адмони «Белые ночи Владимира Яхонтова» (в частности, о постановке им «Петербурга» Белого).

В №33 — под общим заглавием «Товарищество на пайках» материалы из ЦГАЛИ: воспоминания Ю.И.Айхенвальда 1925 г. (о системе пайков; атрибуция публикатора), письмо Ю.И.Айхенвальда П.С.Когану от 15 июня 1921 г. (с просьбой обеспечить пайком М.И.Цветаеву), постановление научно-художественной секции Государственного учебного совета о распределении пайков для творческих работников. Вступительная статья и публикация А.И.Рейтблата.

Там же — фельетон «Сорок казенных червонцев. Три варианта» (опубликованный в бакинском жур-

нале «Желонка» и принадлежащий, по версии его публикатора Ф.Балонова, М.А.Булгакову).

Экран и сцена:

В №26 — рецензия Н.Каминской «Павел I второй» на спектакль по Д.С.Мережковскому в Театре Армии.

Megapolis-Метро:

В №81 — перепечатка повести И.Ильфа и Е.Петрова «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска».

DV

Корректур и рукописи

О ситуации, сложившейся в книгоиздании сегодня, писалось и говорилось уже немало (см., напр.: «De Visu», 1992. №0). Тотальная коммерциализация привела к тому, что издатели не решаются выпускать книги Андрея Белого, Ходасевича, Кузмина, Платонова, Сологуба и др., боясь, что они будут убыточными. Не будем говорить об историко-литературных и литературно-критических работах. Десятки (если не сотни) книг, уже подготовленных к печати и доведенных до корректуры, осели мертвым грузом в издательствах или у авторов и составителей. «De Visu» собирается подробно информировать о такого рода «изданиях», связанных с областью его интересов. Возможно, наши «брачные объявления» помогут найти книгам своих издателей.

Редакция «De Visu» просит своих читателей и издательских работников — информировать о книгах, оказавшихся в сходной ситуации.

Издательство «Правда». Воспоминания о Владимире Сергеевиче Соловьеве. Сост., коммент., предисл. А.А.Носова

Книга продолжает знакомить читателей с основным корпусом мемуарной литературы о В.С.Соловьеве (попытки собрать наиболее известные воспоминания о философе была сделана нами в сборнике: Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий 1990).

Собранные в новом издании мемуары призваны воссоздать перед современным читателем облик В.С.Соловьева, расширить представление о личности философа, представить основные вехи его жизненного пути, познакомить с его родными, близкими, друзьями. Вместе с тем материалы, представленные в книге, освещают некоторые малоизвестные события общественно-культурной истории 1870-1890-х гг., — периода, принципиально важного для понимания исторического пути России в начале ХХ века.

Сборник включает преимущественно публиковавшиеся ранее мемуары; наряду с известными и вообще доступными исследователям материалами, сюда вошли публикации, затерянные на страницах малоизвестных и труднодоступных изданий (дореволюционные и эмигрантские газеты, малотиражные сборники), из которых многие не учтены существующими соловьевскими библиографиями. Составитель стремился представить основные разновидности мемуарного жанра: пространные «очерки жизни и творчества» (В.Величко), «философские характеристики» (Л.Ло-

патин, С.Н.Трубецкой) и эссе, написанные философами и общественными деятелями различных политических и идеологических ориентаций (А.Ф.Кони, Е.Н.Трубецкой, В.В.Розанов, архиепископ Антоний Храповицкий); воспоминания родных и близких, повествующие об интимно-бытовых сторонах жизни философа (М.С.Безобразова, К.Ельцова) рассказывающие о любовных увлечениях юного философа (Е.М.Поливанова, Е.Н.Шуцкая); короткие заметки, посвященные эпизодическим встречам с Соловьевым (П.Б.Струве, Е.Ю.Елец, Ю.Л.Сазонова, Ю.И.Айхенвальд); воспоминания охватывают период от детских и юношеских лет Соловьева (А.С.Ешевская, Д.Н.Цертелев) до последних минут его жизни (Н.В.Давыдов, А.М.Панютина).

В «Приложениях» помещены материалы, касающиеся некоторых наиболее запутанных эпизодов биографии Соловьева: его публичного призыва к помилованию народовольцев (работа П.Е.Шеголева «События 1 марта и Владимир Соловьев»), принятию католичества (письмо униатского священника Николая Толстого в редакцию газеты «Русское слово»), а также шуточная мистерия Ф.Л.Соллогуба «Соловьев в Фиваиде» и письмо Е.Н.Трубецкого брату С.Н.Трубецкому, рассказывающее о первом знакомстве с Соловьевым. Все тексты воспроизводятся по авторским публикациям; не публиковавшиеся ранее или публиковавшиеся частично — по автографам.

Объем издания — 30 листов. Комментарий (3 листа) содержит краткую биографическую справку о мемуаристе, об истории его знакомства с Соловьевым,

историко-литературные и библиографические справки, атрибуцию цитат и др.; для комментирования привлекается значительный массив архивного материала (эпистолярный, дневники, воспоминания, материалы архива С.М.Лукьянова). Предваряется книга вступительной статьей «Владимир Соловьев и его друзья» (1,5 листа).

А.Н.

Издательство «Художественная литература». Владислав Ходасевич. Сочинения в 2-х томах.

«Сочинения» — наиболее полное, на сегодняшний день издание творческого наследия Ходасевича в его отечестве. Это издание, приближающееся по типу к малому Собранию сочинений — а Собрания сочинений Ходасевича мы еще не имеем (в США такое Собрание только начало выходить). Автор представлен в двухтомнике разнообразными видами литературного творчества, в которых он работал. Поэзия Ходасевича уже неплохо издана — и основной ее корпус входит в двухтомник (сверх пяти прижизненных книг — стихотворения, не собранные поэтом в книги, а также неопубликованные при жизни и незавершенные).

Иначе обстоит дело с обширным прозаическим наследием Ходасевича — оно не собрано, не издано, не изучено. В двухтомнике основной объем составляют разные виды прозы, в которых писал Ходасевич: его эпохальная мемуарная проза (помимо книги «Некрополь» — обширный раздел воспоминаний, печатавшихся автором в зарубежной русской прессе), своеобразная литературоведческая и критическая проза поэта, повествовательная проза, эссеистика. Из этого массива, написанного им в прозе, границы которого еще точно не определены, сам автор озаботился собрать в нескольких изданных им книгах лишь часть своих историко-литературных работ и мемуарных очерков. В посмертных американских изданиях 1954 и 1982 гг. состав был расширен, но ограничен тоже избранной критикой и мемуаристикой; к тому же они напечатаны в этих сборниках с сокращениями и немалыми погрешностями в тексте.

Составители двухтомника уделили особое внимание отбору статей и мемуарных очерков Ходасевича из огромного массива напечатанного им в российской и зарубежной периодической прессе (притом по большей части — в газетах) за 34 года его работы в литературе. Почти во всех случаях они печатаются по авторским прижизненным публикациям. Всего более 100 прозаических произведений Ходасевича воспроизводится по первопечатным текстам; многие из них с тех пор не перепечатывались.

Большой значительный отдел издания составляют письма Ходасевича к 28 корреспондентам с 1905 по 1939 гг.; письма Ходасевича в таком широком составе и таком объеме собираются впервые. Среди корреспондентов — А.Белый, Б.А.Садовской, Г.И.Чулков, В.И.Иванов, З.Н.Гиппиус, Ю.Н.Айхенвальд, М.В.Вишняк, Н.Н.Берберова, В.В.Набоков, В.В.Вейдле, и др. Более 30 из 85 писем печатаются впервые.

Двухтомник сопровождает вступительная статья-исследование С.Г.Бочарова, а также комментарий академического типа, о котором следует сказать особо, поскольку он дает издание характеристику и представляет в нем самостоятельную ценность. Достаточно сказать, что комментарий составляет около

четверти общего объема издания (почти 20 листов). Подготовленный коллективом специалистов, комментарий дает путеводную нить не только по творчеству Ходасевича, но и по культурной жизни эпохи, в особенности по литературной жизни русского зарубежья, прежде всего парижского. Фундаментальный комментарий — принципиальная особенность двухтомника.

Издание богато иллюстрировано, альбомы к обоим томам содержат более сотни фотографий.

«Сочинения» подготовила группа авторов, в которую входят С.Г.Бочаров, И.П.Андреева, И.П.Хабаров, Н.А.Богомолов, М.Г.Ратгауз, С.И.Богатырева, И.А.Бочарова. Автор альбома — А.В.Наумов.

Общий объем издания — около 80 листов.

С.Б.

Издательство «Книга». Владислав Ходасевич. О Пушкине. В 3-х томах. Сост. И.Сурат при участии И.Хабарова. Вступ. ст. и коммент. И.Сурат.

В настоящем издании впервые собраны воедино пушкиноведческие работы Владислава Ходасевича: завершённые и незавершённые книги, а также статьи, очерки, эссе, рецензии и заметки (всего более 150), публиковавшиеся в российской периодике 1913-1924 гг. и позже в эмигрантской периодике 1925-1939 гг. (в газетах «Дни», «Последние новости», «Возрождение», в журналах «Воля России», «Современные записки», в альманахах и сборниках). Впервые публикуются архивные материалы из фонда Ходасевича в ЦГАЛИ и коллекции А.Ивича.

Итоговая книга Ходасевича «О Пушкине» перепечатывается с берлинского издания 1937 г., ставшего библиографической редкостью вследствие ничтожного тиража (500 экз.) Книга «Поэтическое хозяйство Пушкина», известная российскому читателю в искаженном и урезанном издании (Л., 1924), печатается по авторизованному варианту берлинского журнала «Беседа»; в комментарии восстановлен по архивным материалам полный авторский замысел книги. В издание включены главы недописанной биографической книги «Пушкин». Представлены также материалы «Литературной летописи», публиковавшиеся за подписью «Гулливер» в газете «Возрождение». В Приложении к 3-му тому — отклики, рецензии, полемика вокруг пушкинистики Ходасевича (тексты Г.О.Винокура, Б.В.Томашевского, В.В.Вересаева, П.Е.Щеголева, М.Л.Гофмана, Ю.В.Мандельштама, В.В.Вейдле, Г.В.Адамовича и др.).

Исследования Ходасевича касаются различных проблем пушкинистики: вопросы психологии творчества, смысл и поэтика пушкинских произведений, внутренние связи между ними, автобиографический подтекст, автореминисценции и лейтмотивы, особенности словоупотребления, рифма, ритмика, интонация стиха, проблемы пушкинской биографии, окружение поэта, эдиционные вопросы, проблемы восприятия Пушкина, его место в русской истории и культуре. Пушкинистика Ходасевича соединяет черты профессиональной научной работы и писательского исследования, фактическую и текстологическую обоснованность с блеском художественного таланта.

Издание сопровождается вступительной статьей И.З.Сурат «Пушкинист Владислав Ходасевич» (3,5 авторских листа), академического типа комментарием (общий объем — 20 листов), включающими в себя обширный фактический материал и современную

точку зрения на затронутые проблемы пушкинистики. В 3-м томе — указатели (именной и произведений Пушкина).

Общий объем — 83 листа.

И.С.

Издательство «Советский писатель». Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. Сост. Н.В.Корниенко и Е.Д.Шубина. Андрей Платонов: Мир творчества. Сост. Н.В.Корниенко и Е.Д.Шубина.

В естественной эйфории недавних лет, связанной с возвращением главных книг Андрея Платонова, как-то незаметно отошли на второй план вопросы биографии и текстологии. Оказалось, что мы знаем о писателе удивительно мало — о том, как он жил, как работал, о круге его чтения, человеческого и писательского общения. Первая книга данного издания является наиболее полным на сегодня сводом документов, писем, воспоминаний о его жизни и творчестве. В ней собран уникальный материал, почерпнутый из архивов (ЦГАЛИ, Пушкинский Дом, архив М.А.Платоновой), относящийся к истории издания и неиздания произведений Платонова («Чевенгур», «Котлован», «14 Красных избушек», «Впрок», «Счастливая Москва»); перепечатываются выступления критиков и писателей 20-40-х годов, сыгравшие роковую роль в судьбе писателя (В.В.Ермилов, Л.Л.Авербах, А.А.Фадеев, А.С.Гурвич и др.); письма-рецензии и письма-доносы, стенограммы обсуждения творчества Платонова (в частности, стенограмма его творческого отчета 1932 г., стенограмма обсуждения рассказа «Среди животных и растений» 1936 г.)

В книгу включены также малоизвестные и доселе неизвестные произведения Платонова («Машинист», «О первой социалистической трагедии», сценарии «Тит-человек», «Бессмертный солдат» и др.), извлечения из его записных книжек, частная переписка (с Л.И.Тимофеевым, А.И.Вьюрковым, А.А.Фадеевым,

письмо А.А.Жданову и др.); подняты такие важные темы, как «Платонов и политические процессы 1936-1938 гг.» (публикуются стенограмма выступления Платонова на собрании в Союзе писателей 1936 г., перепечатывается его известная статья из «Литературной газеты»), «Платонов и театр», история личных и творческих взаимоотношений Платонова с В.Б.Шкловским (сообщение А.Ю.Галушкина), Б.Пильняком (в связи с совместной работой над пьесой «Дураки на периферии»), А.А.Фадеевым, писателями-«перевальцами».

Все тексты сопровождаются историко-культурным и текстологическим комментарием. Общий объем корректуры книги — 490 страниц.

Вторая книга включает проблемно-аналитические статьи критиков и литературоведов, исследующие разные стороны биографии и художественного мира Андрея Платонова. Среди авторов этой книги, в частности, — Л.Шубин (статья «Градовская школа философии»), И.Роднянская (статья о «Впрок» и «Ювенильном море»), М.Ямпольский («Платонов, прочитанный Сокуровым»), Н.Корниенко («Страна философов» — о «Сокровенном человеке»), С.Семенова («Тайное тайных Андрея Платонова: Эрос и пол»), Е.Толстая-Сегал (работы «Идеологические контексты Платонова» и «Стихийные силы: Платонов и Пильняк»), Т.Лангерак (о биографии Платонова), Э.Маркштейн («Дом» и «Котлован», или Мнимая реализация утопии»), А.Жолковский (о рассказе «Фро»). Некоторые статьи написаны специально для настоящего издания и публикуются впервые (упомянутые работы Н.Корниенко, С.Семеновой, И.Роднянской), некоторые существенно переработаны (Т.Лангерак), другие или впервые публикуются на русском языке (Т.Сейфринд), или впервые перепечатываются в России из зарубежных славистских изданий.

Оба тома богато иллюстрированы — около ста фотодокументов, автографов и др.

Е.Ш.

«Alma mater»

Трудно представить, какое количество новых периодических изданий возникло за последние 5-6 лет. Некоторые из них выходят и по сей день, другие исчезли, успев выпустить только нулевой номер. Журнал "De Visu" надеется, что его не постигнет участь последних и предполагает освещать некоторые из новых изданий (как выходящих, так и прекративших существование) на своих страницах. В наших ближайших номерах — обзор газеты «Северная Гилея» (Архангельск).

Редакция "De Visu" просит сотрудников новых изданий, в сферу интересов которых входит русская литература 1890-1930-х гг., присылать эти издания для наших обзоров.

ALMA MATER PERFUTUTA

«Здесь демонстрируется очень глубокое зондирование метода».

M.Pamtauз (Alma mater. 1990. №3)

Первый номер тартуской газеты на русском языке «Alma mater» (не путать с кемеровской «Альма матер», которая также заслуживает отдельного обзора) поя-

вился в марте 1990 года. Подзаголовок газеты гласил: «Студенческая». Это издание пришло на смену листку «ТГУ» («Тартуский государственный университет»), печатавшемуся с перерывами около 40 лет — то в качестве «русской странички» эстонской газеты «Tartu Riiklik Ulikool», то самостоятельно — вплоть до 1986 года. Историки литературы и библиографы вспомнят,

что именно в этом листке были впервые опубликованы некоторые тексты Б.Л. Пастернака (подготовленные Г.Г.Суперфином), заметки Ю.М.Лотмана, но «в общем и целом», как говорится, ничто не предвещало, что многотиражка «ТГУ» дорастет до «Alma mater». Попытки выпустить «Alma mater» в свет с помощью университетских парткома и ректората предпринимались еще в 1988 (два подготовленных, но не вышедших номера) и в 1989 (три невышедших номера) годах. Издание наконец осуществилось — благодаря поддержке кооператива «Pindi» (председатель Рейн Кильк). Редактор «Alma mater» Дмитрий Кузовкин обещал разместить на 8 полосах известия о жизни и научной работе студентов, информацию о тартуских культурных и политических событиях, сообщения из других университетов и вузов тогдашнего СССР, публикации литературно-критических сочинений, гуманитарных исследований и художественных произведений, а также аннотированную библиографию. Указывалась и предполагаемая периодичность выхода газеты: 2 раза в месяц или 3 раза в 2 месяца.

К сожалению, не все задуманное удалось осуществить. Сегодня уже никого не удивляют запаздывающие иногда на несколько месяцев (а то и на год) журналы. Но нерегулярная газета... За истекшие более чем два с половиной года были напечатаны только 7 номеров «Alma mater»^{*}. Это существенно повлияло на облик издания: такие необходимые газете свойства, как оперативность и фактографичность, «по независимым от редакции условиям» потеряли смысл. Вузовские проблемы и политическая злободневность на страницах «Alma mater» постепенно уступили место филологическим разысканиям и оценке явлений культуры. Как ни странно, газета от этого только выиграла; выражаясь языком шахматистов, «Alma mater», пожертвовав (скорее всего, поневоле) «инициативой», приобрела «качество» — и собственное лицо. Молодежный подзаголовок исчез уже с третьего номера — и отнюдь не случайно. Судите сами: в этом номере опубликованы — статья А.М.Пятигорского «Философия или литературная критика» (в сокращенном переводе с англ. И.Пильщикова), небольшое, но ценное эссе К.Г.Исупова «“Человек советский” и мифологизация истории», «юбилейная отповедь» Э.Лимонова И.Бродского (прочитанная первым по Би-Би-Си в день пятидесятилетия последнего), рецензии на книги «Как я понимаю философию» М.К.Мамардашвили (М.: Прогресс, 1990), «После коммунизма» С.Платонова (псевдоним группы авторов; М: Молодая гвардия, 1990), «Эрос и личность» Н.А.Бердяева (М.: Прометей, 1989), «Сатпрем: Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания» (пер. с франц., Л.: Изд-во ЛГУ, 1989) и сказочки «Хрыч да хрычовка», «Золотой кол», «Равенство» Ф.Сологуба (из его «Книги сказок», вышедших в 1905 году в московском книгоиздательстве «Гриф»). На долю студентов остались лишь программа международной студенческой конференции русских филологов (точ-

нее было бы сказать, филологов-русистов), проходившей в Тарту 20-22 апреля 1990 года, имитация «круглого стола» некоторых ее участников да напутствие профессора Ю.М.Лотмана своим молодым коллегам (ср. запись его же выступления на открытии тартуской русской гимназии в №1).

С именем Ю.М.Лотмана — лидера тартуской школы литературоведов и культурологов, учителя большинства создателей «Alma mater» — едва ли не в каждом выпуске газеты, что вполне естественно, связана какая-нибудь публикация (здесь прежде всего следует отметить рассуждения ученого о личности и общественной деятельности академика А.Д.Сахарова в №2 и статью «О природе искусства» в №4). Нередки и встречи с другими «интересными людьми»: интервью с М.Л.Гаспаровым помещено во 2-м номере, с С.Курехиным — в №3, с Патриархом Всея Руси Алексием II — в №4, с М.В.Розановой и А.Д.Синявским — в №5, с В.Игруновым — в №6, с Б.Ю.Понизовским — в №7.

«Alma mater» отдает должное и другому, смежному с предыдущим, жанру — мемуары об «интересных людях». Так, в №5 мы найдем воспоминания Б.Я.Ямпольского о молодых годах Габриэля Суперфина, а в №1 — рассказ В.С.Баевского о встрече с Б.Пастернаком в Переделкино в январе 1959 года. Это — наиболее содержательная часть статьи уважаемого профессора под названием «О “Докторе Живаго” и его создателе» (сюда же включен отрывок из недатированного письма Пастернака В.С.Баевскому).

Значительное место газета отводит осмыслению прежних и нынешних приоритетных направлений в исследованиях различных культурных феноменов. В числе материалов такого рода назовем статью Ю.Кублановского «Аналитическая исповедь Лидии Гинзбург» (№4), перепечатанную, впрочем, из «Вестника Русского Христианского Движения» (1990. №1). Целая группа публикаций могла бы быть объединена заголовком «В поисках утраченного структурализма» (выражение В.Руднева): ряд участников тартуских ученых бдений и баталей 1960-х годов выступил в поэтике автометаописания. «Затравочной» стала статья Б.М.Гаспарова «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен» (№5), опять-таки перепечатанная в сокращении из «Wiener Slavistischer Almanach» (1989. Bd.23). Отклики не замедлили воспоследовать. В №6 с «Зимними заметками о летних школах» и «Размышлениями выпускника летней школы» выступили соответственно Ю.М.Лотман и С.Ю.Неклюдов, а в №7 появились статьи И.А.Чернова «Тартуская школа: Извне и изнутри» и Б.Ф.Егорова «Подложки поправок». Воспоминания, как это часто бывает, переросли в полемику. Многих «тартуанцев» (беру это слово в кавычки, потому что среди них имеются москвичи и ленинградцы) не удовлетворяет категория «эзотеричности», используемая Б.М.Гаспаровым при характеристике всемирно известной семиотической школы. Как бы там ни было, чтение упомянутых статей интересно и поучительно не только для историка науки. Будем надеяться, что «Alma mater» и в дальнейшем станет обращаться к этой теме. Возможно, публикации, касающиеся ретроспективной оценки тартуской школы, стоило бы впоследствии собрать и издать отдельно.

* Газета несколько раз меняла свой полиграфический облик и после каждой более или менее значительной задержки в выходе начинала новую пагинацию: №1, 2, 1(3), 2(4), 3(5), 1(6), 2(7). Для удобства читателя в нашем обзоре мы даем сквозную пагинацию.

Большое внимание газета уделяет литературному наследию, ограничиваясь при этом, правда, XX веком и предпочитая архивным материалам републикации (хотя и довольно редких, надо признать, текстов). Помимо уже упоминавшихся сказочек Ф.Сологуба, «Alma Mater» знакомит своих читателей с произведениями Аркадия Аверченко, Алексея Ремизова, Бориса Поплавского и Аркадия Велянсона. Первый представлен «Приятельским письмом Ленину от Аркадия Аверченко» (№2), впервые, насколько нам известно, появившемся в советской печати именно здесь, в «Alma Mater». (Публикатор Глаголев (в газете — без инициалов) не скрывает, что текст перепечатывается из довольно известного альманаха «Russica-81» (N.Y., 1982) и жалеет, что в этом альманахе не указано место первой публикации фельетона; спустя два года восполним эту лауну: насколько нам известно, впервые «Письмо» Аверченко появилось в константинопольском альманахе «Зарницы» (1921.№15) — DV).

«Заветная» сказка А.М. Ремизова «Что есть табак?», вышедшая в Петербурге в 1908 г. библиофильским тиражом перепечатана в №4. (Нам кажется, что эту публикацию имело бы смысл снабдить более содержательным предисловием, включив в него, в частности, воспоминания Ремизова об этой книге приведенные в ее переиздании (Париж, 1983) — DV). Интересна подборка стихов Бориса Поплавского в №5 (вступительная заметка Г.М., послесловие Е.Г.). Особо хотелось бы отметить статью Б.Огородникова и П.Розина «Эпизод из истории русской поэзии 1910-х годов» (№5), посвященную Аркадию Вениаминовичу Велянсону (1892-1929), поэту, близкому к акмеизму (его стихи представлены в №5 и 7). В тексте статьи — выдержки из дневника Велянсона 1910-х гг., отразившие, в частности, деятельность «Общества поэтов» (Н.В.Недоброе, А.Д.Скалдин, Е.Г.Лисенков и др.), встречи с Вяч. Ивановым. В №7 разговор о жизни и творчестве Велянсона продолжен на основании новых данных, сообщенных в письме в редакцию внучкой поэта, И.И.Логутовой. (Не отнеси ли к этой группе материалов и републикацию А.Шегединым приписываемой В.И.Ленину статьи «Революция и контр-революция» в №2, не переиздававшейся с 1924 г.). К историко-литературному блоку (с маленькой буквы) примыкает и любопытнейшее исследование М.В.Безродного об «антисемитизме» Андрея Белого («Белый на службе у черной сотни», №7), написанное в связи с перепечаткой газетой «Московский строитель» статьи Белого «Штемпелеванная культура» (далее ре-републиковано в журнале «Наш современник», 1990, №8).

Не обойденным оказался в «Alma mater» и текущий литературный процесс — чего стоит стенограмма задорного выступления писателя В.Личутина на мартовском (1990 года) пленуме Союза писателей РСФСР (№2), бок о бок соседствующая с пронизанным толерантностью монологом Д.Самойлова в Тартуском русском культурном обществе в 1989 году (там же)! Достаточно часто печатаются в газете и произведения малоизвестных, но несомненно талантливых авторов: Дмитрия Ицковича («Роман ее судьбы» в №2), Александры Петровой (стихи в №1 и 7). Пользуемся случаем, чтобы раскрыть некоторые псевдонимы. Под криптонимом «О.», увенчивающем стихотворение «Крыша едет, бряк звоночки, рельсы

стук» (№4), сокрылась Ольга Вязьмина-Баталина. Литерами «Н.Н-ский» подписал стихотворение «Holocaust» (№3) Евгений Горный (за предоставленный «компромат» благодарим А.Ю.Мусорина).

С творчеством «классиков» и «начинающих» на газетных полосах мирно уживаются «маститые». Мы имеем в виду публикацию стихотворений «Проект надписи к Пантеону» Н.Слепаковой (№1) и «Калигула» М.Гаспарова (№2) (добавляющих новые, несколько неожиданные черты к облику этих известных деятелей культуры и науки), а также ярких «взрослых» стихов санкт-петербургского «детского» поэта Олега Григорьева (№1); вступительная заметка Н.Слепаковой, некролог которому помещен уже в №7 (автор — А.П.)

Что и говорить, минувшие два года слишком часто давали повод для появления материалов этого жанра. Как это ни грустно, но почти в каждом номере «Alma Mater» содержатся поминальные слова: Паулу Аристе (№1), Мирославу Дрозде (№3; авторы — В.И.Беззубов, Б.Ф.Егоров), Венедикту Ерофееву (№3; автор — О.Седакова), Валерию Беззубову (№7; авторы — Ю.Лотман и Х.Руннель), Рейну Круусу (№7; автор — С. Шахвердов). Памяти Зары Григорьевны Минц посвящен специальный выпуск «Alma Mater», средства на издание которого предоставило акционерное общество «Соломон». Перечислим только имена участников этого выпуска: Н.В.Котрелев, Б.Ф.Егоров, А.В.Лавров, В.Н.Гопоров, М.Л.Гаспаров, О.Седакова. М.Безродный представлен здесь трогательными стихами под названием «Петербургский текст».

Библиографический раздел «Alma Mater» достоин подражания. Тут рецензируется то, что обычно игнорируют поверхностные журналисты массовых изданий: философские труды, сборники молодых писателей, узкоспециальная «высоколобая» литература. Приведем несколько примеров: в №2 кратко, но метко представлены «Истина и метод» Х.Г.Гадамера (М.: Прогресс. 1988) и сборник повестей и рассказов «Встречный ход» (М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1989; среди авторов — В.Посошков, Н.Садур, В.Нарбикова); в №6 содержится анализ книги «Борис Викторович Томашевский. 1890-1957: К 100-летию со дня рождения /Ред. С.А.Фомичев. Сост. Е.В.Звезденкова, С.Б.Федотова» (М.1991) и библиографического указателя трудов профессора С.Г.Исакова за 1953-1990 годы (Тарту, 1991). Несколько двусмысленный отзыв о последнем издании вызвал реакцию кафедры русской литературы Тартуского Университета, которой рецензия показалась «неверной по сути и неуместной по тону» (см. №7). Такая «обратная связь» свидетельствует о действительности «библиограмм» «Alma mater».

Критические опусы создателей газеты, напротив, не вызывают особого сочувствия. При всей моей неразделенной любви к Тарту я не могу назвать статью аж за тремя подписями (Г.Амелин, А.Блюмбаум, И.Пильщикова) «Краеугольный камень «Нашего будущего»» (№4), сочиненную в пику брошюре А.И.Солженицына «Как нам обустроить Россию», иначе, кроме как «подростковой». К трактату русского писателя можно относиться по-разному, но в любом случае не стоит приписывать ему «критику любой ценой западных демократических свобод и либерализма», а также то, что он якобы «ставит себя в исключительное положение — оказывается «единст-

венным честным человеком” в России». Авторитет в спорах с крупными мыслителями зарабатывается не за счет того, что спор идет с крупными мыслителями, а тогда, когда полемика ведется по существу.

Слаб и политологический отдел «Alma mater»: хочется отметить лишь небольшую статью доктора философии Ю.Шрейдера «Эффект О’Брайена: Парадокс или синдром?...» (№1). Среди прочих газетных материалов стоит выделить также очерк Л.Скорик о В.Стусе «Поэт и гражданин» (№1) и заметки проведенного несколько месяцев в США весной 1990 года в качестве визитинг-профессора Б.Ф.Егорова «Моя Америка» (№5, 6). Б.Ф.Егоров рассказывает о своих встречах с профессорами-славистами Ю.А.Ольховским, Д.Д.Григорьевым, Д.А.Левицким, М.М.Заречняком, М.М.Сушко, Н.В.Моравским, Дж.Биллингтоном и др., а также с Мстиславом Ростроповичем. В итоге читатель получает обстоятельное представление об интеллектуальной и художественной жизни сегодняшней «русской» Америки.

Итак, студенческая газета, с течением времени и под давлением обстоятельств трансформировалась в некую отдушину, преимущественно для филологов,

либо потерявших по известным всем причинам возможность публиковаться с прежней интенсивностью, либо не успевших такую возможность получить. Узок круг читателей «Alma mater». Страшно далека она от народа. Удивляет, впрочем, не это, а некий комплекс неполноценности, который испытывают создатели газеты в связи с тем, что ее тираж плохо расходуется. Они даже ругают сами себя за ненужный публике просветительский энтузиазм и называют собственную газету проституткой (см. «Alma mater»: Опыт распространения», №7), что и сделало допустимой некоторую вольность заголовка нашего обзора. Бросьте, дорогие коллеги! Неужели не ясно, что ваша прекрасная газета — не для масс? Другое дело, что избранных тоже достаточно много, чтобы окупить расходы на издание. Надо только как следует наладить сбыт вашей уникальной продукции. Торговля в метро — не решение проблемы. Единственное, чего по-настоящему не хватает газете и чего следует ей пожелать — это умения внедрить достойную коммерцию в литературу и литературоведение.

А.Б.Рогачевский

Международная научная конференция «Поэт и Время»: К столетию со дня рождения Марины Цветаевой

Конференция, проходившая 9 и 10 октября 1992 года в Институте мировой литературы РАН (ул. Поварская, 25а), 12 октября в «Доме М.Цветаевой» (Борисоглебский пер., 6) и 13 октября в Государственном Литературном музее (Трубниковский пер., 17), открылась выступлением Ф.Ф.Кузнецова. Директор ИМЛИ РАН со слов находившейся в эвакуации в Елабуге библиотекаря фабрики «Большевичка» рассказал полуапокрифическую историю о том, как она видела Цветаеву накануне гибели, и выразил уверенность в высоком научном уровне заявленных докладов. М.И.Фейнберг-Самойлова зачитала несколько слов, которыми приветствовала открытие конференции Анастасия Ивановна Цветаева.

Общей характеристике творчества Цветаевой был посвящен доклад З.Маттаузера (Прага) «М.Цветаева и возвышенность поэзии». Причину особого положения поэтессы — над культурными и политическими веяниями (но не вне их) — исследователь усматривает в «тройном плюрализме»: 1) культурологическом (имеется в виду как бы спонтанное переживание Цветаевой одновременно нескольких культур); 2) аксиологическом (подразумевается ее удивительная толерантность ко всему и вся); 3) поэтическом (отмечается невозможность причислить Цветаеву к какой-то одной определенной «поэтической» традиции). О необходимости целостного постижения уникального и неповторимого цветаевского творчества, раздробленного цветаеведением на различные темы и подходы, говорила О.Г.Ревзина (Москва) в докладе «Философия М.Цветаевой» (вослед М.Хайдеггеру философия понималась докладчицей как метафизика, т.е. «род познания, имеющий предметом сущее в целом»). Участники конференции не последовали, однако, призыву О.Г.Ревзиной, и пошли по традиционному исследовательскому пути.

Ряд сообщений был посвящен «лейтмотивам» цветаевской поэзии. Так тему «дома» у Цветаевой сквозь все ее творчество проследили М.Л.Гаспаров и Н.Г.Дацкевич (Москва). Совокупный метафизический смысл разноликого образа Дома (дом земной, дом небесный, дом как страна, дом как мир etc.) видится авторам в том, что это точка отталкивания, устремляясь из которой, лирическая героиня Цветаевой пытается сделать движение ввысь бесконечным. По просьбе соавторов доклад был прочтен вслух Е.Б.Коркиной.

Л.Г.Федосеева (Москва) в качестве одного из лейтмотивов называла «пророческое видение» Цветаевой, предугадавшей не только собственную судьбу, но и будущее родных и близких, а в какой-то степени

и России в целом. В этой связи Т.И.Меркулова (Москва) коснулась особой роли эсхатологических мотивов в цветаевской поэзии, причем, по мнению докладчицы, Цветаева удивительным образом соединяла в своем мировоззрении православную эсхатологию с псевдохристианским сознанием.

Вероятно, какую-то мотивацию подобного «симбиоза» можно было бы обнаружить в сообщении В.Ю.Александрова (Волгоград) «О природе фольклоризма у Цветаевой». Трактовка Цветаевой фольклорных тем и образов отмечена, с одной стороны, глубинным рационализмом (наподобие В.Я.Проппа), а с другой стороны, несет на себе явные следы дофольклорной, архаической стадии развития словесного искусства. Различные аспекты архаического, мифопоэтического затрагивались в докладах К.Г.Петророва (Коломна) «Как я люблю имена и знамена» (о мифопоэтическом слое в именах поэтов, упоминаемых в стихах Цветаевой) и Йованны Спендель де Варда (Турин) «Мифы детства в поэзии Цветаевой». Общетеоретическая база мифопоэтическому изучению цветаевского наследия была подведена в докладе Н.П.Крохиной (Шуя) «Некоторые мифопоэтические аспекты творчества М.Цветаевой».

Частные вопросы цветаевской поэтики и своеобразия некоторых используемых поэтессой жанров были рассмотрены в сообщениях Н.М.Герасимовой (С.-Петербург) «Энергетика цвета в поэме Цветаевой» «Молодец», Е.Большаковой (Турин) «Экспрессия числительных в стихе М.Цветаевой», Е.П.Мстиславской (Москва) «Книга лирики в творчестве М.Цветаевой». В последнем сообщении развивалась мысль о том, что Цветаева считала книгу стихов единым художественным целым и что каждое стихотворение в любой составленной ею книге занимает вполне определенное место в композиции всего поэтического сборника и не может быть понято вне окружающего контекста. Так называемые «внестрофные строки» в поэзии Цветаевой (т.е. случаи, когда конец строфы не совпадает с концом стихотворения) проанализировал Р.Д.Б.Томсон (Торонто). Слова во внестрофных строках не составляют полной строки, всегда выдерживают метрическую схему стихотворения и, как правило, не рифмуются с другими словами строфы. Такой излюбленный Цветаевой прием часто как будто ослабляет впечатление от завершенности стихотворения, но зато соответствует цветаевскому пониманию человеческой речи как недостаточной для выражения всей сути душевной жизни поэта.

Г.Ванечкова (Прага) прочла доклад о «Пражском рыцаре как поэтическом символе» у Цветаевой,

попутно затронув теоретическую сторону вопроса. Монографическому анализу цветаевской «Попытки комнаты» было посвящено содержательное сообщение Иевы Витинс (Галифакс), в котором исследовательница предложила новую интерпретацию поэмы: это не видение смерти (В.К.Лосская) и не изображение ее пространства (Е.Б.Коркина), но — описание преддверия смерти, пространства сна.

Большой раздел составили результаты изучения цветаевских биографических материалов, а также взаимосвязь жизни и творчества поэтессы. Об истории создания фонда М.Цветаевой в ЦГАЛИ — от собирательской деятельности В.Д.Бонч-Бруевича и документов, переданных из ЦГАОР, до массива рукописей и фотографий, поступивших от А.С.Эфрон и А.А.Шкодиной — рассказала собравшимся Н.Б.Волкова (Москва). В качестве источников биографии М.Цветаевой Е.И.Лубяникова (С.-Петербург) рассмотрела архив семьи Иловых в ЦГИА, а М.И.Фейнберг-Самойлова (Москва) — «Воспоминания» А.И.Цветаевой. О таких малоизвестных цветаевских автографах, как деловая записка семье Лебедевых (квартирохозяева сестер Цветаевых в Александре летом 1916 г.), датированная декабром 1918 — январем 1919, и дарственная надпись на книге «Вечерний альбом», адресованная Лидии Ефимовне Комендантовой-Федынской 23 октября 1923 г., сообщили соответственно Л.К.Готтельф и И.Г.Птушкина. А.А.Саакянц (Москва) в докладе «М.Цветаева и С.Эфрон» утверждала, что Эфрон был единственной привязанностью всей жизни Цветаевой, и брак их был «самым гармоничным и естественным из тех, какие только можно вообразить». Эта мысль подтверждалась цитатами из нескольких неизвестных прежде писем Эфрона разным лицам, написанных в разные годы. Ю.П.Клюкин (Москва) попытался реконструировать отношения М.Цветаевой и А.Г.Вишняка, возглавлявшего издательство «Геликон». Л.А.Мнухин (Москва) проделал то же самое с успехом, уже в связи с фигурой А.Ф.Керенского, которого Цветаева называла «романтиком революции». На протяжении 20 лет поэтесса неоднократно возвращалась к осмыслению личности этого известного политического деятеля — то в сборнике «Лебединый стан», то в пометах к поэме «Перекоп». Сохранились две дарственные надписи Цветаевой Керенскому — на поэме «Царь-девица» и сборнике «Психея». Б.Л.Клещенко (Москва) в сообщении ««Нездешний вечер» в Комарово» на основании личных воспоминаний о встрече с А.Ахматовой 5 сентября 1965 г. в Комарово подвергла сомнению утверждение М.Цветаевой, что Ахматова избегала с нею встреч. Напротив, Ахматова сообщила мемуаристке, что сожалела о «невстрече» с Цветаевой и всегда была поклонницей ее стихов. С полным текстом доклада К.М.Поливанова (Москва) «Марина Цветаева и Борис Пастернак» можно ознакомиться в данном номере журнала «De visu».

Реальному комментарию к стихотворению «У гробика» из книги «Вечерний альбом» (переплетение творческой биографии Цветаевой и судеб членов семьи Максима Горького) был посвящен доклад Л.Н.Иокар (Москва) «Биография одного стихотворения», а «примечаниям» к стихотворению «От Ильмена до вод Каспийский» — сообщение Н.И.Катаевой-Лыткиной (Москва) «М.Цветаева и большевик». Здесь речь шла об адресате произведения — Борисе

Александровиче (а не Ивановиче, как указывалось комментаторами ранее) Бессарабове, художнике по профессии (а не агрономе), родившемся в 1897 (а не каком-либо ином) году.

А.В.Докукина (Генуя) рассказала о местах, которые посетила Цветаева в детстве, сопровождая свою мать на лечение от туберкулеза («М.Цветаева в Нерви»). Повествование было проиллюстрировано красочными почтовыми открытками и фотографиями.

Свидетельством пристального внимания, проявляемого учеными к эпистолярному наследию Цветаевой, стали сразу несколько сообщений. Н.К.Телетова (С.-Петербург) выявила типологию эпистолярного жанра в творчестве Цветаевой: 1) чисто бытовые письма; 2) «отходы вдохновения»: письма, содержащие сюжеты, близкие или параллельные ее художественным произведениям; 3) чисто литературные письма, создававшиеся, по выражению докладчицы, «вместо творчества». Именно последний вид эпистолярного жанра заинтересовал Л.Ф.Кациса (Москва), который в изыскании «Семантика и структура эпистолярных циклов М.Цветаевой» показал, что так называемые «Флорентийские ночи» («Девять писем»), обращенные к А.Г.Вишняку, изобилуют литературными реминисценциями из А.Белого, В.Маяковского, А.Ремизова, И.Эренбурга, — ergo, являют собой плод художественного воображения, а не факт личной переписки. В.А.Швейцер (Амхерст) в выступлении, озаглавленном «Об одном недоопубликованном письме Цветаевой» и посвященном памяти Ю.П.Иваска (ибо именно ему адресовано им самим дважды опубликованное — и оба раза не полностью — послание Цветаевой от конца февраля 1939 г., о котором шла речь), крайне деликатно коснулась темы «гомозротической» склонности, достаточно актуальной для цветаевской поэзии. В.А.Швейцер предлагает понимать эту склонность, о которой упоминается в неопубликованных строках послания, не в смысле физического, но как особое состояние души поэта, знак его отверженности и несчастной судьбы.

Не обошлось без дискуссии, ставшей, как нам кажется результатом некоего напряжения, возникшего между теми, кто исповедует научный подход к наследию поэтессы, и теми, кто привык воспринимать ее как живого человека. В непоименованном выступлении И.В.Кудрова (С.-Петербург), поставив в один ряд книгу В.К.Лосской «Цветаева в жизни» и антиюбилейную статью Льва Наврозова («Московские новости» от 11 октября 1992 г.), протестовала в связи с некультурным принижением образа великого русского поэта. Книгу В.К.Лосской аргументированно защищал К.М.Поливанов. Позицию завершившего прения В.С.Баташова (Феодосия), рассуждавшего о Боге и бесе, идентифицировать было бы затруднительно.

Доклад же В.С.Баташова «Цветаева и Волошин: Стихотворные посвящения» принадлежал тому направлению в цветаеведении, которое можно было бы обозначить как «Цветаева и творчество ее современников». В русле этого же направления были подготовлены сообщения А.А.Михайлова «Цветаева и Маяковский» (личного сближения двух поэтов не произошло, отмечал исследователь, но характер их дарований и поэтическое мироощущение было идентичным), Джейн Таубман (Амхерст) «Цветаева и «женская традиция»» (по мнению докладчицы, в

начале поэтического пути — Цветаева намеренно избегала женской маски, отказываясь в стихах — там, где это возможно — от грамматических форм женского рода; однако, в дальнейшем она, в отличие от С.Парнок и П.Соловьевой (*Allegro*), не заменяла женское «я» своего лирического героя мужским), О.Я.Обуховой (Пиза) «Тема детства в творчестве М.Цветаевой и А.Герцык» (в статье 1906 г. «Из мира детских игр» Герцык судит свое детство, выносит ему четко сформулированный приговор, а в произведениях Цветаевой детство — все еще кровавая боль и трагедия, от которой писательница не освободилась; общее же у поэтов то, что они концентрируют внимание на зарождении в ребенке творческой личности).

Несколько исследований было посвящено теме «Цветаева и Блок». К.Ципела (Амхерст) говорила о том, что «Крысолов» Цветаевой — как бы наово переписанные «Двенадцать» Блока, только с обратным знаком: блоковскому антимещанскому пафосу и осеняющему революцию Христу с апостолами противостоят разруха и Крысолов с крысами. С.С.Лесневский (Москва) подверг анализу «образ поэта в цикле М.Цветаевой “Стихи к Блоку”»: здесь взаимодействуют два образа поэта — Александра Блока и Поэта вообще (причем очевидна связь трактовки последнего с предшествующей русской поэтической традицией).

Непрерывную связь творчества М.Цветаевой с русской литературой и культурой XIX века отмечал и В.П.Старк (С.-Петербург). В сообщении «Цветаева и Карамзин» он остановился на двух моментах читательского общения поэтессы с произведениями «последнего летописца»: пометах на полях принадлежащего Цветаевой экземпляра «Писем русского путешественника» и цветаевской концепции Смутного времени, почерпнутой непосредственно из «Истории государства Российского», невзирая на более поздние и более соответствующие истине работы С.М.Соловьева, Н.И.Костомарова и В.О.Ключевского о том же историческом периоде. Тему «Цветаева и смежные искусства» представлял всего лишь один доклад Н.В.Королевой (Москва) ««Вахтанговский период» в драматургии М.Цветаевой». Исследовательница обратила внимание на драматургичность лирики Цветаевой (напряженность коллизий, обилие населяющих стихи персонажей) и стремление поэтессы уйти от кошмаров революции и гражданской войны в сказку, совпавшее с эстетическими исканиями студии Завадского.

Проблемы связи мировоззрения и творчества Цветаевой с иноязычными культурами вскрывается в выступлениях Марии-Луизы Ботт (Фрейбург) «Поэт и Время: Музиль, Гофмансталь, Цветаева», Т.Н.Кра-

савченко (Москва) «М.Цветаева и Сингрид Ундсет: Единый мир в разных обликах», Л.Л.Кертман (Пермь) «Трилогия С.Ундсет “Кристина, дочь Лавранса” и ее роль в жизни М.Цветаевой». В первом из сообщений о романах норвежской писательницы, Нобелевского лауреата, с чьим творчеством Цветаева познакомилась в немецком переводе, обращалось внимание на сходство судьбы героини трилогии с биографией Марины Ивановны (потеря детей, одиночество, скитальчество, ощущение себя самое «белой вороной»); во втором же исследовательница обращалась преимущественно к сходству отношений между М.Цветаевой и С.Эфроном и Кристиной и ее мужем — персонажами «лучшего произведения о женской доле». М.А.Разумовская (Вена) изложила свои наблюдения в связи с влиянием личности и эпистолярного наследия Беттины фон Арним на жизнь и творчество Цветаевой. Трудности перевода цветаевской поэзии на английский и шведский языки были освещены в выступлениях соответственно Р.Кембалла (Лозанна) и А.Бегстрем (Стокгольм).

Доклад О.В.Шурляковой (Киев) «Цветаевский миф о Блоке», сам по себе достаточно примечательный и прочитанный в сжатой форме 9 октября, устроители конференции попросили исполнить «на бис» в более пространным варианте 10 октября. Бывает, конечно, что один докладчик делает на одной и той же конференции два разных доклада. Бывает, что один докладчик делает одно и то же сообщение на двух разных конференциях. Но чтобы один и тот же исследователь дважды выступил с одним и тем же текстом на одной и той же конференции, где к тому же не было недостатка в участниках... Сообщением об этой новации, заслуживающей упоминания, мы завершаем наш отчет.

Цветаевские дни в Москве ознаменовались также юбилейным вечером, состоявшимся 7 октября в Колонном зале Дома Союзов, и открытием двух выставок: посвященной жизни и творчеству М.Цветаевой (8 октября в здании Музея изобразительных искусств им.А.С.Пушкина на Волхонке) и посвященной жизни и творчеству А.С.Эфрон (9 октября в здании Государственного литературного музея в Трубниковском пер.; предыстория экспозиции и комментарии к ней были изложены в прозвучавшем на конференции докладе А.Э.Рудник (Москва) «Ариадна Эфрон»). В один из дней конференции участниками «на десерт» была выслушана магнитофонная запись доклада И.А.Бродского «“Магдалина” Б.Пастернака и “Магдалина” М.Цветаевой», сделанного на недавней цветаевской конференции в Амхерсте.

А.Б.Рогачевский.

Редакция «De Visu» просит научные, учебные, литературные организации и общества, музеи и др. информировать о планирующихся или прошедших конференциях, симпозиумах и семинарах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг. Журнал готов разместить ваши объявления и отчеты.

**Научно-исследовательский институт киноискусства
Музей кино при Конфедерации Союзов кинематографистов
и Международная киношкола
издают историко-теоретический журнал**

«КИНОВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

Это теоретико-искусствоведческая мысль в области кино, материалы из истории отечественного и мирового кино и кинотеории, архивные публикации, киноведческие дискуссии, информация о событиях в мире кинонауки, заметки на полях новых и старых киноведческих книг, справочные материалы.

Одна из постоянных рубрик – «Эйзенштейновские чтения», где уже опубликовано:

Сергей Эйзенштейн «Гоголь и киноязык», эйзенштейновские рукописи в архиве А. Р. Лурия, письма Тиссэ к Эйзенштейну, мемуары Юдифь Глизер «Эйзенштейн и женщины», исследования: «Эйзенштейн и конструктивизм», «Эйзенштейн и психоанализ», «Броненосец Потемкин» и «Медный всадник»... Впервые опубликован на русском языке доклад С. М. Эйзенштейна «Драматургия киноформы» и дополнения к нему.

Вышли специальные номера:

- № 7: «ФЭКС и эксцентризм в культуре XX века»;
- № 11 посвящен 70-м годам в нашем кино, «Семидесятые как проблема»;
- № 14 посвящен Андрею Тарковскому.

Постоянные авторы журнала – авторитетные в нашей стране исследователи кино: Наум Клейман, Майя Туровская, Юрий Лотман, Леонид Козлов, Ирина Шилова, Михаил Ямпольский, Юрий Цивьян, Виктор Листов, Мирон Черненко, Наталья Нусинова и другие, а также наши зарубежные коллеги.

Журнал выходит 4 раза в год.

Объем каждого номера – 14-15 авт. листов.

В каждом номере мы даем оглавление на английском языке. Начиная с №14 мы будем публиковать короткое summary на английском языке.

Адрес редакции журнала: Россия, 103050, Москва, Дегтярный переулок, 8.

Распространением нашего журнала за пределами стран СНГ занимается агентство «FEX» (Filminformation-Expedicio), Будапешт.

Varga Anna, HUNGARY, 1117 BUDAPEST, Varanyai ter 13.

По вашему заказу оно вышлет Вам проспект с условиями подписки и возможности приобретения вышедших номеров.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Журнал теории и истории литературы, критики и библиографии

Theory & history of literature, literary criticism & bibliography

NEW LITERARY REVIEW

Россия, Москва, 129626, а/я № 55

Тел. 280-98-07

«Новое литературное обозрение» — первый российский независимый филологический журнал, свободный как от государственного идеологического диктата, так и от узкоцеховых пристрастий. «НЛО» ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устарелых категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте.

Структурно журнал делится на три больших раздела:

ТЕОРИЯ — где будут представлены статьи по современным проблемам теории литературы, охватывающие большой спектр постмодернистских дискурсов; междисциплинарные исследования; работы по стиховедению; публикации важнейших классических работ западных и отечественных теоретиков литературы.

ИСТОРИЯ — историко-литературные труды, посвященные различным аспектам литературной истории России, а также связям России и Запада; введение в научный обиход большого корпуса архивных документов (художественных текстов, эпистолярная, мемуаров и т. п.).

ПРАКТИКА — статьи, рецензии, интервью, эссе по проблемам советской и постсоветской литературной жизни.

«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: хронике культурной жизни России и зарубежья (конференции, симпозиумы, чтения), обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.

«Новое литературное обозрение» — периодическое издание, выходит 6 раз в год (плюс 2 тематических номера в виде приложения).

Ежемесячный журнал драматургии и театра

Театр

Журнал «Театр» – старейшее театральное издание в России. Он знавал разные времена, но всегда выживал, благодаря профессионализму своих авторов и редакторов, благодаря своей приверженности традициям русской театральной критики.

Традиционно:

- мы сосредоточены на любимом предмете – Театре во всех его жанрах и проявлениях;
- готовы рассказать вам о событиях театральной жизни Москвы и Петербурга, возрождающихся городов России и ближнего зарубежья;
- публикуем статьи, архивные документы, теоретические и публицистические изыскания, восполняя пробелы в истории театрального искусства;
- в рубрике «Пьесы» – новые или ранее не публиковавшиеся произведения отечественных драматургов

Кое-что из многого:

«Нет событий в современном театре». Критик любит скакать на этом коньке. Надвигающийся сезон обещает быть именно сезоном событий. Г.Панфилов поставил в Ленкоме «Сорри» с И.Чуриковой и Н.Караченцовым; М.Левитин уже показал своего «Дон-Жуана» с В.Гвоздицким. После скандала на Таганке Ю.Любимов выставил свой главный козырь – «Электру» с А.Демидовой и Е.Васильевой. О.Ефремов наконец закончил программное для себя «Горе от ума». А.Т.Доронина репетирует булгаковский «Батум». На носу долгожданные премьеры «Маскарада» у Л.Хейфеца, «Иванова» у Г.Яновской и С.Шакурова, «Дамы с собачкой» у К.Гинкаса с М.Нееловой и А.Абдуловым. В этом сезоне в схватке (или объятии) с Чеховым – М.Захаров, М.Розовский и С.Соловьев. Вездесущий Р.Виктук среди прочего покажет «Лолиту». Легендарная эфросовская актриса О.Яковлева – в восстановленном по мизансценам Мастера «Наполеоне».

Об этом на наших страницах, а также:

- стоит ли нам в очередной раз «отрекаться от старого мира»: за нашим «круглым столом» обсуждается художественное наследие последней из великих империй;
- архивные публикации: Ф.Шальпин, «К.Р.» – драматург из Дома Романовых, Михаил Чехов, Юрий Олеша, обзоруты.

А кроме того:

- номер, целиком посвященный искусству русского модерна – одной из самых замечательных страниц в истории отечественной культуры.

Адрес редакции:

Россия, 121069, Москва, ул.Герцена, 49. Тел.: 291-57-88, 290-16-10.
Факс: (095) 202-84-65.

В следующих номерах «DE VISU»

**Впервые публикуемые рассказы
Бориса Садовского и Леонида Липавского**

**Воспоминания А.Богданова
«Три недели в ГПУ»**

**Публицистика
Александра Куприна и Алексея Толстого 1918-1919 гг.
Рецензии Константина Вагинова**

**Письма
Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума,
Леонида Добычина**

**Статьи о творчестве
Б.Пастернака, В.Ходасевича, А.Крученых, В.Набокова**

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года

**Библиография литературных групп
«Серрапионовы братья» и экспрессионистов**

Рецензии. Обзоры

Тематическая текущая библиография